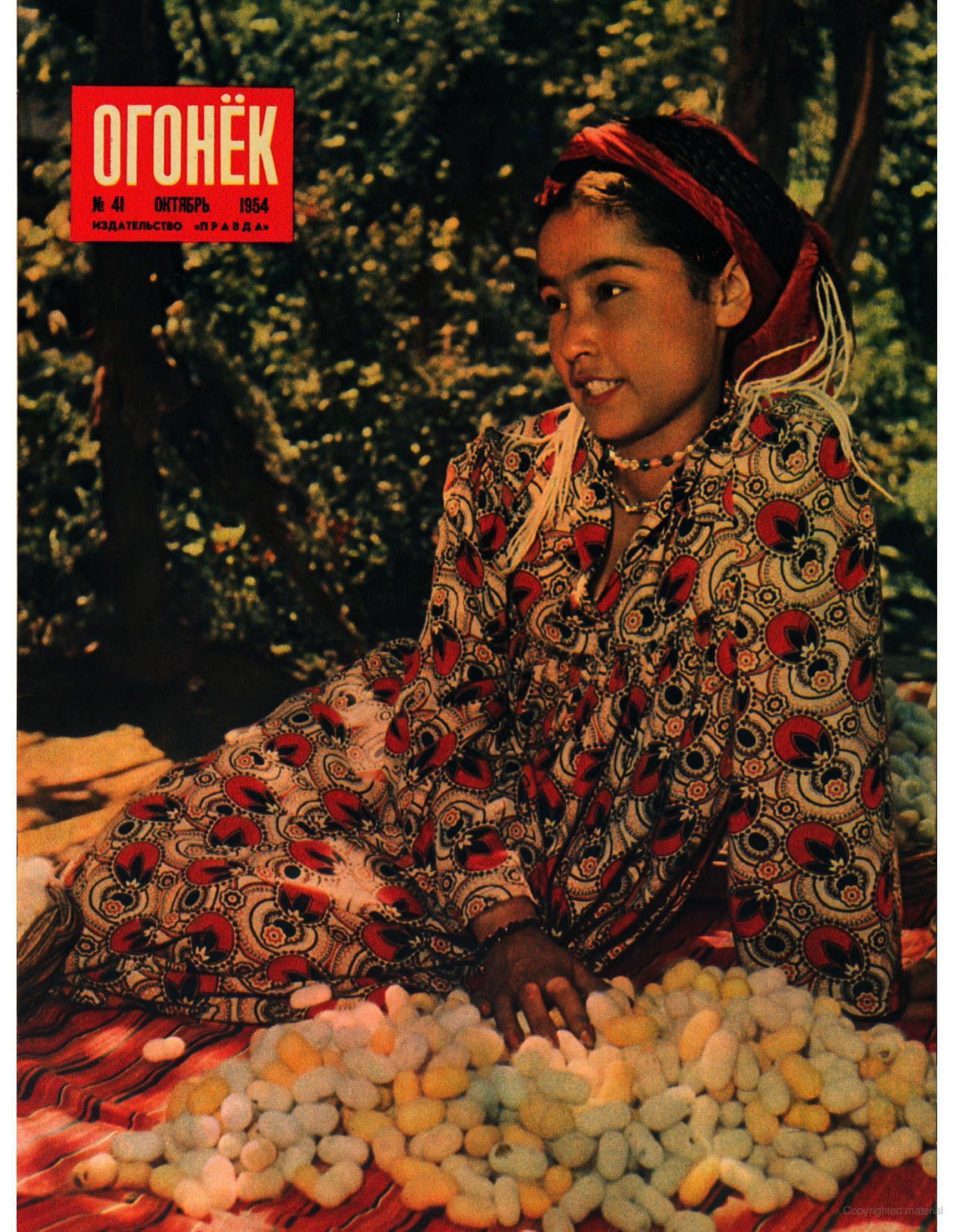

ОГОНЁК
№ 41 ОКТЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

В Краснодоне открыт памятник героям подпольной организации «Молодая гвардия». На гранитном постаменте бронзовая скульптурная группа, изображающая Героев Советского Союза Олега Кошевого, Ульяну Громову, Ивана Земнухова, Любовь Шевцову и Сергея Тюленина. Золотыми буквами на постаменте начертана надпись: «Героям «Молодой гвардии» от Ленинского коммунистического союза молодежи Украины». Авторы памятника — скульпторы В. Мухин, И. Агибалов, В. Федченко и архитектор А. Сидоренко.

Фото Ю. Кривоносова.

На первой странице обложки: Бригадир шелководческой бригады Совру Набиева (колхоз имени Молотова, Исфаринского района, Ленинабадской области, Таджикской ССР).

Фото О. Кнорринга.

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 41 (1426) 10 ОКТЯБРЯ 1954 32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

1 октября 1954 года китайский народ и вместе с ним все прогрессивное человечество праздновали пятилетие со дня провозглашения Китайской Народной Республики.

В Пекине, на площади Тяньаньмынь, состоялись парад вооруженных сил республики и демонстрация трудящихся столицы Китая.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

terial

ПРАЗДНИК КИТАЙСКОГО НАРОДА

Великий китайский народ торжественно и радостно отметил знаменательную дату — пятую годовщину Китайской Народной Республики. В дни празднеств взоры миллионов друзей нового Китая во всех странах были прикованы к Пекину.

Бойцы Народно-освободительной армии в день всенародного праздника демонстрировали свою готовность защищать завоевания революции.

ПОЙДЕМ НА ТЯНЬАНЬМЫНЬ!

Рисунок художника Цун Ци-сян, сделанный по просьбе редакции журнала «Огонек».

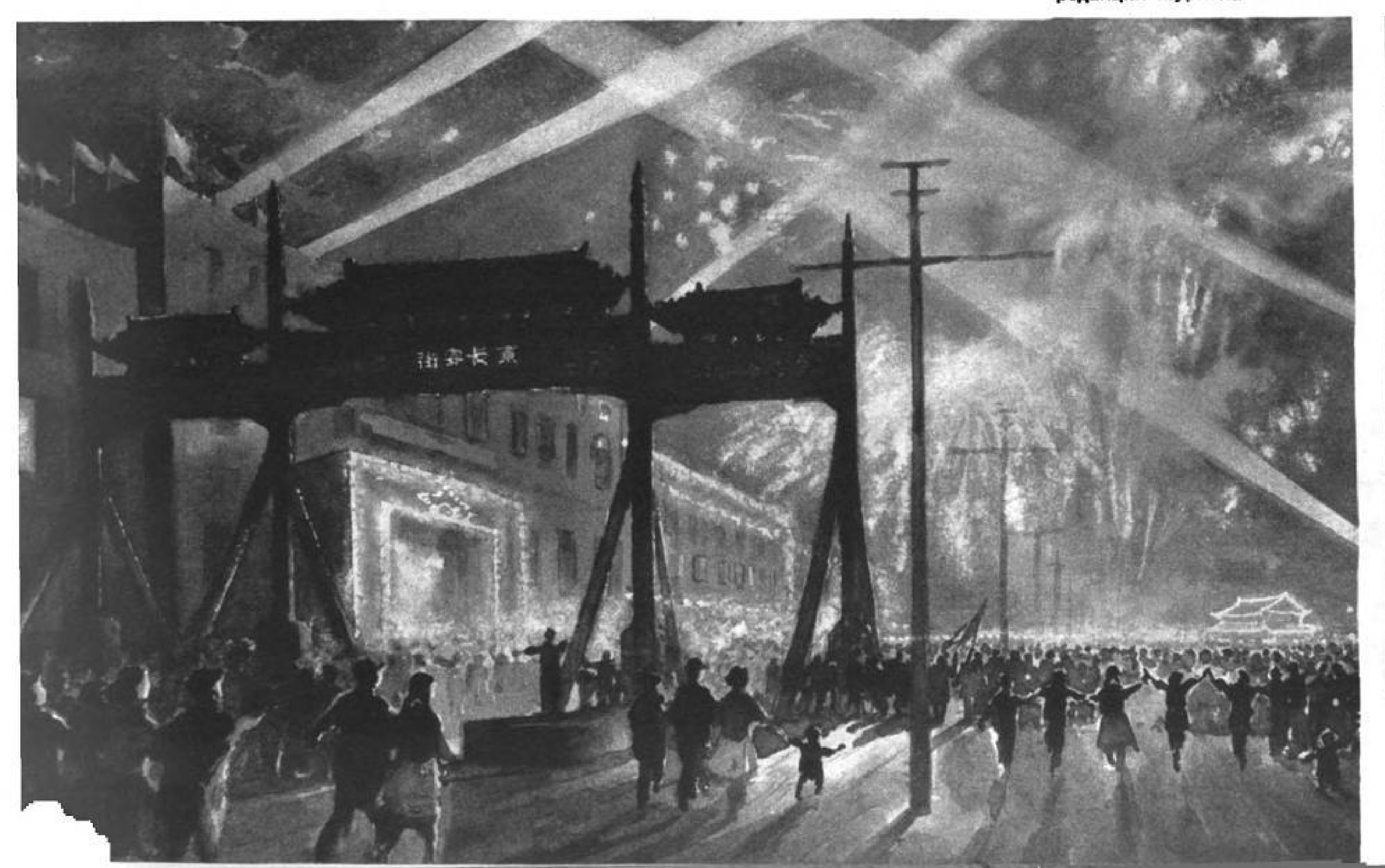

Фото Дм. Бальтерманца.

Copyrighted material

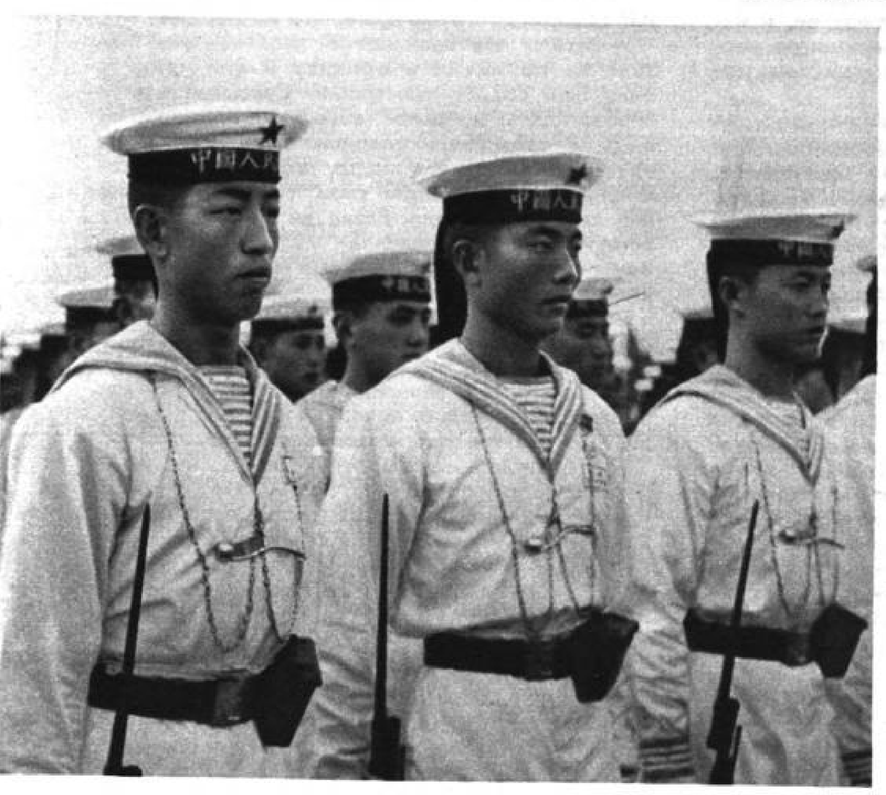

Пекин 1 октября 1954 года. Площадь Тяньаньмынь. На правительственной трибуне (слева направо): Н. М. Шверник, Чэнь Юнь, Г. Апостол, Чжоу Энь-лай, Ким Ир Сен, Чжу Дэ, Н. А. Булганин, Мао Цзэ-дун, Н. С. Хрущев, Лю Шао-ци, Б. Берут, Сун Цин-лин, П. Гроза, Линь Бо-цзюй, А. И. Микоян.

Фото агентства Синьхуа.

На площади Тяньаньмынь демонстрируются новые машины, которые раньше не выпускались в Китае.

Военные моряки на параде.

Идет молодежь китайской столицы.

Сотни юношей и девушек исполняли перед трибунами народные танцы.

Мао Цзэ-дун и Н. С. Хрущев в президиуме торжественного заседания, посвященного пятой годовщине со дня образования Китайской Народной Республики.

Copyrighted material

ОЧКИ

Рассказ из цикла «Современники»

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунок О. Верейского.

Пожалуй, с того самого румяного, хрусткого зимнего утра, когда партизаны после двух лет тяжелой лесной войны выходили навстречу нашим наступающим частям и Анна Михайловна Суворова, идя в середине колонны, вдруг увидела в розовеющей дали, меж заснеженными соснами, своих солдат в заскорузлых полушубках, ушанках и валенках, с того теперь уже далекого дня эта пожилая, спокойная, уверенная в себе женщина не волновалась так, как сейчас, ожидая, что ей вот-вот предоставят слово.

Собственно, поводов для волнения не было никаких. И в колхозе и в своем районе Суворова давно уже прослыла человеком, который за словом в карман не полезет. Районные, да и областные работники, из тех, кто грешил незнанием колхозных дел или невниманием к льноводству, побаивались этой прямолинейной, грубоватой женщины и ее острого, беспощадного языка. Но то было на родине, то были свои, домашние, досконально знакомые дела. А тут конференция, на которую съедутся делегаты со всей страны, тут большой разговор о самом простом и одновременно самом сложном, о том, что кровно интересует не только Суворову, не только ее односельчан из колхоза «Великий перелом», но людей всей, как есть всей земли. И, узнав, что, возможно, на этой конференции ей предоставят слово, Суворова вдруг ощутила такое волнение, будто ей в самом деле предстоит говорить со всеми народами сразу.

Она так и сказала в райкоме, что трусит, что для столь ответственного выступления ей и слов-то настоящих не сыскать, что в делегации есть люди пообразованней и поречистей. Им, мол, и книги в руки.

В райкоме удивились, стали успокаивать, а с речью обещали помочь. И действительно, перед отъездом Суворова получила пять страничек, аккуратно напечатанных на машинке. В них было все, что положено: и перечисление страшных бед, причиненных их краю фашистским нашествием, и примеры того, как после войны возрождались на пепелищах села и города. Были тут и веские цифры, и правильные слова о войне и мире. Все это Суворовой пришлось по душе: грамотно, культурно. Она вписала в текст кое-что свое, взятое из жизни «Великого перелома», и совсем было уже успокоилась.

Но на конференции, среди делегатов, которых она никогда до сих пор не встречала и которых то и дело узнавала по фотографиям и портретам, напечатанным в разное время в газетах и журналах, беспокойство вновь одолело ее. Вот перед кем говорить придется! После первых же прослушанных речей заготовленный текст вызвал у Суворовой тревогу. Все в нем правильно, все на месте, но чего-то нет. Мысли, что ли, не новы, слова ли слишком уж привычны, тусклы...

Руководитель делегации, инженер-конструктор по профессии, выслушав ее сомнения, усмехнулся:

— Предела совершенства, дражайшая Анна Михайловна, как известно, нет.

Однако он не пошел обедать и весь перерыв просидел вместе с Суворовой в опустевшем фойе над текстом ее выступления. Но и этого ей показалось мало. Странное, жутковатое ощущение, что предстоит говорить не только вот этим людям, наполняющим зал, а всему человечеству, не покидало колхозницу. И она упросила подругу по делегации и соседку по номеру, старушку-учительницу, не ходить в этот вечер в МХАТ, куда они имели билеты и где им обеим очень хотелось побывать.

До самой ночи они вдвоем, прихлебывая крепкий чай, взвешивали и шлифовали каждую фразу. Опытная учительница даже отметила на полях, где нужно «нажать на голос». Потом, оседлав очками свой короткий, вздернутый и теперь, в пожилые годы, все еще весьма задорный нос, Суворова с выражением прочитала соседке результат стольких трудов. Учительница слушала задумчиво, склонив набок голову. Прослушав, она сказала: «Отлично, пятерка!» Речь в самом деле получилась хоть куда.

Чего бы, кажется, и беспокоиться?

И все же сейчас, когда объявлено, что следующее слово будет предоставлено ей, Суворова волновалась. Приближалось что-то большое, небывалое, давно ожидаемое и все же нежданное, сулящее какие-то неизведанные переживания. Чувства, которые она испытывала в эти минуты, очень напоминали ей почему-то те мгновения, когда, выйдя из леса, увидела она первую колонну советских воинов и когда вместо того, чтобы бежать навстречу им, родным, долгожданным, она прижалась к сосне, чувствуя, что силы оставляют ее, и издали следила за тем, как ее товарищи по лесной войне обнимаются с солдатами на дороге...

Она не слышала, что говорил оратор, не знала, почему короткие аплодисменты то и дело перебивали его речь. Она то снимала, то надевала очки, то перебирала листы своей речи, то принималась ее читать. Ей казалось, что соседи видят, как она волнуется, и, чтобы скрыть дрожь пальцев, плотно прижимала руки к коленям. И, конечно, она прозевала момент, когда освободилась трибуна. Голос председателя, как показалось ей, внезапно произнес:

— Предоставляю слово Анне Михайловне Суворовой, председателю правления колхоза «Великий перелом».

Сразу вдруг успокоившись, Суворова неторопливо поднялась с места, хозяйственно забрала свои записи, футляр с очками, ответила на незаметное пожатие руки своей соседки-учительницы и с достоинством, неторопливо направилась по проходу к трибуне. Два ордена Красного Знамени — боевой и трудовой — тихонько позвякивали у нее на груди, стукаясь друг о друга в такт шагам.

Ощущая растущую уверенность, она разложила перед собою на трибуне листки и спокойно посмотрела в зал. Страдающая острой дальнозоркостью, она не различила первых рядов, но семнадцатый, где сидела ее делегация, она видела четко: разглядела конструктора, глаза которого, как бы настороженно таились за сверкающим пенсне, заметила взволнованное ожидание на добром лице учительницы и поняла, что старушка беспокоится за нее. Уверенно улыбнувшись, адресуясь точно не ко всем, а только к этой маленькой, сухонькой учительнице, она произнесла:

— Товарищи!

Обращение прозвучало звонко. Учительница поощрительно кивнула ей в семнадцатом ряду, как кивала она, вероятно, в классе, приготовившись слушать ответ хорошего ученика.

Невысокого роста, крепкая, несмотря на свой возраст, румяная и чернобровая, стояла Суворова на трибуне. Держалась она просто, и делегатам было необычайно приятно услышать, как увесистое волжское «о» округлилось в первом же произнесенном ею слове. Руки Суворовой между тем привычными движениями открыли очечник.

И вдруг пальцы, судорожно шарившие в футляре, оцепенели. На лице оратора, мгновение назад таком спокойном, появилась странная улыбка.

— Товарищи! — повторила Суворова, и теперь слово это прозвучало как вопрос, как выражение недоумения и испуга. Руки ее все еще вертели пустой футляр. Очков в нем не было. Она, должно быть, забыла их там, в семнадцатом ряду, а может быть, выронила по пути на трибуну.

На пюпитре, расплываясь, белеют листы бумаги. Вместо букв, сколько она ни вглядывается, глаза различают лишь размытые, нечеткие, сплошь темные строки. Шея и спина у Суворовой сразу стали влажными, ноги подламывались. В напряженной тишине позвякивали ордена, стукаясь один о другой. Это легкое позвякивание казалось теперь колхознице громким, как звук колокола, и она дрожащей рукой прижала ордена к груди.

Зал ожидал. Учительница, сидевшая в дальнем ряду, побледнела и вся устремилась вперед, точно готова была броситься подруге на помощь. Тревожно посверкивали стекла пенсне руководителя делегации. А Суворова думала: «Провалилась! Сорвала выступление! Осрамила делегацию, оскорбила всех тех, кто доверил сказать с этой трибуны о своих чувствах и мыслях. Что делать?! Уходить?.. Проклятые очки!»

Она растерянно оглянулась на президиум. Невооруженными глазами она нечетко видела контуры лиц, но ей чудилось, что она различает написанное на них раздражение, сердитые взгляды. Какой позор, господи! Провалиться бы под пол, исчезнуть!..

И вдруг оттуда, из рядов президиума, до нее донесся сочувственный, полный доброжелательности голос, принадлежащий, как она догадалась, тому знаменитому писателю с серебряной головой и юношеским, даже мальчишеским лицом, что с утра вел заседание:

— Чего же вы смущаетесь, Анна Михайловна? Говорите, что на душе, что на сердце.

И оттого, что незнакомый этот человек назвал ее по имени и отчеству и что голос у него был совсем домашний, Суворова вдруг спохватилась: в самом деле, что произошло? Ведь в этом великолепном зале, сияющем хрусталем огромных люстр, под сенью торжественных колонн сидят свои, советские, такие же, как и она, люди. Разве ей нечего сказать всем им, озабоченным так же, как и она, делами мира и войны? Да боже ж мой, сколько слов теснится у нее в голове!..

— Вот очки куда-то, шут их знает, запропастились, — сказала она, смущенно улыбаясь, и три микрофона, поймав ее слова, усилили их, передали в зал, записали на пленку, бросили в эфир. — Ну ладно, ничего, я так, без бумажки... Вы уж, товарищи, извините меня...

Что означает этот короткий шумок, что прокатился вдруг по залу, прокатился и стих? Суворова смотрит на свою делегацию. Пенсне конструктора уже не сверкает; он сидит, нагнувшись, сжав ладонями свою лобастую голову, а учительница вся вытянулась вперед, и губы ее шепчут, будто хотят что-то подсказать.

«Переживают», — догадывается Суворова, но это ей уже не страшно. Главное сделано — прервана тишина, сказана первая фраза, — а говорить ей есть о чем.

— Кто я, почему здесь стою перед вами, товарищи? Председатель хорошего колхоза, как вам тут сказали? Правильно. Льноводка умелая? И то верно. Но главное-то разве в этом? Главное в том, что я женщина, по-старому, по-деревенски говоря, баба — баба-вдова. Муж мой погиб в партизанах. Баба-сирота, потому что старший мой убит на войне, а дочка единственная пропала в фашистской неволе. Забрали они ее, и не вернулась. И где сгибла, не знаю. Одни говорят, будто по дороге, когда их на чужбину везли, руки на себя наложила, другие — будто из эшелона сиганула и пристрелили ее... Вдова-сирота, товарищи, вот кто вам это все говорит! А уж кому, как не мне, вдове-сироте, знать, что такое война и что она, проклятая, несет людям.

Суворова на миг останавливается и тыльной стороной руки крепко вытирает горячие, повлажневшие губы. В зале тишина. Попрежнему еще сидит, согнувшись, руководитель делегации, но учительница уже не тянется с подсказкой. Она все еще насторожена, но уже поощрительно кивает головой. Колхозница ласково улыбается ей. На душе у нее совсем покойно, будто сидят перед ней свои, односельчане, которых она знает, которые вместе с ней выросли или родились у нее на глазах.

— Да разве я тут одна такая? Вон там, в нашей делегации, учительница заслуженная, Преображенская Вера Николаевна. У нее единственный сын Костя, Константин то есть, под Керчью погиб. А рядом вон, возле нее, в пенсне, это конструктор-лауреат товарищ Блаженов. У него в эвакуации вся семья померла от тифа... Да разве ж мало таких среди нас.

Copyrighted material

что, помимо общих-то, государственных, имеют с войной и свои личные, так сказать, счеты? Так ведь, товарищи?

И огромный, залитый огнями зал вдруг ответил этой маленькой полной пожилой женщине таким дружным, согласным гулом, как колхозное собрание отвечало обычно своему испытанному вожаку. И как у себя, на колхозном собрании, Суворова с удовольствием подытожила:

— Ну вот, видите, так оно и есть. Кого у нас война не задела! А главное, что война, она нас от трудов наших отвлекла, от дела оторвала, жизнь нам испортила. И какую жизнь-то!..

Вот послушайте-ка, товарищи, как мы раньше, до революции, в наших лесных краях жили. Хлеба-то своего до рождества ни у кого не хватало. Да чистым-то его, хлебушко, у нас только разве осенью и ели. А уж как падет наземь снежок, так бабы в квашню и картошку толченую и льняной жмых клали, а зимой лебеду да терту кору... Да разве у нас когда кто с поля своего кормился? С крещенья мужики шли в отход, ну, а бабы, то есть, извиняюсь, конечно, товарищи, женщины, да ребятишки, эти по куски — под чужую оконницу корки собирать. Я сама ходила, что вы думаете? В чужую ставню стук-стук: подайте на пропитание... Это еще что! А то, бывало, мужики сани на костре обожгут да на них на юг и подадутся, на погорелое место собирать. Голь на выдумки хитра. Станешь выдумывать, когда дома все ребятишки колтуном маются. Вы, чай, товарищи, и не знаете, что такое колтун? А? Колтун — это болезнь, от голоду бывала. На голове корка такая из худой крови образуется, вроде шапки, и никакими силами ее не отдерешь... Я, товарищи, не очень вас задерживаю?

В зале послышался дружный и очень добрый смех. Кто-то одиноко зааплодировал, но тотчас же смолк, и председатель произнес, повидимому, с улыбкой:

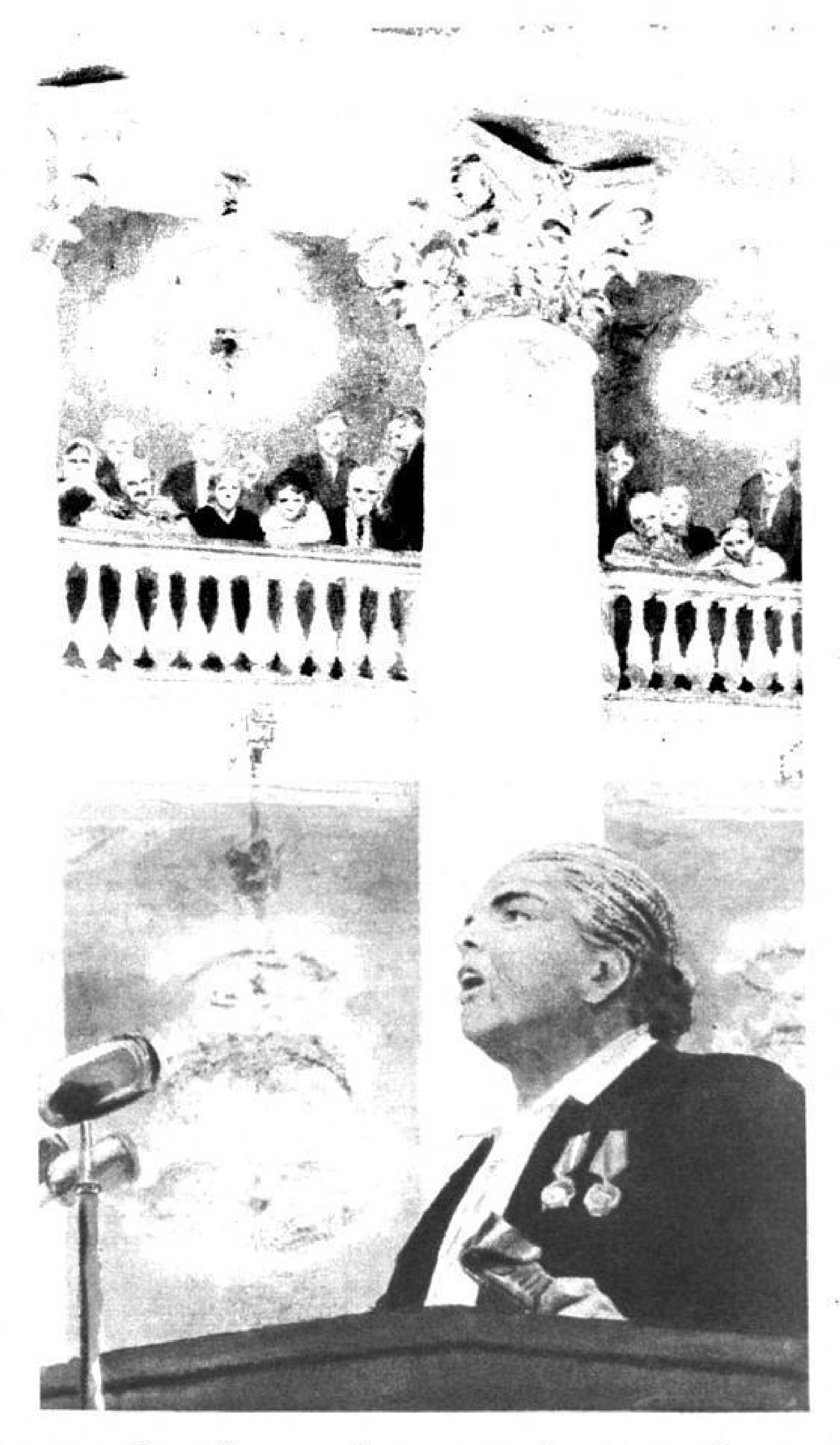
— Нет, нет, Анна Михайловна, говорите, пожалуйста.

— Я к чему вам это толкую, товарищи, про колтун, про горелые оглобли да про то, как в мерзлых липовых лаптишках я девчонкой под чужими окнами побиралась? А к тому, что при Советской власти все мы в неродившем нашем лесном краю в первый раз досыта наелись, да не только наелись — запасы завели... К тому я это вам говорю, что родная наша мать, Коммунистическая партия, настоящую жизнь народу открыла, свет показала, счастье дала! Меня вот, простую крестьянскую бабу, извиняюсь опять же, товарищи, женщину, вчерашнюю нищенку, в Кремль вызывали для совета с руководителями партии и правительства по важнейшим колхозным делам... Нет, нет, товарищи, не аплодируйте зря, вы меня не так поняли. Не меня лично вызывали, не Анну Суворову, а нас, передовиков сельского хозяйства... Это не мне, партии нашей, Советской власти аплодировать надо. Вот и я вместе с вами поаплодирую, и с удовольствием...

Кинооператоры зажгли свои лампы. То ли от яркого освещения, то ли от радостного контакта, установившегося между ней и залом, то ли от мыслей, теснящихся в голове, помолодевшая, стояла Суворова на трибуне, радостно рукоплеща своей партии, стояла, смотрела, как в зале точно бы сотни белых птиц махали крыльями. На душе ее покойно, радостно. И, обращаясь ко всем этим людям, которые так хорошо ее понимали, которые, как ей казалось, жили с ней одной мечтой, она продолжала уже совсем по-домашнему:

— Я это к чему, товарищи? А к тому, что есть еще на свете империалисты, которые хотят у нас это счастье отнять. Вот к чему! Гитлер, он — ох, силен был, собака! — всю Европу танками подмял, а от нас, простите на грубом слове, и грязных порток не унес. И от страха там, что ли, отравился, как крыса худая, где-то в своей норе... Вот тут многие говорили: «Мы мирный народ». Верно, мирный. Все у нас есть. Нам чужого не надо. И радость наша — видеть, как цветет земля. Я вот, товарищи, летом в поле на своей таратайке раз выезжала, — машины я не завожу, дороги-то еще плохи, на таратайке езжу... Так вот, выехала, а льны в ту пору цвели. А льны у нас представляете, какие? Знаменитые! Двадцать шестым номером в этом году волокно сдавали. А знаете, как они цветут? Небо синее, и поля синие — не отличишь. Вздохнула я поглубже и думаю: «Вот они, Анна, твои труды, твоя краса, твое счастье...» Боже ж мой, как это хорошо! А за льнами на пригорке колхоз. Мы его после войны заново отстроили, по плану, в два порядка — изба к избе, и есть у нас все, что положено: и ферма, и конюшня, и клуб, и ясли. Все новенькое. Бревна обветриться не успели, что медовые... Гляжу и думаю: «Неужели опять дойдет сюда война, и все это в прах, и опять на этих полях будет красный бурьян, а вместо домов одни печки?»

Но страшно мне не стало, товарищи. Нет. Только злость меня взяла. Мы мирные люди, и войну мы ненавидим, будь она проклята! Но мы не боимся ее, нет! Уж вы мне верьте. Это говорит вам вдова партизана, мать солдата, убитого под Сталинградом, это вам, товарищи, бывшая партизанка говорит... Был у нас в колхозе один человек огромной силы, ну, скажу вам откровенно, мужик мой, культурно говоря, муж. Первым он был на работе, а нрава тихого, мухи, бывало, не обидит. Двадцать лет с ним прожила, слова бранного не слыхала. Курицу, бывало, или гуся резать к празднику — несет ко мне: «Не могу, Анна, рука дрожит...» А как война к нам пришла, мой первым и среди партизан стал. Гестапу ихнюю, что в школе размещалась, сжег. Поезд воинский под откос сбросил. Какого-то ихнего бандыфюрера, что ли, в генеральских чинах, в плен взял. Специальный самолет с Большой земли за этим бандыфюрером, чтобы ему пусто было, присылали. О муже моем даже Совинформбюро сообщило: «Подвиг партизана товарища Эс».

Я это все к чему тут толкую? А к тому, что одному Гитлеру мы шею свернули, а другие уж в очередь становятся. Охота, видишь ли ты, в мировые цари вылезть... Так вот я и говорю этим-то новым гитлерам, чтобы помнили они моего Федора-партизана, товарища Эс, и сына моего, под Сталинградом погибшего, и всех нас, мирных людей, помнили и чтобы знали они, собаки, что ненавидеть-то войну мы ненавидим, а не боимся ее, нет! И чтобы то они еще помнили, что с Гитлером и со всей его сволочью мы в одиночку справились. А теперь нас, мирных людей, вон какая силища: и китайцы, и поляки, и чехи, и румыны, и венгры. Да всех разве перечтешь! Говорят, нас теперь около миллиарда. Это — те, кто в ряду стоят, а сколько еще рук к нам со всех сторон тянется!.. Вот, пусть они там, в своих конторах, пощелкают на счетах да помозгуют, на кого они руку-то, подлецы, поднять хотят и чем все это для них кончится...

Суворова взглянула на часы. На лице ее, таком взволнованном и страстном, вдруг появилось конфузливое выражение.

— Ой, сколько я уже говорю! Вы простите меня, товарищи. Наверное, думаете: «Забралась старая дура на трибуну, посеяла очки по дороге и несет, что в голову взбредет...»

В зале вспыхнул дружный смех. Со всех концов слышались голоса: «Нет, нет, говорите!», «Слушаем», «Правильно... Очень хорошо!»

— Да мне, пожалуй, говорить-то больше и не о чем, все сказала. Что же тут хорошего?!. Вот здесь у меня, верно, хорошая речь.

Она показала исписанные листки и даже потрясла ими. Зал смеялся, но тем теплым, добродушным, сердечным смехом, возбудить который в слушателях — счастье для каждого оратора.

— Я все сказала, товарищи, что ж добавлять? Давайте уж делом бороться за мир...

На мгновение настала тишина, такая, что все услышали, как шуршит бумага. Суворова собирала листки своей непроизнесенной речи. Потом будто бы раскатился громовой удар — грянули аплодисменты, такие дружные, веселые, каких конференция еще не слыхала.

Окончательно сконфузившись, колхозница засеменила с трибуны, а люди поднялись и аплодировали стоя. Потрясенная этим, искренне не понимая, почему так понравилась людям ее, как казалось ей, сумбурная и бестолковая речь, Суворова торопливо шла по проходу, и какие-то незнакомые делегаты, высовываясь из рядов, жали ей руки, благодарили.

— Молодец, какой вы молодец! — шепнула ей учительница и тихонько чмокнула в щеку.

Старомодные очки в темной оправе с толстыми стеклами, как ни в чем не бывало, лежали на сиденье в кресле, нагло подняв вверх свои дужки. И когда Суворова, усевшись, надела их и все вокруг нее прояснилось, строгий конструктор, в сторону которого она все еще не решалась посмотреть, наклонясь, шепнул:

— А я бы на вашем месте, Анна Михайловна, всегда выходил на трибуну без очков. Да, да, именно без очков!

Copyrighted material

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Рисунки В. Высоцкого.

Фото С. Раскина.

I

Среди великого множества небольших городов и рабочих поселков, в общем очень похожих друг на друга, есть и такие, которые имеют свое лицо, свои неповторимые особенности. Таковы, например, уральский городок Златоуст, знаменитый клинками какой-то волшебной закалки, многославный город машиностроителей Сормово, или Павлово-на-Оке, известный производством ножниц, замков и ножичков, или Палех, это старинное гнездо народных художников...

К таким городам относится и Гусь-Хрустальный — родина русского хрусталя.

Почти двести лет тому назад, в 1756 году, у истоков лесной реки Гусь, в шестидесяти верстах от Владимира, был построен небольшой стекольный завод, на котором впервые в России стали делать посуду из хрусталя. Владельцем этого завода был орловский купец Аким Мальцев.

На той же реке Гусь, при впадении ее в Оку, тогда уже существовал железоделательный завод Баташовых — Гусь-Железный. В отличие от баташовского Мальцев назвал свой завод Гусем-Хрустальным.

Сергей Васильевич Травкин — старейший гравер по хрусталю.

Дело Мальцевых разрасталось. К началу XX века, кроме хрустального завода, в Гусе уже имелись хлопчатобумажная фабрика, лесопилка, кирпичное заведение, а в рабочем поселке насчитывалось около двенадцати тысяч жителей.

Своеобразен был облик поселка. Улицы его походили одна на другую. Ровными шпалерами, как солдаты, стояли одноэтажные кирпичные домики в два и в четыре окошка. Домики назывались «половинками», потому что каждый был разделен на две половины, для двух отдельных семей. Домики, имевшие два окошка по фасаду, назывались просто «половинками», четырехоконные же, имевшие пристройку, именовались «половинкой с кухней».

В «половинках» жили конторщики, мастера, — словом, привилегированная часть населения. Подручные мастеров и чернорабочие ютились в больших казармах.

Казармы назывались собственными именами: «Питерская», «Генеральская», «Золотая». Но за пышными названиями их скрывалась страшная бедность.

В каждой было сто с лишним маленьких темных каморок, разделенных между собою легкой перегородкой, не доходившей до потолка. Кухня была одна на всех, общая. В ней вечно царили ссоры и драки...

Перелистывая старые, дореволюционные комплекты газеты «Владимирец», я нашел там заметку, в которой описывался быт гусевской рабочей казармы. Вот краткие выдержки из этого описания:

«...Чаще всего живут в каморках по две семьи в 8—10 душ. Каждая семья занимает кровать, обнесенную легкой занавеской, тут же кругом сложено горами тряпье, хламье, развешивается на смены скудное платье, а зимой в каморках сушат белье. Вентиляции нет, воздух промозглый и спертый. Спят вповалку, и дети с ранних лет приучаются видеть сцены, которые их могут только развращать...»

В 1923 году в Гусь-Хрустальный приезжал М. И. Калинин. Он побывал на Хрустальном заводе и потом заглянул в бывшую «Золотую» казарму. В одной из каморок в это время справляли свадьбу. Михаил Иванович удивился тому, что гости плясали на табуретках.

— У нас такой обычай, — объяснили ему.

Этот обычай был рожден теснотой. Когда в каморках устраивались пирушки и собирались гости, то развернуться им было негде, а душа требовала простора. Вот люди и приловчились плясать там, где сидели, вернее, на чем сидели...

Все постройки в Гусь-Хрустальном были «господскими». Иметь «собственность» ни рабочим, ни служащим не разрешалось. Даже единственный в поселке магазин принадлежал все тому же хозяину, а заезжие купцы допускались в поселок лишь два раза в году: летом — «на троицу» — и осенью — на праздник Акима и Анны.

При выезде из поселка стояли полосатые шлагбаумы. Они как бы отгораживали Гусь от всей остальной России, как бы утверждали здесь свой, особый закон, хозяйский суд и управу.

Если кто-нибудь из рабочих не угодил заводскому управляющему или в чем-нибудь провинился, следовал строгий приказ:

— Вышвырнуть за шлагбаум!

И вот человека с семьей, с малыми ребятами, хоть в дождь, хоть в мороз, вышвыривали из квартиры, гнали вон из поселка за полосатый шлагбаум.

С течением времени на пустыре за шлагбаумом возникла маленькая, убогая слободка, где обитали горемыки, вышвырнутые с завода. Она так и называлась — «Вышвырка».

Те, кто жил в этой несчастной «Вышвырке», не имели права посылать детей своих в школу, в случае болезни не имели права обращаться к заводскому врачу.

Вот в таких-то ужасных условиях жили и работали удивительные гусевские мастера — стекловары, стеклодувы, алмазчики.

II

В центре поселка стояло черное, закопченное здание гуты. Там варилось стекло. Ночами над гутой вставало багровое зарево. С утра до позднего вечера не умолкал пронзительный звон, словно пьяный гуляка в железных сапогах ходил по стеклянной посуде, давил и бил ее вдребезги. Но люди, прислушиваясь к этому звону, говорили:

— Гута работает.

Чтобы сварить обыкновенное стекло, берут в определенных дозах белый промытый песок, поташ, соду... В специальных печах при температуре 1 400 градусов эта смесь превращается в вязкую массу. Для получения хрусталя к обыкновенной смеси добавляют еще свинцовую окись, которая придает стеклу особую прозрачность и, как говорят в Гусе, «музыку». Высокосортный хрусталь необыкновенно певуч. Стоит подуть на хрустальную вазу, и она уже откликнется — запоет, зазвенит мелодичным, серебряным голосом.

Варить стекло — нелегкое дело. Составление смеси требует исключительной точности. Важно, чтобы в печи стекло было чистым и вязким, чтобы ни в коем случае не попал в него воздух и не было оно испорчено «мошкой», то есть мелкими пузырьками, чтобы не перестоялось.

Вот уже кажется, что и по цвету и по вязкости стекло готово, но стекловар, нахмурившись, говорит:

— Еще чуть-чуть.

Тайна этого «чуть-чуть» была доступна только ему, чародею, кудеснику.

Теперь все это делается по-другому. Уже изобретены контрольные приборы, составле-

Copyrighted material

ны точные таблицы температуры плавления, и все, что необходимо для получения стекла, делается на строго научной основе. Но совсем недавно варка стекла была почти колдовством.

Еще сложнее было получить разноцветный хрусталь. Тут требовались другие примеси и опять то же почти таинственное «чуть-чуть», только еще более тонкое, осторожное. Примесь золота, например, дает хрусталю малиновую окраску. Такое стекло называется золотым рубином. Кобальт окрашивает в густой синий цвет, уран — в нежнозеленый, а от прибавления простого древесного угля стекло становится золотисто-янтарным.

Мастера-стекловары — а их было три — четыре на весь завод — ревниво скрывали друг от друга секреты своего ремесла. В поселке все были уверены, что они колдуны, что им ведомо какое-то «петушиное слово»...

Но расплавленное стекло — это еще только материал для изделий. Нужно много искусных рук, чтобы превратить его в готовые изделия. И в первую очередь нужны мастера-стеклодувы.

Процесс выдувания стеклянных изделий в общих чертах похож на детскую забаву — выдувание мыльного пузыря. Подобно тому, как ребенок, набрав на кончик соломинки мыльную пену, выдувает из нее прозрачный сияющий шар, мастер-стеклодув, набрав на кончик длинной железной трубки шарик расплавленного стекла, выдувает из него пузырь, именуемый в производстве «баночкой», и придает ему нужную форму. Так делалось все: графины, стаканы, вазы, блюдца, рюмки и множество прочих изделий.

Мастер-выдувальщик Петр Григорьевич Староверов, работает на заводе 52 года.

Но как далек этот труд от детской забавы! Как мучительно опаляет лицо мастера своим жаром стеклянная печь! Как трудно «нянчить» на кончике трубки тяжелую, иногда пудовую «каплю»!..

Ныне тяжелый труд стеклодувов все более заменяется здесь механическим. Стаканы, блюдца, сахарницы, солонки делаются уже при помощи специальных машин. Это и легче и гораздо экономичнее. Одна машина, вырабатывающая стаканы, заменяет ручной труд ста человек.

Так вырабатывается алмазная грань.

За сутки Гусевский хрустальный завод может выдать столько стаканов, сколько прежде не вырабатывалось в течение целого месяца.

Но дорогую хрустальную посуду производят еще прежним, старинным способом, и у каждого стеклодува есть свои навыки и приемы. Одни, например, любят работать лишь «крупнину», то есть большие, тяжелые вещи; другие специализируются на мелочах.

Не каждый выдувальщик способен, например, делать посуду с «надцветом» из двухслойного стекла. Для этого нужна великая ловкость.

Сначала берется на трубку обыкновенный хрусталь. Из него выдувают прозрачную «баночку». Одновременно помощник мастера делает баллон из цветного стекла. Это оболочка будущей вещи. У цветного баллона срезается верх, и в получившийся футлярчик опускается прозрачная «баночка». Два слоя стекла мгновенно сплавляются вместе. После этого заготовке придается нужная форма.

Но это лишь грубая схема производственного процесса. Разве можно рассказать о том, что в эти короткие мгновения видит и чувствует мастер? Ведь если в чем-нибудь запоздает он, пусть даже на самую малую долю секунды, то один слой стекла уже остынет, и сплава тогда не получится. Вещь надо выбросить.

Но у мастера получается все как следует быть. И когда при дальнейшей обработке алмазчики нарезают узоры, то через срезанный верхний слой проглянет вдруг чистый хрусталь, чистый и прозрачный, как горный воздух...

Не менее сложно производство посуды с «венецианской нитью». «Венецианская нить» — это когда в прозрачной стенке стекла отчетливо видны разноцветные жилки. Чтобы сделать такую хитрую штуку, мастер сначала вытягивает цветные стеклянные ниточки. Разломав их на куски нужного размера, он осторожно вставляет эти ниточки в форму. Потом, выдув прозрачную «баночку» и не дав ей застыть, опускает в форму. Там прозрачное стекло сплавляется с цветными нитями.

Мастеров, умеющих это делать, не так-то уж много. Три — четыре человека на весь завод. Но случается, что вдруг объявится мастер, который может работать не только «венецианскую нить» или хрусталь с «надцветом», но все, буквально все, что можно сотворить при помощи трубки. Про такого говорят, что он «круглый мастер».

Единственным «круглым мастером» в Гусе считается ныне Виктор Александрович Сысоев. Это уже немолодой человек. У него, как и у всех рабочих гуты, темное, опаленное жаром лицо, крепкие руки. Дед и отец его были тоже выдувальщиками стекла, и первые навыки мастерства Виктор Сысоев перенимал у родителя.

Отец поучал его:

— Приглядывайся, работы не страшись. Лучше сделаешь...

Делать лучше стало для Виктора первым правилом.

Нынче тридцатилетний опыт за плечами у «круглого мастера», и много на рабочем счету его поистине чудесных вещей. Но когда заходит речь о том, что же из сделанного за тридцать лет самое лучшее, Виктор Сысоев с усмешечкой говорит:

— Самое-то лучшее еще не сделано, оно еще впереди.

Не так ли взыскательный художник, чьи произведения вызывают всеобщую похвалу, сам недоволен своей работой и думает: «Самое лучшее мною еще не сделано»...

III

От стекловара и стеклодува зависит многое, но самыми тонкими мастерами в Гусе считаются шлифовщики, или алмазчики, как называют их на заводе. Художественная обработка хрустальных изделий алмазными гранями доведена здесь до совершенства.

Утро города Гусь-Хрустальный.

Copyrighted material

В Гусе имеется единственный в своем роде заводской музей хрусталя. Там представлены редчайшие образцы изделий, собранные почти за двести лет.

Много раз бывал я в этом музее, но и до сих пор не перестаю удивляться искусству своих земляков.

В музее собрано более шести тысяч вещей. Многие из них имеют свои любопытнейшие истории.

Несколько лет назад смотрителем этой сокровищницы был старый мастер, мой добрый знакомый. Бывало, зайдешь к нему, и он, остановившись возле какого-нибудь причудливого кувшина или вазы, начнет свои рассказы о прежних умельцах. Впрочем, история некоторых изделий и ему была неизвестна.

В музее, например, есть несколько кальянов, сделанных под чеканное серебро и финифть. Такие кальяны выпускались заводом в тридцатых — сороковых годах прошлого века. Мне показалось странным: почему эти предметы восточного быта производились здесь, в мещерских лесах? Объяснить это на заводе никто не мог. Я стал копаться в архивах, расспрашивать людей, интересующихся историей, и, случайно разговорившись с писателем Юрием Тыняновым, напал на правильный след.

В 1828 году известный писатель и дипломат Александр Сергеевич Грибоедов был назначен полномочным послом русского правительства в Персии. В качестве секретаря с Грибоедовым поехал наследник владельца гусевского завода Иван Сергеевич Мальцев. Это был желчный, хитрый, завистливый человек.

В Персии Грибоедов проводил решительную политику, твердо отстаивая интересы России. Мальцев же вел двойную игру. Он близко сошелся с агентами Ост-Индской компании, которые стремились подчинить Персию неограниченному влиянию англичан. В этом им мешал Грибоедов. Тогда английские дипломаты и реакционные тегеранские круги при попустительстве персидского шаха спровоцировали нападение разъяренной толпы мусульман на русскую миссию.

11 февраля 1829 года после отчаянного сопротивления члены русской миссии во главе с Грибоедовым были убиты и растерзаны. Уцелел один только Мальцев, спрятавшийся у своих английских друзей. Вернувшись в Россию, Мальцев в докладе царю стремился обвинить во всем самого Грибоедова, указывая на вспыльчивый характер посла, на его резкость, которая якобы раздражала и оскорбляла персов. Вероятно, за это персидский шах пожаловал Мальцева золотым орденом Льва и Солнца и правом беспошлинной торговли хрустальными изделиями в Персии. Однако торговать в Персии посудой, которая делалась на Гусевском заводе, было невыгодно. Этот товар плохо шел там. Тогда Мальцев прислал в Гусь образцы серебряных персидских кальянов и приказал делать такие же из стекла. Впоследствии этим товаром мальцевские приказчики торговали не только в Персии, но и в Бухаре.

Вот почему появились кальяны среди образцов заводской продукции.

Иногда старый смотритель музея останавливался возле какой-нибудь особо примечательной вещи и односложно произносил:

— Травкины.

Или называл другую фамилию:

— Зубановы.

В Гусе были целые семьи потомственных мастеров. Травкины, например, из поколения в поколение славились как гравировщики хрусталя.

Я видел в музее старинный бокал травкинской работы. Необычайно тонкий, чистый, реалистически точный рисунок по размерам был не более половины спичечной коробки. А наносился он на хрустальную стенку бокала при помощи медного колеса. Колесо вращается, и мастер, прислоняя к нему изделие, наносит рисунок. Это, конечно, гораздо сложнее, чем рисовать пером или кистью...

Зубановы — мастера глубокой алмазной грани. Стихия их — линия и свет. Именно — свет. Они умели поймать солнечный луч и заставить его сверкать, переливаться в алмазной грани.

Грань наносится на стекло также при помощи вращающегося шлифовального диска. В зависимости от того, как заточено жало диска, грань может быть узкой или широкой, но главное в этом деле — глаза и руки шлифовальщика. Мастер должен видеть и чувствовать структуру стекла, наклон или угол грани, направление и чистоту линии.

Подобно тому, как скульптор, взяв еще бесформенную глыбу мрамора, уже видит в ней живые черты изваяния, так мастер-алмазчик, получив еще грубую заготовку вазы, должен увидеть вещь во всей ее будущей красоте.

Иногда кажется, что сделано все: соблюден характер рисунка, достигнута нужная глубина, и линия граней прорезана ровно. Но узор «не живет», и вещь от этого выглядит мертвой. А вот если бы чуть-чуть передвинуть рисунок, приподнять или опустить его, если бы наклон грани изменить на самую-самую капельку, вещь «оживет», заиграет, заискрится, и солнце миллионами светлых лучиков рассыплется в хрустале. Но все это мастер должен почувствовать и увидеть еще до того, как он прикоснулся стеклом к шлифовальному диску...

Легче всего шлифовать, конечно, прямую линию. Поэтому старейшие гранильщики хрусталя, венецианцы, создавали узоры, состоящие главным образом из комбинации прямых и ломаных линий. С того же начинали и русские мастера. Зубановы первыми в Гусе нарушили эту традицию. Не знаю, правда это или нет, но на заводе существует такая легенда.

В зимний морозный день крепостной мастер Максим Зубанов и сын его Петр сидели за верстаком у шлифовальных колес, гранили на стекле венецианский орнамент. Вдруг Петр, взглянув на окошко, обратился к родителю:

— Вишь ты, как мороз стекло разукрасил. Вот бы нам по кувшину такой же узорчик пустить.

Оконное стекло было расписано серебристыми листьями. Они причудливо переплетались, образуя замысловатый узор.

— Изгибом пущено, — ответил старик. — На колесе такого, пожалуй, не выведешь.

— Может быть, попытаем?

— Заманчиво.

Зубановы поговорили с заведующим шлифовкой. Тот разрешил попытать.

И вот узоры инея с окошка были переведены на хрустальный кувшин. Такого рисунка еще никогда и нигде не бывало. Вместо жесткого венецианского орнамента хрусталь украшали живые линии светлых растений, рожденных морозной сказкой русской зимы...

Родное

Н. ГРАЧЕВ

Березка

Всю жизнь свою,
из непроглядной чащи
Завидуя крылатым журавлям,
Она листвою, робко шелестящей,
Тянулась к свету,
ветру
и дождям.

Всю жизнь свою она тянулась в небо,
И даже в свой последний самый час.
На совесть подрумянив в печке хлебы,
Дымком
упрямо
к солнцу поднялась!

Родник

Вам ни карты о нем не расскажут,
Ни страницы объемистых книг.
Из-под двух почерневших коряжин
Выбегает хрустальный родник.

Он не носит судов к океану,
Но, журча и весной и зимой,
Он движеньем своим постоянным
Смело спорит и с Волгой самой.

Иваново.

Зубановы много сделали для славы русского хрусталя. Почти двести лет работали они на заводе. Последний из этой замечательной династии, внук Максима, Дмитрий, совсем недавно ушел на пенсию: стал плохо видеть. Ранняя слепота — профессиональная болезнь алмазчиков...

Однажды смотритель музея показал мне осколки хрустальной вазы, промолвив:

— Это разбитая жизнь.

Я спросил, почему. И он объяснил мне:

— Лет восемьдесят тому назад был на заводе очень хороший алмазчик Федор Герасимов. Как-то поручили ему отделывать большую хрустальную вазу. Мастер долго трудился над ней. Пустил пояском искристые медальончики, подставку украсил глубокой нарезкой, а по тонким краям рассыпал алмазные звездочки. Он чувствовал, что вещь получается, и работал с веселым азартом.

Когда же ваза была готова и ее поставили к свету, вся она засияла, заискрилась, заиграла своими узорами.

Управляющий тут же выдал мастеру трешницу наградных за усердие. Герасимов был очень доволен. Не трешница, конечно, ему была дорога, а сознание того, что вот он создал вещь, глядя на которую люди не могут скрыть своего восхищения.

Вазу оценили в пятьсот рублей, очень высоко по тем временам, и отправили на Нижегородскую ярмарку.

Однажды в мальцевский хрустальный магазин на ярмарке зашла деревенская баба в лаптях, в домотканной одежде и загляделась на вазу. Она, эта большая чудесная ваза, стояла отдельно на бархатном прилавке и привлекала внимание всех посетителей.

Бабе, вероятно, тоже очень понравилась ваза, и она потянулась к ней.

— Не трожь! — сердито крикнул главный приказчик.

Но было уже поздно. Неосторожным движением любопытная женщина опрокинула вазу, она упала и разбилась о каменный пол.

Все в магазине оцепенели. Приказчик побледнел. Баба же вдруг рассмеялась, спросила, сколько стоит, а узнав цену, небрежно выбросила на прилавок пять сотенных и, добавив еще четвертной, сказала:

— Уберите осколки! И вот моя визитная карточка.

Оказывается, это была вовсе не деревенская баба, а взбалмошная богатая барыня, молодая вдова, которой захотелось тут покуражиться. Нарядившись крестьянкой, она выкидывала такие вот номера, чтобы обратить на свою особу внимание ярмарки.

Когда алмазчик Федор Герасимов узнал об этом, он страшно запил. Ему было обидно и горько, что к вещи, в которую он вложил столько труда, отнеслись так грубо и безобразно.

С ярмарки привезли осколки, и управляющий велел Герасимову сделать по старому образцу еще такую же вазу. Но мастер наотрез отказался. Он продолжал тосковать и буйствовать. В конце концов его вышвырнули за шлагбаум.

Дальнейшая судьба этого человека никому не известна...

Когда смотритель заводского музея рассказывал мне эту историю, к нам подошли ребята из ремесленного училища — будущие стеклодувы, гранильщики хрусталя. Затаив дыхание, слушали они старого мастера. А он смотрел на них из-под седых косматых бровей отеческими глазами и, погладив какого-то мальчишку по голове, сказал:

— У тебя, мальчик, другая судьба. Вы счастливые наследники большого таланта. Только не губите его.

Мальчик покраснел от смущения.

— Как тебя зовут, мастерок? — спросил у него смотритель.

— Шурой Платовым, — ответил ремесленник...

Сейчас в музее уже нет того старика-смотрителя. Он умер в позапрошлом году. А на Московской выставке прикладного искусства я видел недавно большое хрустальное блюдо, украшенное алмазным узором. В каталоге о нем было сказано, что это первая работа выпускника Гусевского ремесленного училища Александра Платова.

(Окончание следует.)

Copyrighted material

МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ ПЕРВУХИН. К 50-летию со дня рождения.

Фото А. Гостева.

Copyrighted mater

На строительстве Горьковской гидроэлектростанции.

Фото А. Горячева.

Copyrighted material

ПЯТЬ МЯЧЕЙ В ВОРОТАХ «АРСЕНАЛА»

Судья Мартин Мацко (Чехословакия) бросил монету. Капитаны команд Д. Лоджи («Арсенал») и К. Крижевский («Динамо») выбирают ворота.

Так был забит четвертый гол. Б. Рыжкин стремительно прошел по левому краю и послал мяч в центр. В. Шабров головой направил его А. Мамедову (№ 9), и тот с хода пробил по воротам.

Английский клуб «Арсенал», созданный еще в прошлом веке рабочими королевского арсенала, имеет хорошую футбольную репутацию. Его команда много раз была чемпионом страны, обладала кубком Англии и одерживала крупные победы на международной арене. Семьдесят лет существует этот теперь уже профессиональный футбольный клуб. Естественно, что за долгую свою историю «Арсенал» знал не только радость побед, но и горечь поражений. В частности, девять лет назад в Лондоне состоялся матч, который вошел в летопись английского футбола, как «матч в тумане». Тогда футболисты «Арсенала» принимали у себя на поле московских динамовцев и после упорной борьбы проиграли им (3 : 4).

5 октября лондонская команда «Арсенал» выступала на столичном стадионе «Динамо». Этот ответный визит английских футболистов вызвал живой интерес московских зрителей. Они заполнили трибуны до отказа. На сей раз среди зрителей были и динамовцы, выступавшие 9 лет назад в Лондоне. Ни одного участника «матча в тумане» не осталось и в составе «Арсенала». За последние годы полностью обновили свои составы оба клуба. Тем интереснее было наблюдать за их борьбой.

В составе «Арсенала» выступал знаменитый центр нападения — гроза вратарей Томми Лаутон. Он много раз защищал честь английского футбола в составе сборной национальной команды и славился неотразимыми ударами и отличным рывком. В Москве он отметил день своего рождения. Ему исполнилось 35 лет.

Английские футболисты показали умение свободно обращаться с мячом, высокую индивидуальную технику. Однако они явно уступили советским футболистам в быстроте бега и, что особенно бросалось в глаза, в тактическом построении обороны. Защитники «Арсенала» играли в центре поля, дав полную свободу действий на флангах В. Рыжкину и В. Шаброву.

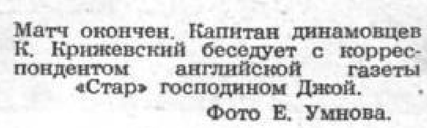
Гости не привыкли к столь продолжительным, настойчивым и быстрым атакам, которым подвергали их нападающие «Динамо». «Штурм» арсенальских ворот шел планомерно. Временами острота его доходила до предела, и тогда почти все арсенальцы сбегались на защиту своих ворот. Лишь Томми Лаутон одиноко оставался в центре поля.

Динамовцы Москвы провели состязание с большим подъемом. Они одержали заслуженную победу с внушительным счетом: 5 : 0. Недаром, возвращаясь с поля после окончания матча, английские футболисты аплодировали динамовцам.

Мы публикуем снимки, которые показывают отдельные моменты матча.

Английский вратарь Д. Келси ударом кулака отбивает трудный мяч.

Матч окончен. Капитан динамовцев К. Крижевский беседует с корреспондентом английской газеты «Стар» господином Джой.

Фото Е. Умнова.

Находящаяся в СССР английская парламентская делегация посетила стадион «Динамо» и с интересом наблюдала за игрой английских и советских футболистов.

Все нарастали атаки динамовцев. В момент острой схватки на штрафной площадке «Арсенала», когда английский вратарь покинул свои ворота, последовал удар одного из динамовских нападающих, и защитнику У. Диксону не оставалось ничего другого, как сыграть рукой. Этот момент и запечатлел наш фотокорреспондент.

Был назначен одиннадцатиметровый штрафной удар без защиты. Его пробил В. Савдунин, но мяч, попав в штангу, ушел в поле.

Copyrighted material

Бригадир Неяскин строит дом

В. МАТВЕЕВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Вирь Ордажень, по-русски Лесное Ардашево, — небольшое село с типично мордовским пейзажем. По всем склонам неровного холма растеклись порядки колхозных домов. Где речка Кундымбуловка выточила песчаный осыпающийся обрыв, разлился небольшой омуток. Вековые серо-зеленые ветлы пьют из него воду, а на мели набухают новые полузатопленные кадки: в каждой семье осенью непременно засолят сочные, хрустящие грузди. Глубокими морщинами избороздили холм овраги. В них высажены яблони, груши, сливы.

...Еще в начале лета рабочком Ушаковской МТС обсудил заявление бригадира Неяскина. Иван Кузьмич просил государственную ссуду на постройку нового дома. В том, что́ решит комитет, никто не сомневался: с неяскинских тракторов никогда не снимались алые переходящие вымпелы.

— Твое право взять двенадцать тысяч,— сказали Неяскину, когда он получал деньги.

— Сруб у меня уже готов, обойдусь и шестью, — ответил тот.

Кто будет ставить дом? У мордовских народностей мокши и эрзи есть хороший обычай: ближние соседи участвуют в помощи застройщику, каждый по силам, но от всего сердца. Односельчане помогали бригадиру собрать ранний мох на Большом болоте за Юзгинским кордоном, с ним вместе пилили дубы на фундамент, вывозили из лесничества мачтовые сосны и даже сложили сруб. Но ставить дом на место — немалое искусство. Да еще пятистенок. Да чтобы до правнуков простоял.

— Сговорись с Богородицкими, с братьями. Лучше плотников не найдешь, — посоветовали ему друзья.

В одном из арбатских переулков в Москве есть детский сад, похожий на красивую дачку, с пропильными наличниками и ажурным карнизом. Смотришь и думаешь: вот что могут сделать пила, топор, рубанок и лобзик в руках плотников Богородицких! Нельзя не залюбоваться работой Богородицких и в Подмосковье — на Клязьме, в Мытищах, Кунцеве, Люберцах. Приходилось братьям работать на Урале и в других краях, но то когда было! А теперь дела хватает в Мордовии, в своем Темниковском районе, где нивесть сколько лет, но уж никак не менее сотни, одно за другим сменяются поколения этой плотничьей фамилии.

Рано утром пришли плотники в Лесное Ардашево.

— Шумбрат,— приветствовал их Неяскин. — Здравствуйте.

Братья осмотрели сруб. Отличной оценки они не дали, но заверили хозяина, что все исправимо и дом выйдет на славу. Покурили и, поплевав для ловкости на ладони, приступили к работе.

Старшему брату, Ивану Васильевичу, скоро шестьдесят, а топор в его руках кажется игрушечным, будто и нет в нем никакой тяжести; глядя на обтесанную им балку, можно подумать, что она выстругана рубанком. Быстро работают и другие Васильевичи: Николай, Василий, Алексей. С десятилетнего возраста, как и их отец, и дед, и прадед, занимаются они плотничьим ремеслом. Слышатся частые вдохи-выдохи пилы, в два — три удара заходят в доски толстые гвозди, изящный рисунок вырезает стамеска.

Александр Васильевич — младший из пяти братьев, но работой руководит он. Его так и зовут: «старший-младший». Тем не менее он не кичится своим положением и всегда берется за дело, что потяжелее.

Copyrighted material

Когда сруб был окончательно отделан и по бревнышку разобран, приступили к установке дома. Тогда и развернулась общественная помощь. Ведь нескольким плотникам не под силу перенести сруб на фундамент, подавать тяжелые бревна наверх. А разве угонишься за проворными руками мордовских рукодельниц, когда они укладывают под очередное бревно мягкую и теплую подушку пушистого мха! Так и распределяется работа: мужчинам — что потяжелее, женщинам — что полегче.

По обычаю хозяин дома должен вкусно угостить всех работников. Если хозяйка не справляется, нанимают лучшую в деревне стряпуху. В этот день Иван Кузьмич зарезал барашка, а его

жена Татьяна Никифоровна занялась обедом. Готовить пришлось в саду: старого дома нет уже с утра, а новый пока не готов.

Есть у мокшанской народности и другой обычай: в знаменательную дату посадить на памятном месте красивое дерево. Кузьма Семенович выбрал четыре вишни, но без посторонней помощи с этим делом не справился. Пришлось позвать на помощь внучек Нину и Лену. Третьей внучке, Тамаре, всего один год, и бабушка Татьяна Михайловна разрешила ей помогать садоводам только советами, да и то из окошка.

Когда семнадцатый, последний венец был уложен, хозяйка пригласила всех за стол. Настроение было веселое: хорошему бригадиру неплохой дом сложили. Так сама собою и занялась пляска.

Только уехали гости, как около нового дома появился человек с лестницей, молотком и дощечкой.

Он подпоясан необычно: кожаным ремнем поверх пиджака. Это начальник дежурной пожарной дружины Гаскар Мурзашевич Мурзакаев. Молча приставил он лестницу к средней, пятой стене, приладил дощечку к торцам бревен и прибил ее двумя гвоздями как раз под табличкой с номером дома.

— Не забывай, Иван Кузьмич. Если где случится пожар, ты должен прибыть туда немедленно с топором и лестницей.

Об этом красноречиво, хотя и без слов, будет напоминать хозяину табличка.

Лесное Ардашево видно издалека. И с самых далеких холмов ясно различим дом бригадира Нейскина. Ярким пятном желтеют на солнце свежевыстроганные доски и бревна. Осенью дожди и непогода, зимою снег и вьюги, а летом слепящее солнце сделают дом светлосерым, и он ничем не будет отличаться от соседей. Но придите на то же место через год, и вы увидите новые яркожелтые пятна, и их станет еще больше, чем теперь. Это будут дома Тишкина, Косова и других мордовских колхозников. И так в каждом селе, по всей Мордовии.

Отцу бригадира, Кузьме Семеновичу, через год пойдет девятый десяток. Уж кто-кто, а он-то знает, что ему делать: за всем хозяйский глаз нужен.

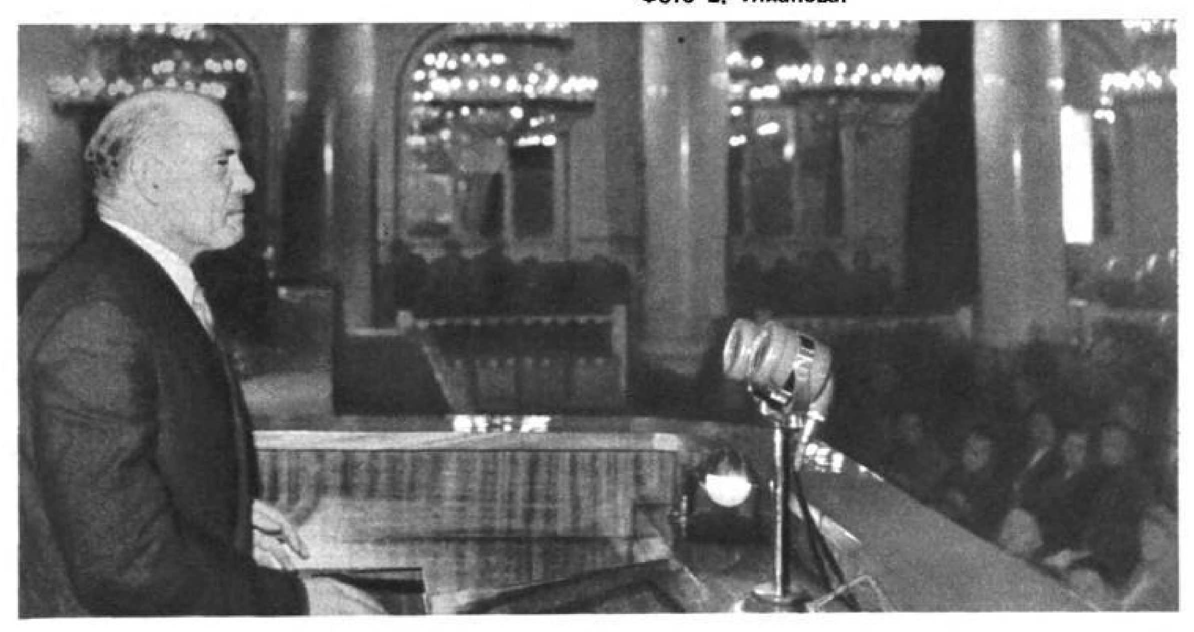
По приглашению Верховного Совета СССР в нашей стране гостит парламентская делегация Англии, возглавляемая лордом Коулрэйном.
На снимке: Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР и Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. П. Тарасов приветствует английскую парламентскую делегацию на Внуковском аэродроме. Второй слева — глава делегации лорд Коулрэйн.

Парламентская делегация Англии в СССР

Фото Е. Тиханова.

В Большом театре СССР. Слева направо: Кристофер Мэйхью, Джордж Уигг и герцог Веллингтонский.

Заместитель главы делегации Несс Эдвардс выступает на сессии Московского городского совета.

Члены делегации Ральф Кларк и заместитель главы делегации Несс Эдвардс в магазине на улице Горького.

Английская парламентская делегация в Ленинграде осматривает Эрмитаж.

Члены английского парламента на московском заводе «Красный пролетарий».

Copyrighted material

Гости из Вьетнама

В Советский Союз по приглашению ВОКСа приехала делегация Общества советско-вьетнамской дружбы. На снимке: члены вьетнамской делегации в мастерской скульптора, действительного члена Академии художеств СССР, народного художника РСФСР Н. В. Томского. Слева направо: Нгуен Сиен, Ван Хао, Нгуен Ти Ким.

Фото Я. Рюмкина.

Вата из камня

На вид это обычный камень. Таков габбро — горная порода вулканического происхождения. Велики ее запасы в окрестностях Свердловска. Габбро—основное сырье, которое применяется для изготовления термоизоляционной ваты на строительстве.

С завода минераловатных изделий десятки тысяч тонн ваты и войлока, сделанных из камня, отправлены на стройки Урала, Сибири, Дальнего Востока. Тонкие пласты ваты, уложенные в стенных перегородках домов и междуэтажных перекрытиях, действуют как отличный утеплитель, способствуя изоляции шумов.

Недавно Свердловский завод выполнил крупный заказ для домостроительных комбинатов Урала, Сибири, Казахстана. Сотни тонн добротной термоизоляционной ваты используются для утепления сборных домов новоселов, осваивающих целинные земли.

Сейчас пущена установка по производству минераловатных плит. Они предназначены для утепления кровли промышленных предприятий.

А. ГРИГОРЬЕВ

Минераловатные изделия Свердловского завода.
Фото Ю. Доброправова.

Мальцевские машины на выставке

Экскурсанты осматривают мальцевский безотвальный плуг.

Фото Г. Санько.

Среди шести с половиной миллионов человек, побывавших на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в августе — сентябре, вряд ли найдется такой, кто не посетил Павильона механизации и электрификации сельского хозяйства, не осмотрел экспонированную там технику. Ежедневно здесь проходит около двухсот организованных экскурсий.

Неизменное оживление царит около недавно доставленных в павильон машин полевода-ученого, смелого экспериментатора Терентия Семеновича Мальцева. Тут мощный пятикорпусный плуг-рыхлитель и две бороны. Сделанные по чертежам прославленного мастера высоких урожаев, они заметно отличаются от обычных.

На покрашенной в красный цвет раме написано: «ПР-5-40». Расшифровывается это так: плуг-рыхлитель с пятью лемехами, пашет на глубину 40—45 сантиметров. Он рыхлит землю без оборота пласта, иначе говоря, не переворачивая. Вот почему у него отсутствуют предплужники и отвалы. Такую пахоту, по мнению Мальцева, следует производить один раз в четыре года.

Две бороны — ножевидная и лапчатая — рыхлят поверхность почвы. Кроме того, лапчатая рвет и уничтожает корни сорняков.

Экскурсанты, как правило, подолгу задерживаются у орудий, применяемых новатором сельского хозяйства. Люди присаживаются на корточки, ощупывают лемеха, обсуждают прочность рамы и стоек, на которых они укреплены, записывают свои впечатления в блокнот, некоторые чертят.

— Дельно придумано,— говорит директор МТС М. Абрамцев, прибывший с группой экскурсантов из Сталинградской области. — Но для нас такой плуг легковат.

— Самим надо думать,— замечает кто-то.— Мальцев свой плуг не навязывает всем, без разбора. К почве и климату следует применяться.

— Правильно, — улыбается директор.— Мы так и поступаем. Применяемся. У нас свои рационализаторы отыскались. Молодой инженер Юрий Брагин предложил «разоружить» трехкорпусный плуг с углубителем, снять отвалы и предплужники. Наладили свое «серийное» производство — сделали девять плугов. Теперь в каждом тракторном отряде есть мальцевский плуг.

Одну группу экскурсантов сменяет другая. Овощевод артели имени Первого мая с Черниговщины Д. Медведь внимательно осматривает мальцевские машины.

— Вот он какой, безотвальный! В нашей Носовской МТС собирались мы, обсуждали. Будем опыты проводить, пробовать.

Молодой механик Макарьевской МТС, Кировской области, Е. Колеватых рассказывает:

— Мы сняли отвалы и предплужники. В каждом колхозе, обслуживаемом нашей МТС, в этом году вспахивают по-новому по пять гектаров.

Мальцевские методы обработки земли получают широкое распространение.

Г. БЛОК

Почвоведы на полевых работах. На первом плане И. Житкова и А. Коготков.

Фото В. Мирясова.

Разведчики целины

В степи разбита палатка. Неподалеку почвоведы заложили последний шурф. Отряд землеустроителей закончил исследование целинных земель Кувского района, Карагандинской области. На почвенную карту нанесены границы четырех будущих зерновых совхозов. Там, где сейчас стоит палатка исследователей, расположится центр одного из совхозов.

За лето разведчики целины, среди которых были ученые и дипломанты из вузов Москвы и Ленинграда, обследовали 65 миллионов гектаров казахских степей и выявили 12 миллионов гектаров земель, пригодных под пахоту. В ближайшие 2—3 года на этих землях будет создано более 300 новых крупных зерновых хозяйств. Только на территории Кустанайской области планируется организация 96 совхозов.

В. ЛАВРОВА

Новостройки «старого города»

Комсомольская площадь в Ташкенте. Слева — здание общежития студентов-горняков.

Фото А. Палехова.

Еще до сих пор Октябрьский район Ташкента в обиходе называют иногда «старым городом». Ташкентцам памятны кривые, узкие улочки с нагромождением глинобитных домиков по сторонам, отличавшие эту часть города. Сейчас здесь проложены широкие асфальтированные улицы с многоэтажными домами, строятся новые предприятия.

Центр Октябрьского района — Комсомольская площадь. Она замыкает проспект имени Навои — одну из красивейших улиц столицы Узбекистана. Высоко бьют струи фонтана. В ветреные дни брызги заносит в окна уже заселенного общежития студентов-горняков.

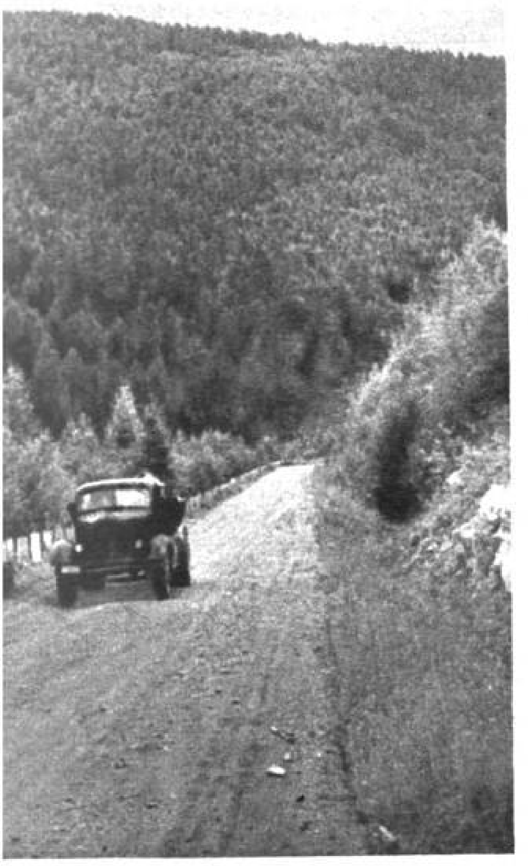
Рядом со зданием нового кинотеатра имени Сабира Рахимова разбивается большой парк, который также будет носить имя героя узбекского народа, отдавшего жизнь за советскую Родину.

Только за нынешний год в районе построены четыре новых магазина и столовая. Заканчивается строительство еще трех столовых, нескольких жилых домов.

Н. СОЛОВЬЕВА

Copyrighted material

Усинский тракт.

Енисей-голу

Е. РЯБЧИКОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

2

В центре Азии

Высеченный из куска дикой скалы, шершавый от пыльных бурь, стоит в самом центре Азиатского континента четырехгранный серый обелиск. Стеклянная табличка, прикрепленная к его склону, извещает: «Центр Азии».

«Ось» величайшего материка земли находится в Кызыле, столице Тувинской автономной области.

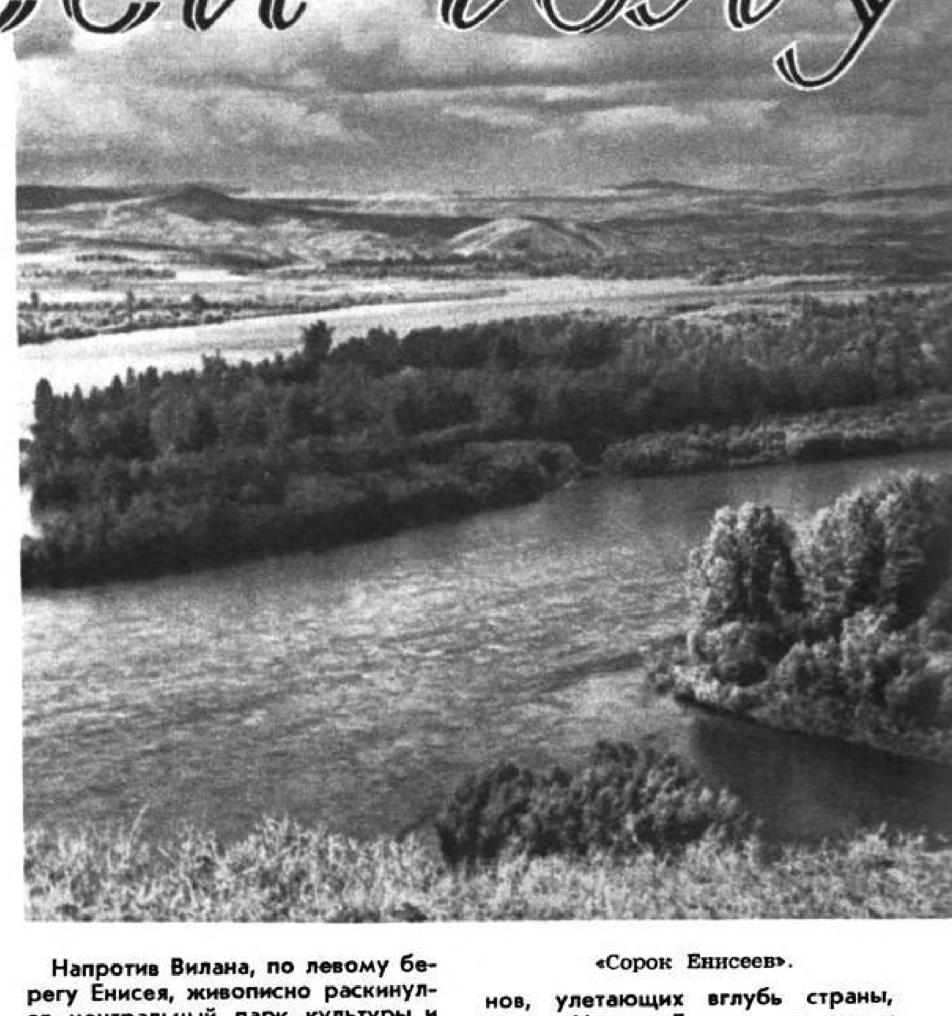
Когда географы устанавливали обелиск, берега Енисея были еще пустынны. Пролетали над ними тучи едкой песчаной пыли; тысячи овец, дробно стуча копытами, проходили на водопой мимо берестяных и войлочных юрт Белоцарска—предтечи нынешнего Кызыла.

Чтобы сейчас попасть к центру Азии, нужно перейти широкую улицу, протянувшуюся вдоль Енисея, и около сквера войти в ворота городской электрической станции. На ее дворе стоит невысокий, окрашенный серой корабельной краской каменный знак.

Во все стороны от обелиска видишь расцветающий советский Кызыл. Среди садов и скверов пролегли прямые улицы, украшенные зданиями школ, государственных учреждений, кино, жилыми домами. По магистралям города, перекликаясь сиренами, бегут цельнометаллические московские автобусы и юркие такси с шахматной полоской на кузовах. По тротуарам идут молодые тувинцы — студенты и школьники; идут они по родному городу, в котором их отцы и матери заняты многообразной деятельностью: вершат дела в государственных учреждениях, строят дома и шьют одежду, водят автомобили и воздушные корабли, набирают и печатают в типографии газеты на родном тувинском языке, выступают на подмостках национального театра.

Отсюда же видна неширокая, вся в темной, свинцово-тяжелой чешуе и спиралях, беспокойная река. Над ней возвышается каменная гора Вилан. На зеленом склоне ее, обращенном к городу, гигантскими белыми буквами начертано: «Ленин».

Горный кряж Вилан будто подводит к Кызылу, как брата и сестру, Большой и Малый Енисей. Светел изрезанный островами Малый Енисей, именуемый тувинцами Ка-Хемом; сдержанно суров, пожалуй, даже угрюм, черный от косых теней Бий-Хем — Большой Енисей. Сливаясь, реки образуют одну — Енисей,— стремительно несущую воду на север.

«Сорок Енисеев».

Напротив Вилана, по левому берегу Енисея, живописно раскинулся центральный парк культуры и отдыха Кызыла. Через весело журчащую Серебрянку перекинуты висячие мосты. Тысячи жителей города идут в праздничный день к легким беседкам, ажурным павильонам, на зеленый стадион. Едва ли не весь Кызыл собирается на состязания по национальной борьбе хуреш. В брезентовых палатках переодеваются съехавшиеся со всей Тувы борцы, а за судейским столом проводится жеребьевка. Но вот звучит гонг. Десятки юношей, одетых в красные и зеленые трусики и зашнурованные жилетки, выбегают на поле. Исполняется массовый «Танец большого орла» — каждый борец словно парит в воздухе, изображая руками взмахи орлиных крыльев.

Затем каждый борец отдельно представляется стадиону, исполняя воинственный «Танец орла». Легко и сильно прыгает он, размахивая руками, имитируя полет царя птиц.

Хуреш — увлекательное зрелище, полное кипучих страстей.

До вечера гудит и рукоплещет стадион. В сумерках исполняется заключительный «Танец большого орла». Усталые борцы идут на берег Енисея...

Большие трассы

В стране высоких заснеженных гор самолет стал теперь распространенным, будничным видом транспорта. В самолет, улетающий в Москву, садятся араты, чтобы завтра увидеть Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, а другой самолет уносит геологов в полупустыню. Среди плотогонов, улетающих вглубь страны, видим Иргита Доржу, его жену Таню Маазы, рабочих-гребцов Володю Назына и Кол Кайлан Узул-оола.

— Надо спешить, надо очень спешить! — говорит на прощание лоцман-комсомолец Иргит.— Наша бригада должна отметить десятилетие Советской Тувы перевыполнением плана.

«Тува — это только скотопрогонные тракты и звериные тропы»,— говорили прежде.

«Тува — это автомобильные и самолетные трассы»,— говорят теперь.

Состязание по национальной борьбе хуреш.

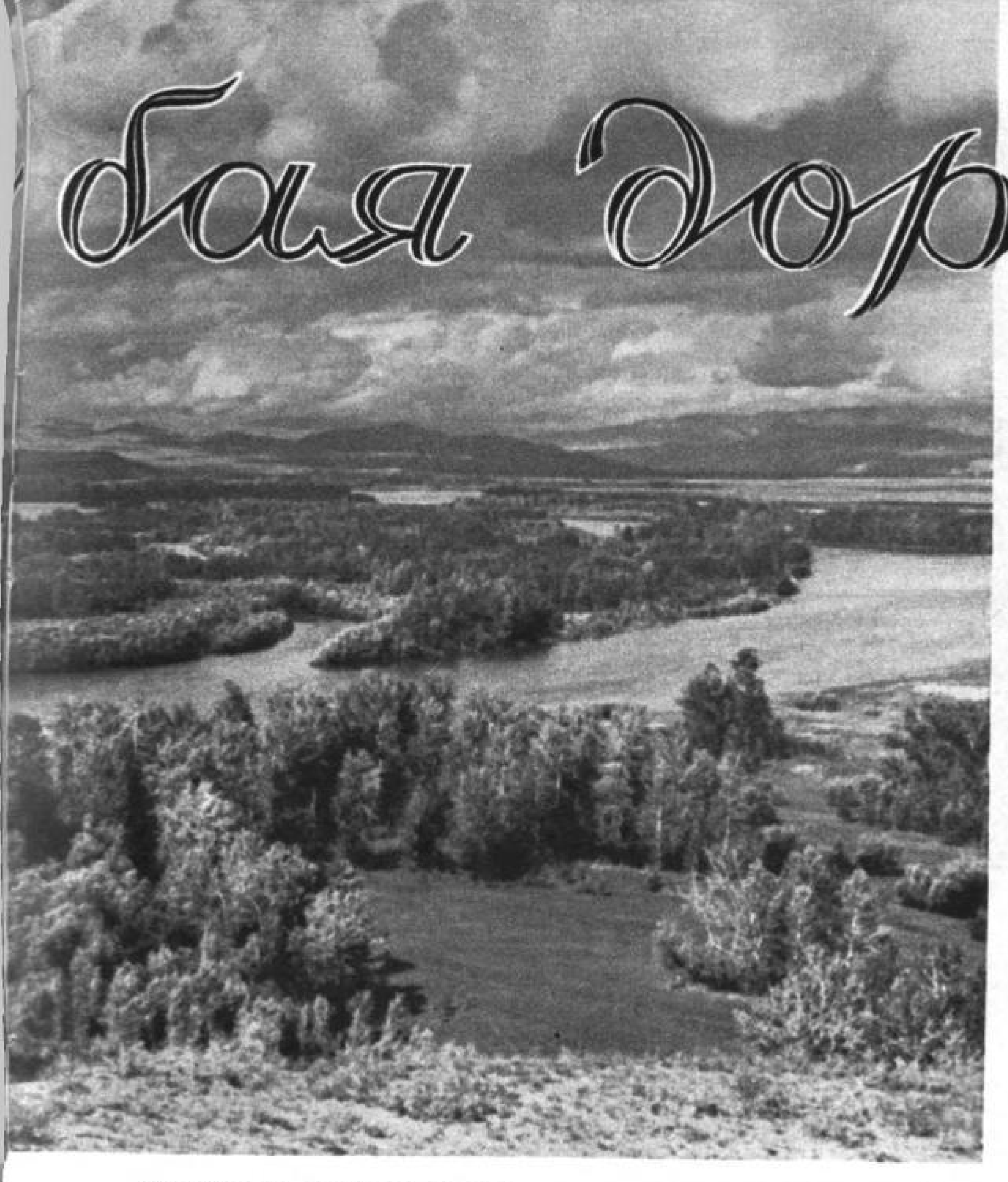

← В Кызыле, на берегу Енисея, во дворе городской электростанции, стоит географический знак «Центр Азии».

См. «Огонек» № 40.

Copyrighted material

бая дорога

Недалеко от аэропорта, у въезда в Кызыл, увидишь крупную автомобильную базу. От нее идут во все стороны Тувы пассажирские автобусы и грузовые машины. Пересекая город, затем на пароме через Енисей, вьется Усинский тракт — автомобильная артерия Тувы.

Машины проходят мимо Дома Советов — красивого белокаменного здания. В центральном лестничном пролете во всю стену картина: будущий Кызыл. Художник изобразил по-южному нарядный город, утонувший в зелени, украшенный дворцами, с закованным в гранит Енисеем. Успокоенный плотинами гидроузлов, разлившийся морем, Енисей отразил в голубом зеркале остро-крылые яхты, купальни, лодочные станции, речные вокзалы.

Но вот смотришь в распахнутые окна Дома Советов — и видишь Кызыл наших дней: в центре Азии уже воплощается в бетоне и камне, в стекле и металле будущее столицы Тувы. На картину и на панораму цветущего города смотрит с нами первый секретарь Тувинского областного комитета Коммунистической партии Советского Союза, писатель, лауреат Сталинской премии Солчак Тока. Автор широко известной книги «Слово арата», он с детства испытал гнет и унижение в старой Туве — стране феодалов. Помнит он голодные кочевки, грязные чумы, в которых гнездились болезни и страдания, помнит, как на берегах Енисея безвременно гибли его друзья и сверстники. Все это в прошлом...

— Десять лет живет Тува в братской советской семье, — говорит Солчак Тока. — Десять лет — срок короткий, но за это время наш народ, прежде обреченный на вымирание, стал свободным, счастливым, вместе со всеми советскими народами сделал гигантский шаг вперед к коммунизму. Теперь Тува — область сплошной коллективизации, высокомеханизированного сельского хозяйства. Народ-кочевник перешел на оседлость.

Для дальнейшего развития Тувы исключительное значение имеет транспорт. Советские люди проложили в Туву высокогорную автомобильную дорогу — Усинский тракт, открыли воздушную линию Москва — Красноярск — Кызыл, но для перевозки тяжелых грузов — машин, горючего, цемента, металла — нужно найти более доступную и экономически выгодную трассу. Такой дорогой должен быть Енисей.

Солчак Тока, родившийся на берегах Енисея, описавший его притоки и самую реку, хорошо знает, как грозен и опасен бушующий поток. Как освоить его, если через каждые четыре километра пути значатся перекат и другие препятствия? Что делать с лавиной, мчащейся под крутой уклон со скоростью поезда?

...Выйдем на Енисей. На правом берегу, около городского парома, по соседству со школой и главной диспетчерской автомобильной трассы через Саяны, стоит первый судоходный знак. Белый деревянный квадрат на красном полосатом столбе практически еще не нужен ни парому, ни стремительным глиссерам, ни моторным лодкам и катерам, тянущим плоты. Советские люди готовятся к решительному наступлению на Енисей. Чудится, как с низовий, со стороны Элегеста, придет нарядное судно и зычный гудок теплохода оповестит Кызыл: прибыл из Красноярска теплоход с грузами и пассажирами!

Огни Элегеста

Двуглавый Енисей, пробежавший полтысячи километров с юга на север, попрежнему мчится, как и в горах на Тодже, со скоростью поезда. Да и был ли он в скалах, растрачивая силы на дробление камней? Ревел ли в теснине, сжатый утесами? Что за сила, что за удаль у этой реки!

Есть на Верхнем Енисее так называемые разбои — лабиринты островов, в которых река как бы разбивается на несколько рек. Мрачную славу снискали разбои «Сорок Енисеев» — даже бывалый лоцман становится в тупик, когда на полном ходу река будто распадается на сорок рек и среди них нужно безошибочно найти главное русло. Не найдешь — загонишь плот в ловушку, обсушишь на песках. Сорок ли там, на разбое, Енисеев, больше или меньше их, никто не считал, но у любого смельчака закружится голова и зарябит в глазах, когда увидит он множество островов.

К реке подходят горы.

Горделиво показывает природа, чем богат и прекрасен край, по которому проносится поток. Вот тянется в рост человека по обрывам гор черная полоса. Это угольный пласт. Выходит он к реке — и только бери, грузи в баржи уголь, вези в города, на заводы! Соперничая с углем в черноте, вырывается из скал пласт графита. Вырастают горы золотистой охры, которой можно покрасить миллионы домов. Несколько поворотов реки — и уже белеет волокнистый асбест. Потом радугой переливаются мраморы и граниты, фантастической полосой бежит серебристая рудная жила, встают то красные, то зеленые, то синие скалы.

По широкой автомобильной дороге мчатся колхозные машины. Из кузовов доносятся поросячий визг, кудахтанье кур, блеяние

Заповедник маралов.

Дом Советов на улице Ленина в Кызыле.

овец. Деловито бегут автобусы и такси, вереницами движутся черные от угля грузовики. В этом потоке машин — жизнь пробужденного края.

Шахты Эрбек и Элегест расположились в тех местах, где угольные пласты выходят на поверхность. Сверкая легким плавящимся серебром, гривастая Элегест летит с горных высот в объятия Енисея. В устье Элегесты видишь свежесрубленные дома, мост через реку, школу, магазины, караваны словно вымазанных сажей самосвалов и прилепившиеся к горе войлочные юрты. Старое и новое столкнулись здесь, как и везде в Туве: арат-кочевник, всю жизнь проведший в седле около дымных костров, надевает на голову шахтерскую каску с электрическим фонариком, берет в руки электрический бур и идет по штольням в глубины гор. Только не может он сразу отказаться от вековой привычки жить в юрте, и бывает так, что шахтер сохраняет в огороде, около отличного дома, как память детства, войлочную юрту.

Двести—триста шагов вверх по Элегесте от Енисея — и вот шахта. История ее ограничивается немногими годами, но она обретает уже черты механизированного современного предприятия: в забоях действуют электрические сверла, лебедки, транспортеры; шахта имеет свою электрическую станцию, которая снабжает энергией и соседний колхоз Бай-Булун; разрастается горняцкий поселок, и скоро будет в нем не одна школа, а две и в два раза больше магазинов.

Русские и украинцы передают на шахтах опыт и знания своим друзьям тувинцам. Забойщик Куч-оол восемь лет назад был так же, как и его отец, и дед, и прадед, пастухом, гонял по степи скот. Теперь ловкий, мускулистый и сметливый шахтер познал целый мир, прежде неведомый и недоступный его народу, — он стал индустриальным рабочим. Друг его, забойщик-тувинец Виктор Монгуш, принял на шахте участок, и если вы познакомитесь с жизненными планами Монгуша, то найдете в них пункт: он хочет стать инженером.

Свободный, раскрепощенный тувинец не только добывает на берегах Элегесты уголь, но и заставляет реку вращать турбины межколхозной гидроэлектрической станции. Если подняться вверх по горной реке, увидишь плотину, здание ГЭС и линии высоковольтных передач. Электрический ток идет в колхозы и совхозы. Колхозные гидроэлектрические станции есть и на противоположном берегу Енисея, в колхозе Черби, и на многих притоках Енисея.

У горы Вилан сливаются Малый и Большой Енисей.

На плоту.

Бочегуров гонит плот

Позади Элегест, впереди город Шагонар, город школ и колхозной нови.

Прежде в кочевых юртах Шагонара не было ни одного грамотного человека. Ныне мы встречаем здесь депутата Верховного Совета СССР заслуженную учительницу Сат Шангыр-Ооловну Дукежек. Она воспитала и обучила более пятисот учащихся. Задушевные письма получает учительница от своих бывших питомцев — врачей и агрономов, геологов и учителей.

В Шагонаре разыскиваем знаменитого лоцмана Кешу — Иннокентия Никаноровича Бочегурова.

Загорелый, обветренный, ладно скроенный и крепко сбитый, жилистый человек редко бывает дома: лоцман постоянно находится в каких-то необычайных путешествиях. Садится он в Шагонаре с геологической партией на салик — узенький, сколоченный из десятка бревен плотик,— заводит на него коней и с бешеной скоростью мчится вниз через пороги до Усть-Усы или Большого Порога, затерянных в горах и тайге. Потом Кеша высаживает пассажиров и уже один сплавляется дальше, до Минусинска. Назад, домой, возвращается он на автомобиле через Саяны: передвижение по Енисею имеет здесь лишь одно направление — только вниз, только по течению. Даже Кеша, искусный и смелый лоцман, редко отваживается «ходить на баграх» навстречу воде.

Иннокентий Никанорович сидит за обеденным столом, ест медвежатину и слушает дочь Анну, что работает бухгалтером на почте, слушает и сына Виктора — счетовода в МТС, а сам нежно поглядывает на любимицу, самую младшую — Агу. Ага учится в Томске, в политехническом институте, она приехала в отчий дом на каникулы.

Студентка просит отца рассказать о его поездке в Москву, о том, что он видел в Кремле.

В это время стук в дверь. Входит молодой человек, сильно загорелый, с выцветшими на солнце бровями. Он почтительно здоровается с лоцманом.

— Надо довести нас от Шагонара до урочища около Кара-Кем, что ниже Усть-Усы.

— Ага! — кричит Кеша дочери. — Проводи людей на берег. Виктор, бери топор, помогай отцу!

...Река течет меж низких степных берегов. Изредка подходят к ней холмы и скалы. Путники осваиваются с необычной обстановкой, привыкают к салику, к реке, а главное — к лоцману. У Кеши хорошее настроение, и он запевает песню. Навряд ли скажет лоцман, о чем его песня; что видит, о том и поет. И льется, не прерываясь, гортанная песня, и в ней все, что проходит перед глазами, о чем думает, что переживает Бочегуров.

В поэтической форме лоцман знакомит пассажиров с рекой.

— Сейчас покажется Чаа-Холь,— поет он,— тувинское селение.

Потом споет о пещере, что вблизи речки Чаа-Холь, впадающей в Енисей, около горы Мысок.

Плывут береговые холмы, скалы, долины, и снова льется бесконечная, как Азия, песня Бочегурова.

— Скоро будет Чинга, и скоро будет дорога Чингис-хана...— поет лоцман. — Скоро Улу-Хем (так называют в Туве Верхний Енисей, бегущий от Кызыла) пойдет в «трубу»... Скоро поворот крутой делает Улу-Хем. Там поворот на девяносто градусов. Берегись, Кеша! Много людей здесь тонуло, много саликов билось. Смотри, Кеша, загребай! Гляди лучше, Кеша, а то людей потопишь, а нехорошо государственных людей топить...

Степь исчезает. К реке подходят горы. Русло суживается, течение ускоряется, и вдруг песня Бочегурова, к которой все привыкли, обрывается. Шумит стремительно несущая воды река, умножается горным эхо ее глухое гудение. На лбу лоцмана вздуваются жилы, глаза его вспыхивают, по щекам ходят крутые желваки. Кеша сбрасывает кепку, закатывает рукава клетчатой рубахи.

— Чинга! — кричит он.— Берегись!

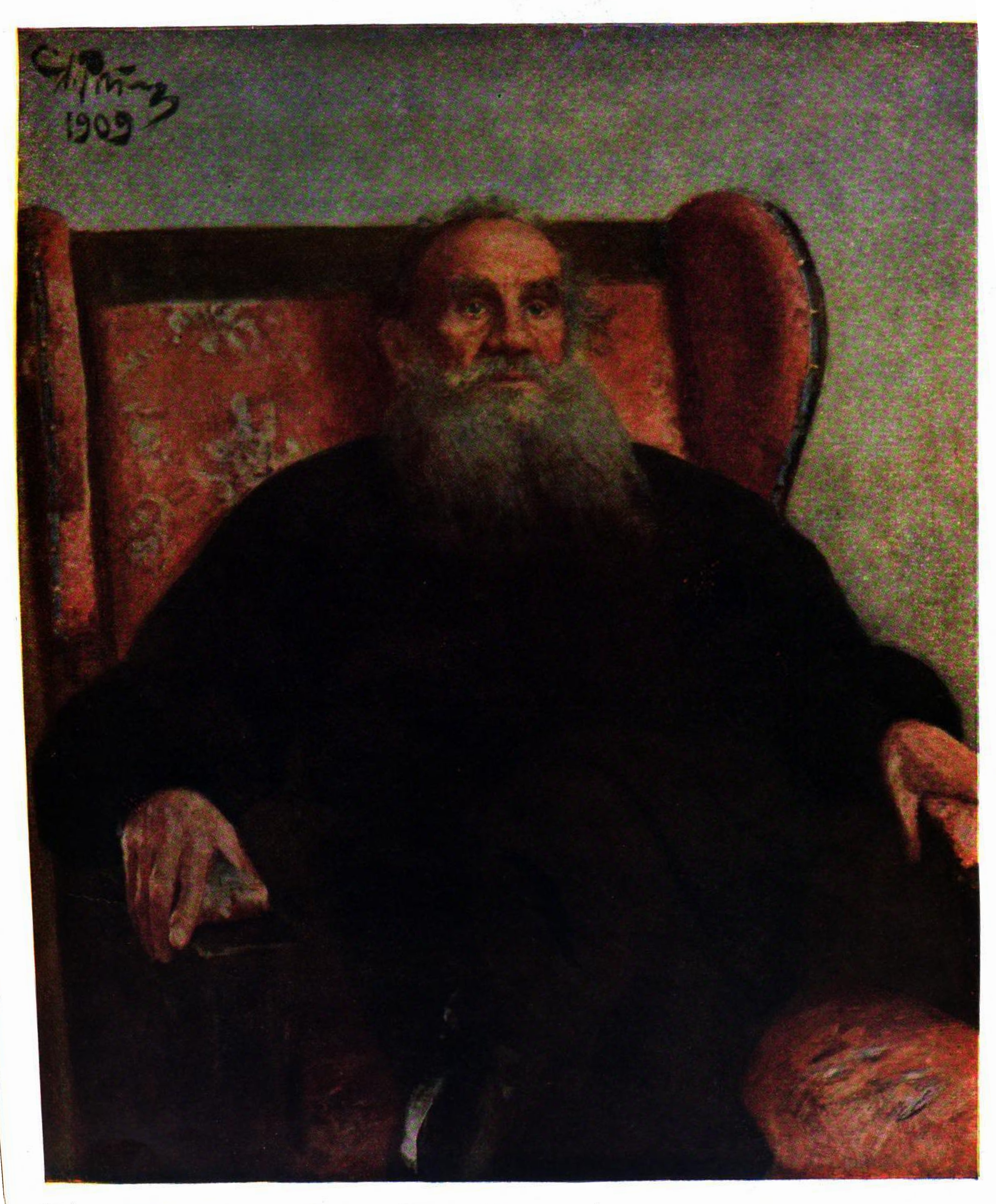
Река словно влетает в «трубу» — в длинный, узкий каменный коридор — на полном ходу, наваливаясь на скалы, круто, почти под девяносто градусов, поворачивает в сторону. Свинцовые круги идут по Енисею. Бешено вращающиеся воронки с выпуклыми, ощутимыми переливами начинают упрямо вертеть плот, засасывать его, бросать из стороны в сторону.

— Чинга! — восторженно кричит Бочегуров.

Ему нужно выполнить сложный и смелый маневр: на всем ходу, выдерживая бег салика по центру реки, войти в колено и описать точную дугу, не сваливаясь к скалам. В эти минуты немолодой человек с широким плоским лицом становится прекрасным. И когда салик пролетает колено, лоцман изящным и широким движением руля подгоняет салик к берегу.

А Енисей все бежит дальше и дальше на север. Темносерый, встревоженный и мрачный, бушует он и закипает в камнях. Ни дыма, ни выстрела, ни крика — ровно и хмуро гудит тайга. Немо стоят, как стражи, утесы. И только белые полосатые столбы створных знаков возвещают, что река, как и эти горы и эта тайга, как все эти величайшие природные резервы, стоит на учете у советского человека, и скоро он придет сюда, чтобы вдохнуть жизнь в камни.

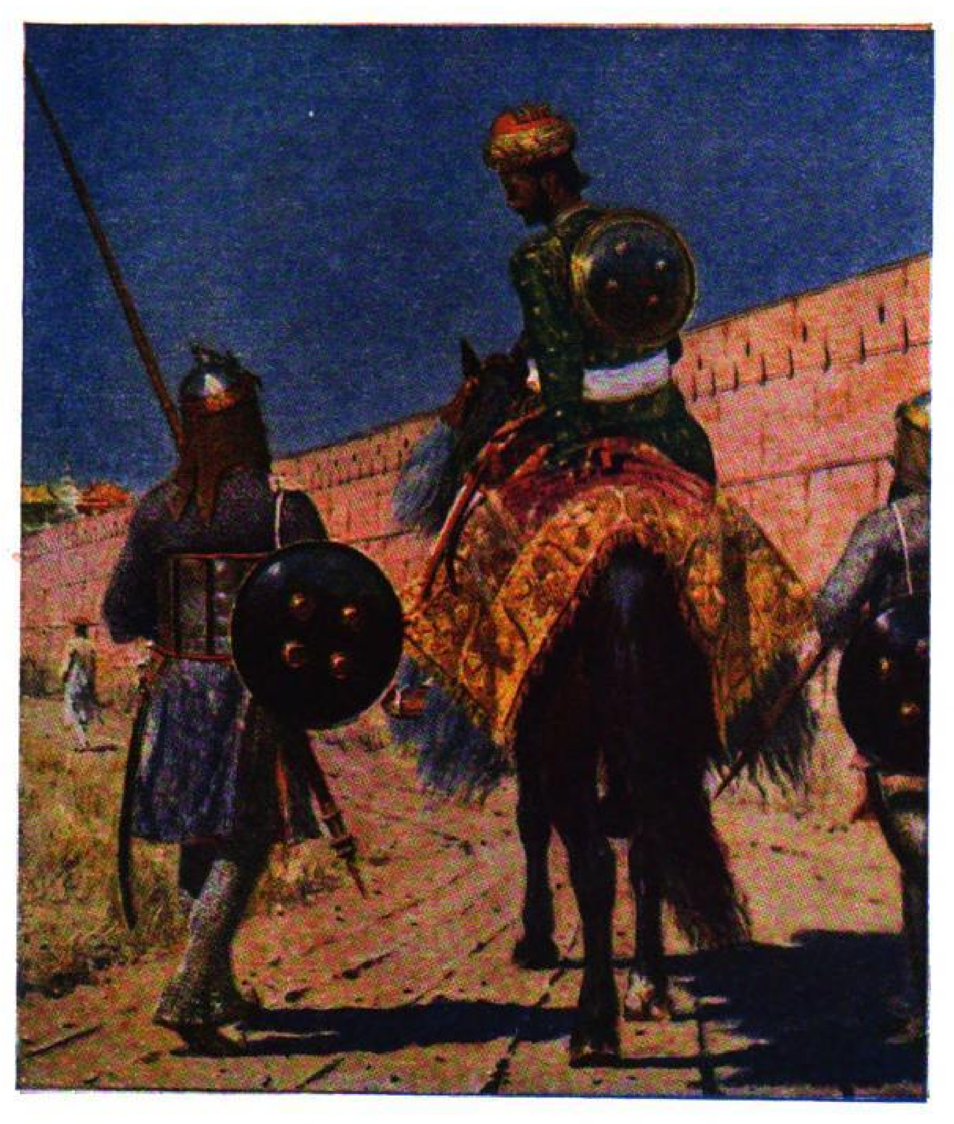
Copyrighted material

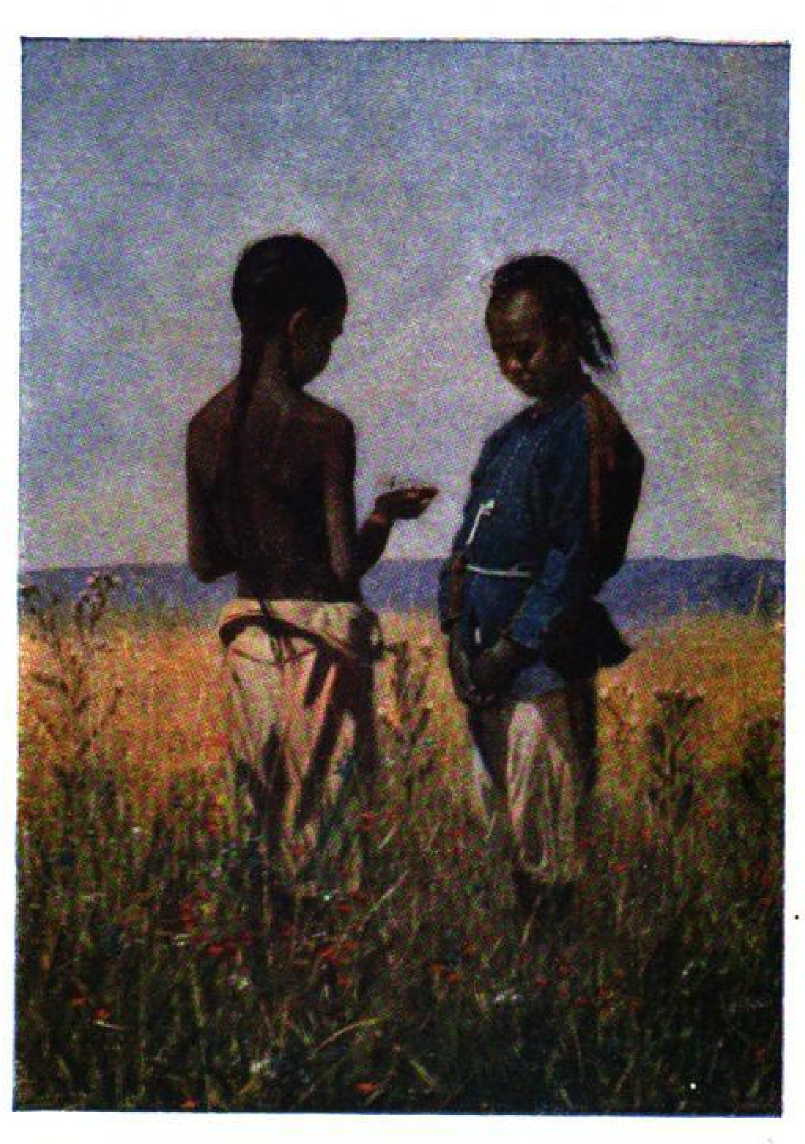
И. Е. Репин (1844—1930). ПОРТРЕТ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО. 1909 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Copyrighted r

В. В. Верещагин (1842—1904). ВСАДНИК-ВОИН В ДЖАЙПУРЕ.
Государственная Третьяковская галерея.

В. В. Верещагин. ДЕТИ ПЛЕМЕНИ СОЛОНОВ.
Государственная Третьяковская галерея.

В. В. Верещагин. ПОВОЗКА БОГАТЫХ ЛЮДЕЙ В ДЕЛИ.

Государственная Третьяковская галерея.

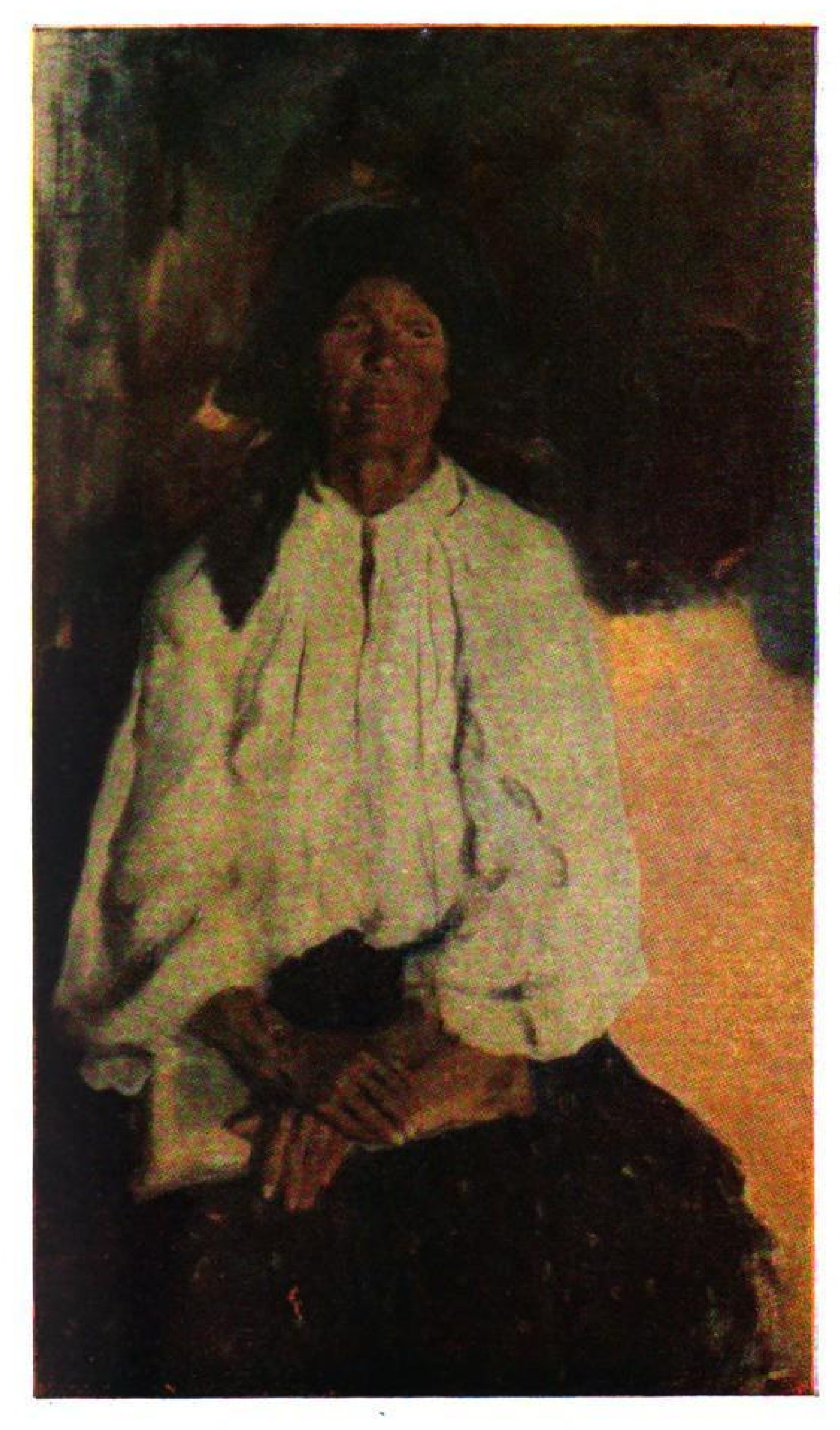
Copyrighted material

А. М. Корин [1865—1923]. БОЛЬНОЙ ХУДОЖНИК. 1892 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Copyrighted material

Ф. А. Малявин. СТАРУХА (ПОРТРЕТ МАТЕРИ ХУДОЖНИКА). 1898 год.
Государственная Третьяковская галерея.

Ф. А. Малявин (1869—1939). КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕВУШКА С ЧУЛКОМ. 1895 год.
Государственная Третьяковская галерея.

Из новой экспозиции Третьяковской галереи

В этом номере «Огонька» продолжается публикация живописных произведений из новой экспозиции Государственной Третьяковской галереи.

К блестящим достижениям портретной живописи относится изображение Л. Н. Толстого репинской кисти. Как известно, И. Е. Репин создал выдающуюся серию толстовских портретов. Публикуемое произведение, датированное 1909 годом, обладает отличительной особенностью: ни в какой другой работе Репина не дан так точно образ Толстого — знатока человеческой психологии, умеющего проникать в самые сокровенные глубины человеческой души. Поразительны глаза писателя, умные, зоркие, всевидящие. Толстой на портрете, действительно, «как живой».

«Больной художник» — одно из лучших произведений А. М. Корина, художника-передвижника, талантливого преподавателя, многие годы работавшего в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

На каждой передвижной выставке появлялись коринские жанровые полотна. Он дебютировал у передвижников в 1891 году (за год до «Больного художника») отличной работой «Опять провалился!». Из других картин художника особенно удачны «Любитель», «В отсутствие жены», «Рыбак», «Перед уходом в гимназию».

Скромный мастер, из рода знаменитых палехских живописцев, Корин выставлял свои работы в Товариществе передвижников до последнего года жизни.

Три публикуемые работы В. В. Верещагина лишний раз подтверждают блестящее мастерство художника, его наблюдательность. «Дети племени солонов» относятся к этюдам, написанным Верещагиным во время его второго путешествия в Туркестан, в 1869—1870 годах. В Третьяковской галерее имеются еще два этюда, посвященных солонам: «Манчжурка племени солонов» и «Молельня солонов».

«Всадник-воин в Джайпуре» и «Повозка богатых людей в Дели» написаны Верещагиным во время его путешествия в Индию в 1874—1876 годы. Верещагин горячо полюбил эту страну и создал десятки полотен на индийские темы. В Третьяковской галерее хранится около пятидесяти этюдов Верещагина, привезенных им из Индии.

Ф. А. Малявин, работы которого также публикуются, учился в Академии художеств, в мастерской И. Е. Репина. Блестящий рисовальщик, Малявин быстро завоевал популярность. Лучшие его реалистические полотна, как, например, «Портрет матери», написанный в 1898 году, говорят о богатом даровании художника.

Е. ЕМЕЛЬЯНОВ

Copyrighted material

СЕРЫЙ КАРДИНАЛ

З. САВЕЛИН

Рисунок Б. Ефимова.

Этого человека вы не встретите на торжественных приемах и банкетах, где строгость дипломатических фраков оттеняет пестроту дамских туалетов. Он предпочитает сидеть в полутемном кабинете или бродить по аллеям парка, где не рискует кого-либо встретить. За все семьдесят три года своей жизни он три раза был в кино. Впервые это случилось четверть века назад, когда после долгих уговоров он отправился посмотреть картину «Королева Христина шведская». Последний раз — в августе прошлого года, когда он милостиво согласился присутствовать на показе фильма о коронации английской королевы. «Ну, ладно,— сказал он,— это, пожалуй, стоит посмотреть».

Упоминание его имени в печати вызывает у этого человека приступы гнева. Он даже хотел судиться с одной редакцией за то, что та посвятила ему статью. Впрочем, все напечатанное о нем всегда носило оттенок какой-то неопределенности, даже таинственности. «Его имя,— писала недавно одна швейцарская газета,— неизвестно большинству соотечественников, хотя он прямо или косвенно влияет на их судьбу... Он не фюрер, принимающий парады, произносящий речи или издающий законы. Однако огромное влияние, которое он оказывает в Западной Германии, дает ему власть, приближающуюся к власти политического диктатора».

Зовут этого человека Роберт Пфердменгес. В Западной Германии его прозвали «серым кардиналом». Лишь очень узкому кругу людей известно, что доктор Роберт Пфердменгес — ближайший советник боннского канцлера доктора Конрада Аденауэра. Но все знают, что банкир Пфердменгес — самый богатый человек «боннского рейха».

Детство Пфердменгеса прошло в семье текстильного фабриканта в городе Мюнхен-Гладбах — одном из центров католической Рейнской области. Это не помешало Пфердменгесу-старшему всю жизнь оставаться протестантом. Не потому, что он был страстным поклонником Мартина Лютера,— просто у него были крупные коммерческие интересы на немецком востоке, где преобладала евангелическая церковь.

Роберт показал себя достойным сыном: он тоже пошел по коммерческой линии. Первая мировая война оказалась для молодого банкира прибыльным делом. Верден и Мазурские болота перемололи сотни тысяч немецких солдат, а Пфердменгес уже гремел к концу войны как главный банковский воротила крупного центра Рура — города Кельна — и президент объединения банков Рейнско-Вестфальской промышленной области.

Именно в те годы, на заре существования Веймарской республики, и началась тайная, но прочная и долговечная дружба двух кельнцев: банкира Роберта Пфердменгеса и доктора Конрада Аденауэра, занимавшего пост обер-бургомистра.

Протестант Пфердменгес давно знал, что «этот ярый католик» Аденауэр снискал прочную ненависть к себе кельнской бедноты тем, что месяц за месяцем срывал снабжение населения в те трудные времена. «Благодарные» горожане даже присвоили ему кличку «граупенауэр» — в память о неизменной крупе, которой он кормил их ежедневно. Но Пфердменгес видел и кое-что более выразительное: демонстрации рабочих и домохозяек, во время которых обер-бургомистра забрасывали тухлыми яйцами и гнилыми овощами. «Он вполне наш человек,— заключил кельнский банкир.— Надо присмотреться к нему поближе».

Однажды в страстную пятницу Пфердменгес проезжал мимо городского стадиона, где шла игра в футбол. В тот же вечер банкир направил обер-бургомистру письмо, в котором выражалась надежда, что в Кельне «будут уважать не только католические, но и протестантские праздники». Аденауэр с нарочным прислал краткий и вежливый ответ: «Глубокоуважаемый господин банкир, очень сожалею о случившемся. Можете не сомневаться, что впредь наши сограждане будут уважать не только католические, но и протестантские праздники». С тех пор в Кельне футбольная игра была запрещена в дни праздников обеих церквей.

Пфердменгес и Аденауэр стали встречаться. В эти годы кельнский обер-бургомистр занимался созданием сепаратной «Рейнской республики». Это по его совету в Париж ездил негласно «калийный король» Германии Арнольд Рехберг для беседы с маршалом Фошем и крупными промышленниками из Комите де форж. Рехберг обещал от имени Аденауэра и его друзей, что новоявленная «Рейнская республика», отделившись от Германии, вступит в унию с Францией. Впрочем, торг шел не только в ставке маршала Фоша: нити вели в Ватикан. Святой престол был закулисным поводырем всего заговора. Имелось в виду собрать в один «католический» кулак рурский уголь и железорудные богатства Эльзас-Лотарингии, создать на этой базе военную машину и при первом удобном случае двинуть ее против молодой Советской России. Разумеется, предвиделись и соответствующие приличные дивиденды для участников осуществления этого плана.

Но план этот опрокинули рурские рабочие. Сепаратная «Рейнская республика» на долгие годы осталась неосуществленной мечтой Аденауэра и его вдохновителей.

Германия шла к фашизму. Где были кельнские друзья в это трагическое для немцев время? Банкир Пфердменгес продолжал прилежно заниматься своим делом: он делал деньги, благо заводы Рура уже снова работали на полную мощность. Пфердменгес весьма обдуманно распорядился своими капиталами: вначале он субсидировал вооружение рейхсвера, а потом, когда настало для этого время,— и гитлеровский вермахт. И хотя Пфердменгес лично не присутствовал темной декабрьской ночью 1932 года на рейнской вилле своего близкого друга, банкира Курта фон Шредера, где рурские промышленники решили вручить власть Адольфу Гитлеру, сердце кельнского банкира и его капиталы были там.

Уже осталась позади «ночь длинных ножей», когда Гитлер перерезал своих ближайших сообщников, главарей штурмовых отрядов; уже обнесены были колючей проволокой лагери смерти в Дахау и Бухенвальде; уже пытали в Моабитской тюрьме Эрнста Тельмана и его сподвижников. Банкир Пфердменгес попрежнему процветал, ворочая все более крупными капиталами. И ни на минуту не терял он из виду своего кельнского католического друга. Аденауэр обосновался в своем поместье Линденберг, возле Берлина, чтобы быть поближе к «большой политике» и лучше чувствовать пульс фашистской имперской канцелярии.

Строгость моральных предписаний протестантской церкви не помешала тогда Роберту Пфердменгесу прикарманить целый банкирский дом, принадлежавший богачу Оппенгейму, который был «на одну четверть неарийцем». Позже у кельнского банкира были в связи с этим кое-какие неприятности. Фашистские блюстители расовой чистоты даже бросили ему упрек в том, что он когда-то... был компаньоном Оппенгейма! Но Пфердменгес очень быстро и обстоятельно доказал, что «неарийские» деньги, присвоенные у Оппенгейма, были им, Пфердменгесом, до последней марки поставлены на службу «третьей империи». Шеф гитлеровской службы безопасности Кальтенбруннер лично отдал приказ не трогать «честного банкира». Кальтенбруннеру, правда, было наплевать на моральный облик Пфердменгеса — решало то,

Copyrighted material

что последний уже состоял членом наблюдательного совета мощного военного концерна «Миттельдейче штальверке».

Вероятно, дела и дальше шли бы столь блестяще. Но даже осмотрительный и неторопливый Пфердменгес и его проницательный друг Аденауэр не сумели разглядеть, что 22 июня 1941 года начался конец гитлеровской империи. Пришли Сталинград, Курская битва, Корсунь-Шевченковский. Пфердменгес лихорадочно занимался теперь финансовыми операциями с Швейцарией, Швецией и еще некоторыми странами твердой валюты.

Однажды утром в поместье к Пфердменгесу тайно примчался сын Гейнц — офицер люфтваффе. Разговор был колючий, неприятный.

— Как там дела? — спросил отец.

Сын отвечал более чем коротко:

— Капут!

— Ну, вот что,— сказал Пфердменгес,— немедленно отправляйся в Кельн. Разузнай, как себя чувствует там некий доктор Аденауэр. Если хорошо, то мы снова будем в седле...

Через несколько дней из Кельна пришло сообщение: доктор Аденауэр в порядке. Роберт Пфердменгес в сопровождении домочадцев бежал в Кельн.

Расчет Пфердменгеса был точен. Через несколько дней американские и английские военные власти назначили доктора Конрада Аденауэра обер-бургомистром Кельна. В тот же день состоялось и назначение банкира Пфердменгеса. Ему достался пост председателя Кельнской торгово-промышленной палаты. Обе щуки были пущены в воду!

* * *

Теперь, как никогда, Пфердменгес старался быть в тени. Но было бы несправедливо сказать, что он бездействовал. Прежде всего он решил склонить епископов протестантской церкви на западе и востоке Германии к кандидатуре католика Аденауэра на пост председателя христианской партии. Ватикан уже сказал об этом свое веское слово: кардиналы Спеллман из Нью-Йорка и Фрингс из Кельна благословили «верного католика» на новые подвиги во славу святой церкви. Оставалось уговорить протестантов.

Тихим майским утром Пфердменгес отправился на американской военной машине и под охраной американских «эмпи» в объезд резиденций евангелических епископов. Те оказались сговорчивыми: различия католического и протестантского церковного ритуала значили меньше, чем единодушное желание обеих сторон снова увидеть батальоны вермахта марширующими по улицам западногерманских городов.

Однажды банкиру пришлось даже основательно перетрухнуть из-за своего католического друга. Кельн был сильно разрушен американскими и английскими бомбардировками. Аденауэру вздумалось использовать опыт азиатского востока: из зоопарка были выведены уцелевшие от авиабомб слоны и направлены на работы. Дело двигалось слабо, и военный губернатор английской оккупационной зоны Джеральд Темплер издал приказ: выгнать Аденауэра... «за неспособность»! Пфердменгес был все эти дни в страшных хлопотах. Через короткое время, во внимание к ходатайству американских союзников, английский губернатор водворил сильно сконфуженного бургомистра обратно на его пост.

В остальном же все шло так, будто ничего и не случилось в мире. Имя Роберта Пфердменгеса снова упоминалось с амвонов протестантских церквей общины Кельн—Байенталь в числе самых щедрых благодетелей. Синод евангелической церкви Рейнской области избрал его своим почетным членом... Но в дружеских беседах с глазу на глаз он и его обер-бургомистр не раз с тревогой констатировали, что за Эльбой творятся неслыханные дела: из поместий бесцеремонно вышибают старинные, уважаемые дворянские семьи, землю отдают деревенскому «михелю». Летом 1946 года пришли еще более печальные вести: двенадцать миллионов городских и сельских «михелей» там, на Востоке, проголосовали за то, чтобы превратить заводы и шахты в народные предприятия! Друзья с горечью говорили, что таких вопиющих фактов история Германии еще не знала, не ведала...

Другое дело — германский Запад. В Кельне, Франкфурте-на-Майне, где обосновалась главная английская квартира, в Мюнхене, где расположился штаб американского генерала Паттона, дружно скрипели перья, работали секретные комиссии, курьеры разыскивали сбежавшихся в Западную Германию «деятелей» из числа тех, кто сумел увильнуть от скамьи подсудимых в Нюрнберге. Зашевелился и папский престол. И снова, как в далеком прошлом, возник из небытия план католической «федерации» в составе Баварии, Рейнско-Вестфальской промышленной области, Австрии и... Франции! И опять автором этого плана расчленения Германии был католический кельнский обер-бургомистр, а соавтором — протестант Пфердменгес. Но жизнь опять обрекла старую затею кельнских друзей на неудачу. Проект оказался неприемлемым для Франции.

Тогда-то и вытащили на свет божий давно припасенную карту сепаратного западногерманского государства. Возникла Бизония, за ней — Тризония. Имя Аденауэра стало мелькать в жирных заголовках газет всего мира, имя Пфердменгеса попрежнему произносилось вполголоса, только среди «избранных».

Как грибы, начинают вырастать в Тризонии организации с ничего не говорящими названиями: «Академия психологического просвещения народа», «Экономико-политическое общество» и иные в этом же духе. На посту президента либо члена правления этих таинственных «обществ» непременно оказывается Роберт Пфердменгес. В одном из секретных документов возглавляемой Пфердменгесом «академии» следующим образом излагались ее «принципы»: «Человек прежде всего — орудие различного рода стихийных стремлений; как и у животных, они в общем поддаются изучению на основе естественных наук, за исключением возникающих при этом признаков самостоятельного мышления». На человеческом языке это означало, что немцу надо снова и незамедлительно начать вбивать в голову, что от колыбели до гроба он предназначен быть солдатом.

В Кельнском соборе произошло тогда же тайное собрание, на котором присутствовали американские генералы, кельнский бургомистр Аденауэр, кардинал Фрингс и, разумеется, Пфердменгес — новый «финансовый гений» Тризонии. На кельнского банкира была в те дни возложена щекотливая, но существенная задача: создать консорциум по сбору многомиллионного фонда в пользу партии Аденауэра. Для начала Пфердменгес лично вносит в этот фонд миллион марок.

Так заботами Пфердменгеса и при благожелательной поддержке других крупных тузов Рура Конрад Аденауэр водворяется во дворец Шаумбург. Аденауэр, разумеется, никогда не забывает, кому и чем он обязан.

Пфердменгес, будучи депутатом бундестага, ни разу не раскрыл там рта. Но его молчание или скупые намеки в боннском кабинете научились разгадывать. Года два назад сотрудники боннского канцлера носились с идейкой создать «имперское министерство информации», возложив на него всю реваншистскую пропаганду. В тот вечер, когда должно было быть подписано решение правительства, Аденауэр встретился с Пфердменгесом. Банкир мимоходом бросил канцлеру: «Слушай, Конрад, ты, кажется, собираешься сделать какую-то глупость?» Министерство информации было похоронено.

Автомашина Аденауэра часто останавливается у подъезда особняка «серого кардинала». Во время Берлинского совещания, когда весь мир услышал советское предложение об облегчении финансово-экономических обязательств для Западной Германии, в кругах Бонна начался переполох: в спешке обсуждался вопрос, как белое сделать черным. Вместе с председателем союза немецких промышленников Бергом канцлер примчался на квартиру «финансового гения», дабы получить его совет, как поступить в этой щекотливой ситуации.

* * *

Но делать белое черным становится в наши дни все труднее. Еще весной сорок восьмого года Аденауэр, Пфердменгес и многие другие из их круга должны были убедиться, что не только за Эльбой творится нечто для них неприятное. Начавшаяся тогда забастовка рурских шахтеров переросла во всеобщую забастовку: двенадцать миллионов человек участвовало в ней. Пфердменгес мог своими глазами наблюдать, как остановились заводы, фабрики, шахты, почта, железные дороги, умолкли радио, телефон, телеграф, закрылись магазины, остановились трамваи. Мертвенно тихо стало на улицах городов, на автострадах, начали гаснуть домны. Это было предупреждение немецкого рабочего класса тем, кто возмечтал о новом реванше.

С тех пор прошло еще шесть лет.

Бывший рейхсканцлер Вирт заявил о том, что будущее Германии лежит на путях ее единства и миролюбия. Бывшие рейхсканцлеры Брюнинг и Лютер обратились к членам «Рейнско-Рурского клуба» в Дюссельдорфе с призывом вернуться к политике нейтралитета. Член христианской партии Карл Вальц и тридцать два его единомышленника под громкое улюлюканье правительственного большинства бросили канцлеру: «Аденауэр, надо смотреть не только на Запад, но и на Восток». Депутат бундестага Карл-Георг Пфлейдерер, заявивший, что он должен поехать в Москву во что бы то ни стало, получил после этого тысячи сочувственных писем, где немцы от всей души приветствуют установление культурных и экономических связей Западной Германии с Советским Союзом.

Жизнь неумолимо разоблачает Аденауэра и его «серого кардинала», и немцы отворачиваются от тех, кто снова ведет Западную Германию по пути катастрофы. Только что вновь прокатились забастовки рабочих в Гамбурге и католической Баварии. Вместе с ними бастовали машиностроители Рура. Против бастующих применяли все: англо-американскую военную полицию и сыщиков Аденауэра, резиновые дубинки и струи воды под высоким давлением. Но забастовщики не сдались, пока не были выполнены их требования о повышении заработной платы.

Всего лишь год тому назад прошли выборы в западногерманский бундестаг. О победе партии Аденауэра трубила вся реакционная печать мира. Но прошло всего лишь двенадцать месяцев — и на выборах в ландтаг земли Северный Рейн-Вестфалия эта партия теряет миллион голосов. Потом следуют выборы в Шлезвиг-Гольдштейне, и Аденауэр терпит еще более внушительное поражение. Избиратели отдают голоса тем, кто выступает за развитие тесных экономических связей с Советским Союзом, за переговоры с Германской Демократической Республикой. Некоторые западные газеты меланхолически вопрошают: выдержит ли 80-летний канцлер еще один такой удар?

Да, времена изменились! Не только Карл-Георг Пфлейдерер и Карл Вальц осудили политику Аденауэра. Вслед за доктором Отто Ионом с боннской Германией порвал депутат бундестага Шмидт-Витмак, человек из богатых кругов, владелец предприятий. Можно ли кому-нибудь верить? Ведь даже доктор фон Эккардт — руководитель отдела печати боннского правительства — перед отъездом на Лондонское совещание девяти стучал кулаком по столу и грозил отставкой.

Оба друга из Кельна, встречаясь с глазу на глаз, возможно, опять негодуют, повторяя, что окружающие их люди, которых они зачисляли в число «приличных», стали вести себя как-то непонятно... Но разве этим ветеранам расчленения Германии что-либо могут сказать слова «единство», «родина», «мир», которые живут сейчас в сердце каждого честного немца! «Серый кардинал», боннский канцлер и все мрачное наследие империалистической Германии неизбежно должны будут уйти с исторической арены, очистив место восходящим силам новой, миролюбивой и демократической Германии.

Copyrighted material

Под раскидистым дубом остановился грузовик...

Вести из глубин

Профессор **А. ТАРХОВ**

Фото С. Фридлянда.

Грузовик остановился, и сразу же с платформы легко соскочил отряд молодежи. Юноши и девушки принялись выгружать небольшие, но увесистые ящики, лопаты, тяжелые мотки проводов, телефонные аппараты...

Последнее короткое напутствие самого старшего в отряде, и вот, разбившись на группы, молодые люди отправились на выполнение первого в своей жизни разведочного задания.

Так начинается трудовой день одной из партий студентов геофизического факультета Московского геологоразведочного института.

Двое юношей выкопали неглубокую ямку. На ее дно они опускают вынутый из ящика прибор, похожий на большую гирю. Теперь его надо подсоединить к длинному электрическому кабелю, который, как нить, тянули за собой практиканты, разматывая большую катушку, прикрепленную к задней стенке кузова машины.

В стороне хлопочут подрывники. В пробуренную скважину они опускают заряд и цилиндрическую ямку до краев заливают водой. Затем, отойдя на безопасное расстояние, студенты подключают провода, идущие от заряда к взрывателю. «К взрыву готовы!» — сообщают подрывники по телефону на командный пункт. А там, в затемненном кузове, проверяют, надежно ли присоединены многочисленные приборы, каковы напряжение и ток в агрегате.

Но вот щелкнул переключатель, и, быстро перематываясь с одного барабана на другой, потекла широкая фотолента. Проходят доли минуты. «Огонь!» — подает по телефону команду начальник отряда. В ответ подрывники пускают ток в электродетонатор. Поднимая в воздух фонтан воды и земли, раздается взрыв.

Вздрогнули укрытые в траншеях приборы-разведчики. И по длинным проводам полетели донесения на командный пункт. Там специальные приборы улавливают эти слабые сигналы, усиливают их, и вот уже на бегущей фотоленте появились загадочные письмена.

О чем же сообщают металлические разведчики-сейсмографы?

Обступив преподавателя, студенты смотрят на белые свитки в его руках. Вначале на них тянутся ровные черные линии, но вдруг их словно кто-то вспугнул: в этот момент к ним как раз добежала взрывная волна. Линии лихорадочно взметнулись вверх и тут же ринулись вниз, чтоб вновь начать свой стремительный подъем... Таков загадочный язык глубин. Чтобы разобрать эти шифрованные донесения, названные учеными сейсмограммами, нужны глубокие знания о свойствах Земли.

Еще в древности Земля, как физическое тело, привлекала внимание человека. Невозможность увидеть ее издалека, охватить единым взглядом, необходимость рассматривать гигантский предмет, находясь на нем самом, невероятно осложняли изучение Земли. Незнание, неумение объяснить многочисленные загадочные явления — все это превосходная почва, на которой быстро и прочно укоренялись религиозные предрассудки.

Наука о физических свойствах Земли рождалась в жестокой борьбе с религией, под градом проклятий и отлучений от церкви, в дыму костров, на которых сжигались не только еретические книги, но нередко и сами авторы. И все же, несмотря ни на что, совершая научный подвиг, исследователи строили гипотезы за гипотезами, уже много позднее подкрепив некоторые из них виртуозно поставленными опытами. Так были определены форма и беспрестанное движение нашей планеты, обнаружены и выявлены некоторые особенности в распределении магнитных сил и силы тяжести, найдена причина морских приливов...

Все эти сведения со временем систематизировались и были объединены в геофизику — науку о физической природе Земли.

Несмотря на большие успехи, достигнутые в изучении нашей планеты, земные глубины до последнего времени являлись тем таинственным заповедником, куда не удавалось проникнуть человеку. И даже сегодня, когда буровая техника становится все более совершенной, самая глубокая скважина в Европе, заложенная в Азербайджане, проникнет в землю немногим больше 5 километров. Однако это всего лишь царапина на массиве земного шара, если вспомнить, что его средний радиус равен 6 370 километрам.

Что же лежит глубже? В каком состоянии находятся вещества на расстоянии десятков, сотен, тысяч километров от поверхности Земли? Какие там температуры и давления? В какой последовательности располагаются вещества, слагающие Землю? Наконец, где в ее недрах укрылись уголь, нефть, руды, другие полезные минералы?

Многие из этих вопросов остались бы без ответа, не сумей человек подслушать и разобрать загадочный язык глубин.

Первые вести из глубин были пойманы в короткий миг землетрясений, когда волны, пришедшие из недр, едва заметно сотрясали чуткие сейсмографы. Но планомерное изучение земных глубин нельзя было основывать на одних лишь землетрясениях.

Профессор А. И. Заборовский и студентки К. Горелкина и В. Минаева снимают показания гравиметра.

«Огонь!» — слышится в телефон команда начальника отряда.

Доцент И. Гурвич рассматривает со студентами очередную сейсмограмму.

И ученые для исследования более близких подземных слоев решили устраивать сами миниатюрные землетрясения. Взрывы — их подобие.

С помощью сейсмограммы легко подсчитать скорость, с какой упругая волна, отраженная или преломленная на глубине, проходит от места взрыва до сейсмографа. А так как известно, с какой скоростью упругие волны распространяются в различных горных породах, то можно в общих чертах установить, какие из них встретились на пути волны. По эху, принесенному из глубин, удается установить и конфигурацию подземных слоев: где они тянутся параллельно, где выгибаются вверх, образуя огромные купола, где опускаются вниз, создавая глубокие впадины.

Да ведь и житейский опыт подсказывает, что не обязательно сбивать со стены штукатурку, чтобы определить, где установлены кирпичные стояки, а где таится деревянная перегородка. Для этого достаточно в разных местах постучать по стене, и звук, по-разному отражаясь от кирпича и дерева, безошибочно укажет их расположение.

Многократно проведенные за день взрывы детально «простукивают» земную толщу, позволяя создать представление о «подземной архитектуре». Но как знакомство с этой архитектурой облегчит поиски полезных ископаемых, разведка которых и является конечной целью геофизиков? Оказывается, у многих полезных ископаемых есть «излюбленные» места в обширном подземелье!

Представьте себе, что бесконечные барханы желтых песков раскинулись на тысячи километров вокруг вас. Данные геологической разведки сообщают, что под ними, возможно, скрывается нефть. Где же заложить скважину, чтобы она привела к значительному скоплению «черного золота»?

Внешне нет никаких характерных примет. Что же, бурить наугад? Но на бурение затрачиваются большие средства и много времени.

Здесь-то сейсмический метод разведки и оказывает огромную услугу, экономит время, деньги. Нефть чаще всего скапливается у вершин подземных куполов. Сейсмический метод легко обнаружит под землей эти места, точно укажет, где следует закладывать скважину. Таким образом, геофизики чаще всего ищут не самое ископаемое, а те структуры, которые оно себе облюбовывает.

Сейсмический способ разведки не единственный, принятый на вооружение разведочной геофизики.

Вот на институтской базе группа студентов совершает последние приготовления перед выездом. На дороге их уже ожидает машина. Но перед тем, как отправиться в путь, следует провести замеры на исходном пункте.

Практиканты устанавливают сверкающие светлой эмалью и никелем ручек приборы, похожие на карликовые цистерны, укрепленные на массивных подставках. Это гравиметры — приборы, измеряющие силу тяжести. Много недоумений и курьезов вызывала эта неведомая сила, способная изменять вес предметов на Земле. Часы с тяжелым маятником, точно отрегулированные на Севере, начинали отставать, как только владелец перевозил их на экватор. Гирей, изготовленной на экваторе, можно было взвесить больший груз, когда ею пользовались на Севере. Оказывается, повинны в этих «проделках» вращение Земли и ее неправильная форма. На полюсах сила тяжести наибольшая, она плавно убывает к экватору. Но со временем оказалось, что не для всех мест это правило соблюдается. Выявились и многочисленные отступления.

Склонившись над гравиметром, студентка внимательно вглядывается в окуляр. Кажется, что сквозь оптические стекла она увидела земные глубины. Но нет, глубины там, конечно, не видно, хотя прибор и представляет собой своеобразное окно в недра. Произведя замер силы тяжести, продиктовав подруге показание прибора, еще раз проверив отсчет, девушки, а за ними и остальные студенты грузят гравиметры в машину и спешат к следующему пункту. Однако там приборы показали совсем иные величины.

Нашлось объяснение этому явлению. Если в данном месте при прочих равных условиях в песчаниковой или известняковой оправе лежит массив гранита, гравиметр непременно отметит такой скрытый источник чудесной силы. Местное увеличение силы тяжести вызовет и скопление железных руд в более легких породах.

Но разведчикам следует насторожиться, когда прибор вдруг покажет уменьшение силы тяжести. Значит, в данном месте к поверхности подходят пласты более легких пород. А многолетний опыт разведки полезных ископаемых подскажет, что именно такое ложе нередко выбирает для себя нефть. Для пород, скрывающих под собой уголь, тоже характерно уменьшение силы тяжести.

...От базы отправилась еще одна группа студентов. Они несут приборы на себе — кто ящик за плечами, кто штативы. Километровый переход — и достигнута заветная лужайка. Здесь надо быстро расставить треноги и укрепить на них небольшие приборы, похожие на фотоаппараты, — магнитные весы.

За много столетий до нашей эры в Китае уже знали о чудесном свойстве свободно подвешенного магнита всегда указывать одно направление. Однако чем больше люди странствовали, тем чаще подвергался испытанию авторитет магнитного компаса. В некоторых местах стрелка вдруг изменяла своему извечному направлению север-юг.

Что же это за места, где законы земного магнетизма как бы теряли власть над магнитной стрелкой? Позднее установили, что это скопления горных пород, намагниченных значительно сильнее, чем окружающий их земной массив.

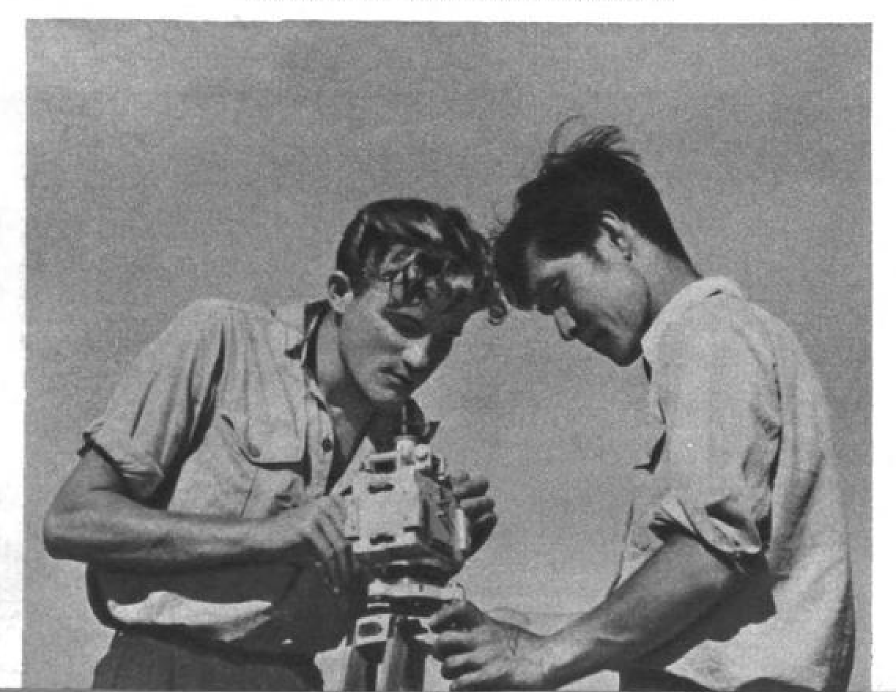
Значит, и под лужайкой находятся подобные породы? Нет, студентов приходится огорчить. Они не обнаружили нового месторождения железа. Здесь его создали искусственно, закопав под землю большое количество железного лома.

Не только железо удается разведать магнитным способом. Нередко магнитный железняк оказывается вкрапленным в золотую россыпь. И магнитные весы обязательно зарегистрируют его, подадут весть разведчикам, уже осведомленным об этой «дружбе». Многие кристаллические породы также обладают магнитными свойствами, выдавая свое скопление под землей.

Заглянуть в земные глубины можно и с «птичьего полета», с самолета. Незримые магнитные линии пронизывают воздух. Установленный на самолете прибор, сконструированный советским ученым А. А. Логачевым, тут же отметит изменение магнитной силы.

Уже в институте будущие геофизики овладевают многочисленными способами поисков невидимого, поисков издалека, когда нет возможности войти в непосредственный контакт с искомым, когда лишь по особым признакам можно угадывать присутствие полезных ископаемых. Среди этих способов большую роль играет и электроразведка, основанная на различии электрических свойств пород. Но самые верные результаты разведчики получают тогда, когда они атакуют земные глубины последовательно несколькими способами. Против этой наглухо закрытой крепости один в поле не воин. Лучше всего брать ее «хитростью», караулить сигналы, которые исходят из самых глубин в местах магнитных и гравитационных аномалий, или засылать в глубины невидимых разведчиков — взрывные волны и электрический ток.

Склонились над магнитными весами студенты советского вуза китаец Гао Юнь-лун и румын Джеорджеску.

Copyrighted material

СЛОВО О ДРУЖБЕ

Войцех ЖУКРОВСКИЙ,
член президиума Общества польско-советской дружбы

С 12 сентября проходит месячник польско-советской дружбы. Ниже мы печатаем полученное редакцией «Огонька» письмо известного польского писателя, лауреата Государственной премии Войцеха Жукровского.

Старая польская пословица, совпадающая с такой же русской, гласит: «Чтобы хорошо познать друга, надо съесть с ним вместе бочку соли». Настоящая дружба должна выдержать испытание временем.

Есть и вторая польская пословица, она тоже звучит примерно одинаково у нас и у вас: «Друзей можно познать только в беде и горе». И здесь тоже время и жизнь являются лучшими судьями.

В дни месячника советско-польской дружбы мне часто вспоминались годы черной гитлеровской оккупации, когда мою родину терзали паучьи фашистские лапы, когда у нас не было оружия, чтобы в бою отстоять свое право на жизнь и человеческое достоинство.

Тогда вы, настоящие наши друзья, взвалили на свои плечи бремя неимоверно тяжкой, титанической борьбы с фашизмом. Вы дали нам, изгнанникам гитлеровского «нового порядка», приют и кров в вашем доме, вы проявили искреннее братское сочувствие. Вы дали нам в руки оружие, чтобы мы могли биться за освобождение нашей отчизны. В лихую для Польши годину вы стали для нас и для всех миролюбивых народов светлой надеждой сердца. Это не забудется во веки веков!

Время — лучший судья. Так рассуждали издревле. Но мы были свидетелями того, как дружба рождалась в самое короткое время, в мгновение, потребное для того, чтобы перевести дыхание между двумя артиллерийскими залпами.

Сколько раз приходилось мне видеть, как советский воин, самоотверженно спасший жизнь поляку, не ждал благодарности и шел дальше вслед за танками на запад, чтобы освобождать другие наши города и села! А потрясенные люди долго смотрели ему вслед, и слезы выступали у них на глазах от волнения и изумления.

Мы сражались в м е с т е. Это — великое слово. Не раз наша польская пехота, яростно штурмовавшая укрепления врага, получала мощную поддержку советской артиллерии. Не раз и наши части пробивались на помощь советским воинам на том или ином угрожаемом участке фронта. От боя под Ленино через Буг, Вислу и Одер шли наши армии плечом к плечу. Такие дни, такие дела не забываются вовеки!

...Как сейчас, вижу я этот майский день. Дула винтовок, автоматов, пистолетов, пулеметов обращены к небу. Это был салют нашей радости, и пули летели под облака. Сердца наши жаждали только одного — мира, и он наступил. Для таких минут стоит жить!

Помню я и день расставания с советскими офицерами. Это они, наши терпеливые учителя, добросовестно показывали нам, как водить танки, приучали держать штурвал самолета, строить укрепления, минировать предполья, наводить мосты. Это они помогли нам овладеть труднейшим искусством побеждать.

Тяжело было расставание. А они осторожно освобождались из дружеских объятий, садились в осыпанные цветами машины, которые одна за другой исчезали в облаках пыли. Только ветер доносил обрывки прощальной песни...

Мы учились у советских друзей коллективному действию, самоотверженному труду, несгибаемому упорству. Эту драгоценную науку мы вскоре применили на практике. Под свинцовым небом Польши зазвенели топоры — плотники ставили первые крестьянские хаты. Глухо били копры — забивались первые сваи плотин. На берегах рек гремела мирная песня — вчерашние саперы наводили первые мосты, пахнущие свежим смолистым деревом. Под трепыхание алых флажков по только что уложенным рельсам проходил первый поезд. До отказа набитые вагоны везли советское зерно. То был хлеб для изголодавшихся польских городов и сел.

Это у вас, в Советском Союзе, наши каменщики овладели «секретом» скоростной кладки кирпича. Дома росли, как грибы после дождя. Вставала из пепла и руин дорогая сердцу каждого поляка Варшава. У вас учились наши мастера высокому искусству скоростных плавок. Эта учеба скоро дала себя знать: в каскадах искр поплыла сталь на наших металлургических заводах.

Поляки, возвращавшиеся с учебы в Советском Союзе, уносили в сердце незабываемую картину титанического строительства. Там, в Стране Советов, в степях появляются города, в глухих болотах и топях прокладываются магистральные каналы, реки текут туда, куда направляют их разум и умелые руки. В поисках руд, угля и нефти советский человек проникает не только вглубь недр, но и вглубь морей. Есть чему поучиться!

В вашей чудесной стране мы увидели свое собственное будущее. Но первые годы нашего становления отнюдь не были легкими. Проклятое, отравленное наследие прошлого все еще тянулось за нами, вокруг все еще росли сорняки. В лесах скрывались профашистские, контрреволюционные и террористические банды. По ночам над Польшей появлялись самолеты «неизвестной национальности». Горели хаты сельских активистов нового народного строя. Бывало так, что маленький алый членский билет Общества польско-советской дружбы стоил его владельцу жизни. Этот билет часто находили разодранным в клочья возле трупов зверски убитых крестьян. Их убивали те, кто не имеет права называться не только поляком, но и вообще человеком.

Маленькая красная книжечка Общества польско-советской дружбы... Ряды членов Общества неуклонно росли. В 1946 году их было около 56 тысяч. Но уже через два года число их перевалило за первый миллион.

Чтобы найти путь к сердцу друга, надо начать с изучения его языка. В 1946 году у нас было организовано 150 курсов русского языка, их окончило 1 785 человек. А в нынешнем году таких курсов насчитывается уже 7 793, и на них обучается более 102 тысяч слушателей! Эти цифры говорят сами за себя.

Каждый год в Советский Союз из Польши выезжают десятки делегаций, экскурсионных групп. В таких поездках участвуют представители всех профессий. Экскурсанты привозят с собой сувениры: черенок из Ясной Поляны, тучный колос пшеницы, выращенной советскими агрономами. Но главное, они возвращаются заряженные знаниями и страстью к новаторству.

Ежегодно в Польшу прибывают на гастроли московские, ленинградские, киевские театры, прославленные хоры, танцевальные ансамбли. Мы тоже научились разыскивать в городах и селах, на фабриках, в клубах и Домах культуры талантливую молодежь. Научились заботливо выращивать певцов, музыкантов, актеров, ваятелей из народа. И как радостно было через некоторое время после приезда в Польшу ансамблей Александрова и Моисеева взамен послать к вам наш «Мазовше», а затем Государственный польский театр!

В книжных магазинах Польши имеются почти все произведения советской и русской классической литературы. Тиражи польских переводов этих книг достигают сотен тысяч экземпляров и раскупаются с необычайной быстротой. Кому не известно, что наша дружба имеет глубокие корни! Можно ли говорить о Мицкевиче, не упоминая имени его великого друга Пушкина? Как можно указывать нашей молодежи на примеры героизма, не упоминая книг «Как закалялась сталь» и «Молодая гвардия»?

* * *

Нашу дружбу характеризуют не только чудесный Дворец культуры и науки в Варшаве, или соревнования спортсменов, или выступления ученых, артистов, певцов. Я рискнул бы сказать, что неплохими агитаторами за дружбу наших народов являются вашингтонские политики и Аденауэр. Любопытный факт: в ответ на угрозу боннского канцлера о «пересмотре границ» в ряды членов Общества польско-советской дружбы дополнительно вступило более миллиона поляков!

Там, на Западе, враги человечества лихорадочно готовят новую войну. Мы в ответ еще более крепим нашу дружбу с Советским Союзом.

Ныне Общество польско-советской дружбы насчитывает почти 7 миллионов членов. Внушительная цифра! Есть над чем задуматься и нашим друзьям и нашим врагам!

Мы с вами, дорогие советские друзья! Мы с вами всегда и во всем — в радости и печали, в трудах и борьбе. С вами на вечные времена! Мы вместе несем боевую вахту в величайшей крепости, имя которой — лагерь мира.

В магазине советской книги в Варшаве. Почтальон принес заказы на советскую литературу.

РАЗГОВОР

Рассказ

Сергей АНТОНОВ

Рисунок П. Пинкисевича.

С самого утра у Жени было прекрасное настроение. Большой, светлый цех, накрытый стеклянным сводом, казался ему сегодня веселым и праздничным: весело и сильно шумел вделанный в оконную фрамугу вентилятор, весело пели станки, и даже в тоне мастера, отчитывающего за что-то Анатолия, звучали веселые нотки. И когда, медленно набирая силу, в двенадцать часов дня загудел заводской гудок, Женя удивился, как быстро летит время. Гудок гудел совсем близко от инструментального цеха, и его низкий, бархатный, знакомый всему городку голос на минуту затопил все звуки: бесшумно стал вращаться вентилятор, бесшумно стали работать станки, и мастер стоял перед Анатолием, бесшумно шевеля губами. Думая о чем-то своем, Женя отвел эмульсионную трубку, вынул тепленький нипель, блестящий, как елочная игрушка, проверил его проходным и непроходным калибром и бросил в ящик, где уже лежали десятки таких же разноцветно блестевших нипелей. Потом он остановил свой старенький, мокрый от эмульсии, словно вспотевший станок и, широко шагая по черным, жирным доскам пола, пошел к выходу. Обычно во время обеденного перерыва Женя прятал полученный под расписку метчик в глубину тумбочки, но сегодня все люди казались ему добрыми и честными, и он оставил метчик на станке. Крупный и широкоплечий до того, что на нем не сходилась ни одна спецовка, Женя был добродушен и застенчив. Считая в глубине души застенчивость и добродушие крупным недостатком мужчины, он стыдился своего характера и от этого на людях казался еще застенчивей.

В проходе между станками Женю нагнал Анатолий, невысокий худощавый паренек в мохнатой кепке. У него была привычка все время оглядываться, словно его окликали со всех сторон. Работал он всегда в кепке, чтобы буйные его волосы не засоряла стружка. По сравнению с Женей Анатолий был очень грязен. И руки его, и лицо, и синяя спецовка лоснились от сажи и машинного масла. Однако из-за этого еще белей казался видневшийся из-под спецовки белый воротничок, облегавший тонкую толину шею, и еще приятней выглядел безукоризненно завязанный галстук модного цвета цикламен.

Несмотря на то, что Анатолий при всяком удобном случае навязывался на дружеские разговоры, нельзя сказать, что они с Женей были друзьями. Завистливость Анатолия и его постоянная оглядка казались Жене неприятными, но он считал себя обязанным сохранять со своим соседом по цеху вежливые отношения: они соревновались, и фамилия одного из них всегда появлялась в конце месяца на красной доске.

— Я перед выходным никак не могу в норму войти, — сказал Анатолий. — А ты все равно как Плюшкин, уже не меньше чем на двадцать пять рублей накрутил.

Женя ничего не ответил, только улыбнулся радостно и бессмысленно.

— Пойдем сегодня на стадион? — предложил Анатолий и оглянулся.

— Нет. Не могу сегодня.

— А то пойдем. Сегодня наши с трудрезервами играют. Я тебе там одну резервочку покажу — деваха, дай боже.

— Не могу. — Женя попытался сделать безразличное лицо, но против воли снова улыбнулся и, как бы оправдывая улыбку, добавил: — В кино иду. На «Два гроша надежды».

— С кем?

— Ты ее не знаешь.

— Длинная или короткая?

— Вот так мне. — Женя попилил себя рукой по плечу. — В самый раз.

— Рыжая или белобрысая?

— Каштановая.

— Каштановая — это ерунда, — сказал Анатолий. — Каштановая — ни рыба, ни мясо.

Они вышли на широкий, просторный двор. Работница сторожевой охраны Надя поливала из шланга асфальт. Высоко над заводскими корпусами горело летнее солнце, и все вокруг было словно пропитано ярким светом...

— Ну, а какая она все-таки из себя? — спросил Анатолий.

— Как я тебе объясню? — Женя развел руками.

— А попросту. Ну, глаза, например, какие?

— Глаза?.. А знаешь, глаза я и не помню. Помню, немного щурится, когда смотрит... Совсем чуть-чуть щурится.

— Близорукая, — сказал Анатолий.

— Почему близорукая? Может, у нее такая привычка.

— Значит, хитрая. Хитрые всегда щурятся.

— Да нет! — досадливо проговорил Женя. — Совсем не хитрая... Глаза такие хорошие... Цвет только не помню. Волосы, это помню. Каштановые. Вьются.

— Наверное, шестимесячная.

— Нет. У нее свои.

— Когда же ты успел познакомиться?

— Первого мая. Помнишь, в сад ходили? Вот тогда. Эскимо ей покупал. Два раза.

— Что же, тебе заводских не хватает? Наверное, молочница какая-нибудь...

— Нет. Она в педагогическом учится. На втором курсе. Аккуратная такая. Круглая отличница, между прочим.

— А у нее подруги есть?

— Были с ней две подруги. Но тебе там делать нечего, у тех уже есть ребята. — И с удовольствием, видимо, не в первый раз вспоминая первомайский вечер, Женя быстро заговорил: — Когда вы с Надей меня бросили, я остался один. Думаю, куда деваться? Домой идти рано. А тут вижу: колесо. Покатаюсь, думаю, на колесе. Купил билет, занял очередь. А передо мной они и стояли: пять человек. Три дивчины и два парня. Я сперва думал: займу очередь и отойду погулять. А как увидел ее, так и стал на месте. Она

Copyrighted material

МИКОЛА БАЖАН

К 50-летию со дня рождения

На всех этапах многотрудного, славного боевого пути украинской советской литературы в ее рядах мужал и развивался талант Миколы Бажана.

В стихах и поэмах Бажана предстают перед читателем герои гражданской войны, люди труда, мужественные воины Великой Отечественной войны, советский человек нашего времени. Герои произведений Миколы Бажана увидены им не со стороны. Путешественник, корреспондент, редактор, советский офицер, большой государственный и общественный деятель, Микола Бажан берет героев своих произведений прямо из жизни.

Талант Миколы Бажана многогранен: лирика и публицистика, поэмы и переводы.

Богат интонациями поэтический голос Бажана, звучащий естественно везде: от высокой патетики, глубоких поэтических раздумий и задушевной лирики до иронии и сарказма.

Огромная культура писателя позволяет ему свободно «ориентироваться» в разнообразном историческом и литературном материале многих народов и эпох.

Поэт мастерски владеет стихом. Он у него отточенный, музыкальный. Бажана трудно переводить: трудно передать его богатую звуковую и словарную палитру. И все же надо отдать должное переводчикам, которые сумели во многих случаях приблизиться к оригиналу.

Многие яркие строчки и строфы стихотворений Миколы Бажана приобретают характер афоризмов. Эта афористичность поднимает слово поэта до той высоты, когда оно становится «полководцем человечьей силы».

«Учиться у класса любви и ненависти, учиться у класса — расти», — призывает поэт, и это — основа основ его собственного творчества. Глубоко любя и воспевая социалистическое Отечество, партию, простых людей труда, поэт ясно видит также мир угнетения, нищеты и произвола. Об этом свидетельствуют его стихи военных лет и сборник «Английские впечатления».

Наш замечательный друг и товарищ прошел полувековой жизненный путь. Плодотворная работа Миколы Бажана высоко оценена советским народом.

Полвека не так мало для человеческой жизни, но возраст поэта не определяется его годами, ибо не стареет, не утрачивает своей свежести и обаяния настоящее поэтическое слово. В этом секрет молодости Миколы Платоновича Бажана.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Микола Бажан.

рассказывала что-то про Ньютона, и все они покатывались со смеху. Не знаю, что там про Ньютона было смешного, а стою и слушаю. Ты ведь знаешь, мне все девчата на один фасон... А тут совсем другое дело... Такая она... круглая отличница, между прочим...

— Уже хвасталась?

— Нет. Она не хвастается. Это я из их разговора вывел.

— Ясно. Она с расчетом на тебя говорила.

— Какой там расчет! — Женя поморщился. — Она меня и не видела тогда... Ну, так вот. Подошла наша очередь — стали садиться в люльки. Ее подруги с парнями заняли две люльки. А она села одна. И мне билетерша велела садиться с ней. Сам бы я не посмел сесть, мне билетерша велела. Ну вот, сидим с ней рядом, катаемся. А когда люлька идет вниз, она кладет свою руку на перекладину, совсем рядом с моей рукой, совсем близко, миллиметров, может, пятнадцать, а может, десять... Что стало со мной, я не знаю. Соображать даже перестал, вверх летим или вниз, только и слежу за ее рукой и думаю: «Дотронется она до меня или нет?» И думаю: «Если дотронется, что-то случиться должно...» Какое-то, одним словом, короткое замыкание... И вдруг...

— В душ пойдем? — спросил Анатолий.

— Как хочешь, — сухо ответил Женя и замолчал.

— Там народу много. У колонки умоемся, и ладно... Да, ты Надьке не говори, что я на стадион собрался.

Минут через пять они вошли в шумную столовую.

— Значит, приглянулась она тебе? — просматривая меню, небрежно поинтересовался Анатолий.

— Что там на второе? — спросил Женя.

— Эскалоп есть — три с полтиной. Отбивная... Познакомились все-таки?

— Я возьму отбивную.

— Каждый день одно и то же. Постоянный ты парень. А я для разнообразия — цветную капусту... Как звать-то?

— Ну, Люда.

— Мещанское имя.

— Хватит об этом! Понял? — сказал Женя угрожающе.

— Чего ты завелся? — удивился Анатолий.— С ним разговаривают, а он завелся, все равно как не знаю кто. Подумаешь, нашел подругу жизни! Ты еще лет десять таких-то подруг будешь перебирать. Это еще ничего не доказывает, что она глаза щурит или говорит: «Ах, я еще не видала «Два гроша надежды»!» Говорила ведь?

Женя смолчал. Действительно, Люда говорила что-то вроде этого.

— Ну вот. Я с этими образованными много времени убил,— продолжал Анатолий.— У нее весь интерес на чужие деньги в кино сходить. А ты ей эскимо покупаешь, все равно как Евгений Онегин.

К столу подошла Надя в светлом платьице, без платочка и спросила Анатолия хрипловатым голосом:

— Возле тебя сегодня свободно?

— Садись, — разрешил Анатолий, оглянувшись по сторонам. — Где охрипла?

— С вышки прыгала. Тренировалась. Простыла немного.

— Подумаешь, чемпион!

— Я и не лезу в чемпионы.

— Скоро к нам подойдут? — раздраженно спросил Женя пробегавшую официантку. Настроение у него испортилось.

Может быть, Анатолий прав, и Люда, если посмотреть на нее спокойными глазами, — обыкновенная студентка педагогического училища, обыкновенная хохотушка — и все. Странно подумать, с каким замиранием сердца ждал он: дотронется она до его рукава или не дотронется? Все произошло гораздо проще. Во время катания у нее слетел платок с шеи, и Женя успел его подхватить. Вот и все. И она пошла с ним гулять. Для нее это, наверное, не первое знакомство.

«Наверное, действительно она близорукая», — подумал Женя и принялся за борщ. Почему-то вспомнилось, с какой восторженностью он расписывал Анатолию свою знакомую, вспомнилась глупая фраза о коротком замыкании. Потом вспомнился метчик, оставленный на станке, и, совсем расстроившись, Женя оставил недоеденный борщ, уверенный, что метчика давно уже нет на месте.

— Ты чего это нынче больно серьезный? — спросила Надя.

— Не суйся, — сказал Анатолий. — Тут дело сердечное.

— Да что ты! — воскликнула Надя. — А мы-то уж думали, что наш Женька — единственный идейный холостяк на заводе... Ничего из себя?

— Да так, коротышка близорукая, — сказал Женя и, почему-то усмехнувшись, добавил: — Будущий педагог.

— Звать как?

— Это не важно...

— И крепко она тебя любит?

— Эскимо она любит. Ни рыба, ни мясо в общем.

— Ну давай, не теряйся, — сказала Надя.

— А чего мне теряться, — ответил Женя, нахмурившись.

— Вот это разговор правильный, — заметил Анатолий и оглянулся.

А Женя вдруг подумал, что сейчас Люда сидит, наверное, в маленькой комнате своего общежития и читает толстый учебник, готовится к экзаменам. А может быть, вспоминает о нем, размышляет о том, где он сейчас, что делает, что говорит... Что он тут про нее городит? Зачем? Чтобы порисоваться перед Анатолием? Да неужели Анатолий для него важнее Люды? Натрепал невесть что, а вечером, как ни в чем не бывало, пойдет с ней в кино... Ничего себе комсомолец!

Стараясь отвлечься от тяжелых мыслей, Женя прислушался к беседе Нади и Анатолия.

— Ты ведь обещал на стадион идти, — говорила Надя.— И когда ты будешь хозяином своего слова?

— Вчера обещал, а сегодня не могу, — отвечал Анатолий. — Ты, если хочешь, иди. Я тебя не задерживаю.

— Одной — какой интерес! Я с тобой хочу.

— Мало что... У меня дела.

— Какие у тебя вечером дела?

— Мало какие. Хочешь, ешь цветную капусту. Я ее почти не тронул.

— Спасибо.

— Ешь. Заплачено.

— Что у меня, денег нет, что ли? Сама закажу.

— Откуда они у тебя, деньги... — усмехнулся Анатолий. — Ешь.

— Не хочу, — устало проговорила Надя. — Дай закурить.

В глазах у нее блестели слезы. «Год назад была веселая девушка, — подумал Женя с сожалением, — а теперь хрипит, курит. И головой вертеть стала точно так же, как Анатолий. Переняла дурную привычку». И чем дольше Женя смотрел на нее, тем отчетливей доходило до его сознания, что не она виновата в этом превращении. И тут же подумал, что, не будь сегодняшнего разговора с Анатолием, он бы никогда не стал порочить Люду. «А ведь это нечистый парень, — поморщился Женя, — заразный какой-то... Честное слово, заразный».

— Значит, на стадион не идешь? — грустно спросила Анатолия Надя.

— Да чего ты пристала?.. Нашла бы себе какого-нибудь физкультурника да ходила бы по стадионам!

— Ты вот что, друг. — Женя встал, и руки его дрожали. — Если ты ее обидишь... я тебе покажу... я тебя... — Он задохнулся и, чувствуя, что может сейчас натворить все что угодно, выбежал из столовой.

На дворе попрежнему ярко горело солнце. Женя шагал к цеху, с облегчением ощущая, как сами собой разжимаются его кулаки. Асфальт уже высох, и только на цветах газонов блестели чистые крупные капли. В цехе возле своих мест хлопотали вернувшиеся с обеда рабочие. В углу мерцала куча металлической стружки, похожая издали на горку девичьих колечек. Женя подошел к своему месту, увидел метчик и улыбнулся. На душе его опять стало легко, словно он только что избавился от опасной, неизлечимой болезни. Минут через десять загудит гудок, зашумят станки и начнется спокойная работа. А через несколько часов гудок загудит снова, возвещая конец рабочего дня, его бархатный голос услышит в своем общежитии Люда, закроет толстый учебник, наденет розовое платье и будет ждать тихого стука в дверь и тихого вопроса: «Можно?»

Женя снова улыбнулся и включил свой старенький станок.

Copyrighted material

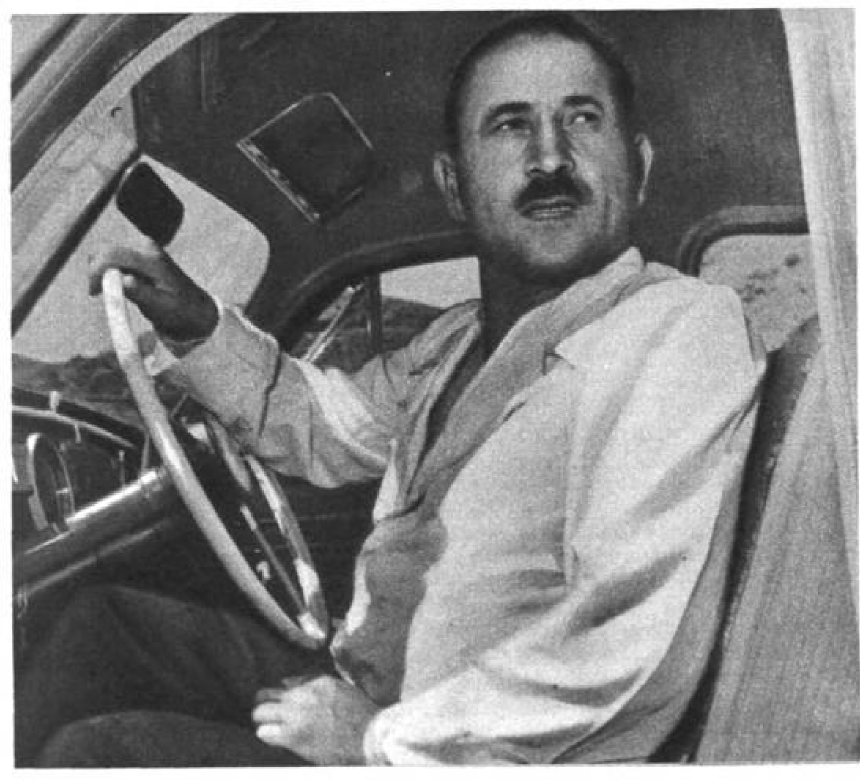

ПО ТАДЖИКИСТАНУ

И. МЕСХИ

Фото О. КНОРРИНГА.

Новое здание Публичной библиотеки в Сталинабаде.

Знатный шурабский шахтер, крепильщик шахты № 2, депутат Верховного Совета СССР Ульмас Салиев.

Сушка урюка в колхозе имени Молотова, Исфаринского района, Ленинабадской области.

В сентябре 1929 года в Сталинабад по только что отстроенной железной дороге прибыл поезд, первый в истории этого города. Он привез гостей из братских республик на Чрезвычайный съезд Советов Таджикской автономной ССР, на котором решался вопрос об образовании Таджикской союзной республики.

Прошло 30 лет со дня создания Таджикской АССР, 25 лет существует Таджикская союзная республика. За эти годы не раз приезжали сюда представители братских народов. Они пользовались не только железной дорогой, но и самолетами, передвигались по автомагистралям Таджикистана. Уже в пути они видели много такого, что в ту далекую пору в кишлаке Дюшамбе, переименованном в Сталинабад, наносилось лишь пунктиром на карту будущей республики.

Когда в Таджикистане оказывается кто-либо из Донбасса, он старается попасть в Шураб — город таджикских угольщиков, возникший не так давно на севере республики в горах. Уголь здесь по качеству ниже донбасского, но он не уступает подмосковному. Его хватает всему Таджикистану и еще отсылают в Ашхабад. А восьмая шахта, на переделку которой отпущено около ста миллионов рублей, станет самой крупной в Средней Азии.

Угольный пласт этой шахты протянулся на территорию соседней Киргизской республики, где уже идут работы. Таджики строят у себя гидростанцию, а львиная доля энергии идет в Узбекистан. Узбеки вместе с таджиками построили Ферганский канал. Воды таджикской реки Исфары поят Исфаринскую долину, равно как и земли киргизских и узбекских колхозов, примыкающих к этой оросительной системе... Дружба народов, великая цементирующая сила, находит яркое выражение в этих повседневных фактах нашей советской жизни.

Исфаринская долина славится своими абрикосовыми садами. В колхозе имени Молотова неподздней осенью можно еще застать сушку абрикосов. Это красивое зрелище — целые поляны рассыпанных по земле, впитывающих жаркое солнце золотистых плодов. Исфаринский урюк знаменит разнообразием сортов и сладостью необычайной. Его в колхозе собирают за сезон до 2 тысяч тонн.

Здесь же стоит Первомайская ГЭС — межколхозная станция, пущенная в эксплуатацию в нынешнем году. Ее тоже питают воды Исфары. Интересная судьба у этой реки: насыщая долину по каналам и сотням мелких колхозных арыков, давая кишлакам электрическую энергию, сама она никуда не впадает, так как воды ее полностью расходятся по полям. Так до предела выжимать воду из реки могут, пожалуй, только здесь. В зеленой зоне Исфаринской и Ферганской долин встают заводы и фабрики: хлопкоочистительные, винодельческие, консервные, шелкоткацкие.

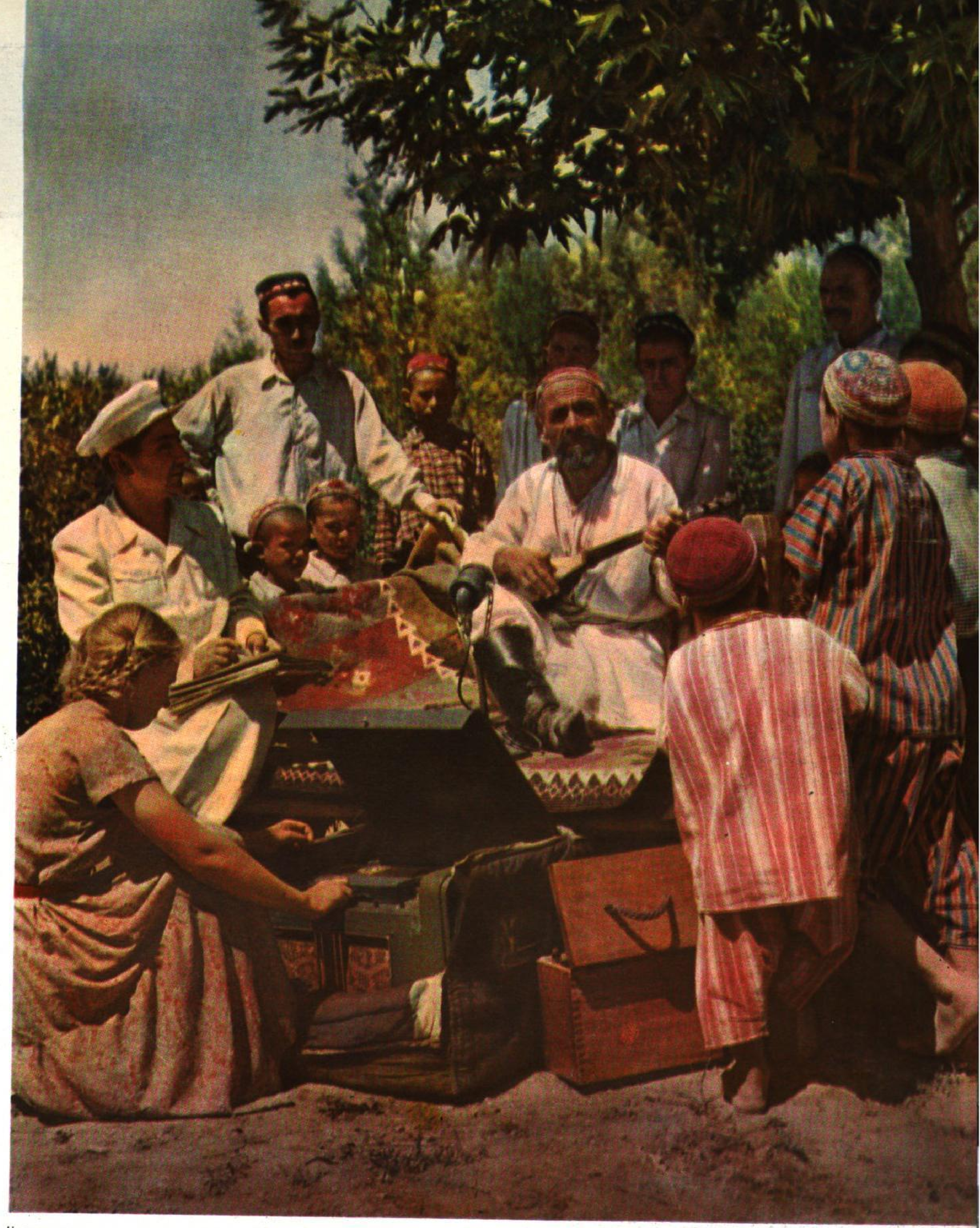
Ленинабад — второй город республики. Небезинтересно, что некогда, в очень давние времена, через Ходжент (так назывался раньше Ленинабад) проходили караванные пути из Китая к странам Средиземного моря. По этим путям следовали купцы с тюками шелка. Близ Ленинабада сохранились села с названиями Хитой-кишлак и Хитой-риза, в которых слово «Хитой» значит не что иное, как Китай. Теперь на этом древнем «пути шелка» построен Ленинабадский шелковый комбинат. Здесь заняты рабочие 113 профессий. Комбинат дает в сутки 42 тысячи метров ткани, а с окончанием в нынешнем году строительства новой красильно-отделочной фабрики продукция увеличится в три с половиной раза.

За Ленинабадом начинается автомобильная трасса, проходящая через район виноградников, где заготавливают почти половину кишмиша всей Средней Азии, через горные перевалы, высота которых достигает 3 400 метров над уровнем моря, — на Сталинабад.

В горах Таджикистана, в тех самых, о которых в конце прошлого столетия картографы говорили, что они им менее известны, чем поверхность луны, выросли промышленные предприятия, курорты, появилось культурное животноводство.

На высокогорные пастбища по большому Памирскому тракту, к отрогам хребта Петра Первого, мы поднимаемся с вице-президентом молодой Таджикской Академии наук Гулямом Алиевичем Алиевым. Горные дороги Таджикистана суровы, мало благоустроены, но ведь 25 лет назад в республике было всего 34 километра автомобильных дорог! Еще и сейчас кое-где сохранились своеобразные старинные горные тропы — овринги — с надписью: «Путник! Будь осторожен! Помни, что ты здесь, как слеза на реснице»...

Copyrighted material

Чудесные песни слагает колхозник сельскохозяйственной артели имени Ленина, Сталинабадского района, Таджикской ССР, народный гафиз Хикмат Ризоев. Бригада Республиканского дома народного творчества приехала в колхоз, чтобы записать на пленку его песни.

Фото О. Кнорринга.

Copyrighted material

На высокогорном пастбище Таджикистана.
Фото О. Кнорринга.

Copyrighted material

Вот какие у нас, на Вахше, персики!

В чайхане «Чинар», возле районного центра Комсомолабад, под гигантским, в десяток обхватов, деревом собрался своеобразный клуб шоферов. Сюда спускаются машины с Памира, здесь великое скопление водителей Совхозтранса, Таджикпотребсоюза, Автодортранса. И пока стоит на дороге длинная вереница «зисов», груженных продуктами, тюками с шерстью, строительным материалом, шоферы торопятся освежиться пиалой горячего зеленого чая. Труд этих людей, которые изо дня в день водят громоздкие трехтонки по узким «серпантинам», поистине героичен.

От Комсомолабада дорога поворачивает на Гарм — горную область, расположенную в центре республики. Не доезжая до Гарма, надо пересесть на коней и подняться еще выше. Перед глазами предстает великолепный альпийский луг Хозорчашма, что значит «тысяча источников». Здесь расположена ферма Куйбышевского совхоза. Полным ходом работает «парикмахерская», стрекочут аппараты электрострижки. Совместно с работниками совхоза Г. Алиев выводит здесь новую породу овец — «таджикская курдючная». Степная туркменская сараджинка, мелкая, но шерстяная овца, в сочетании с овцой гиссарской породы, крупной, но почти бесшерстной, дает уже отличные новые экземпляры. У них намечаются все качества гиссара: много мяса, большой курдюк, и к тому же полугрубая белая промышленная шерсть — до трех килограммов в год.

Возвращаясь с пастбищ Хозорчашмы, остановимся у скалистой теснины, где от слияния двух рек рождается бешеный Вахш. С этой рекой придется встретиться за много сотен километров отсюда, в долине на юге республики. Вахшская долина — гордость Таджикистана, его самая грандиозная стройка. В Вахшской долине произрастает ценный длинноволокнистый (египетский) сорт хлопка, и здесь собирают самые обильные его урожаи.

Головное сооружение Вахшского оросительного канала — сердце долины. Таджики тысячелетиями мечтали о таком могучем, добром сердце.

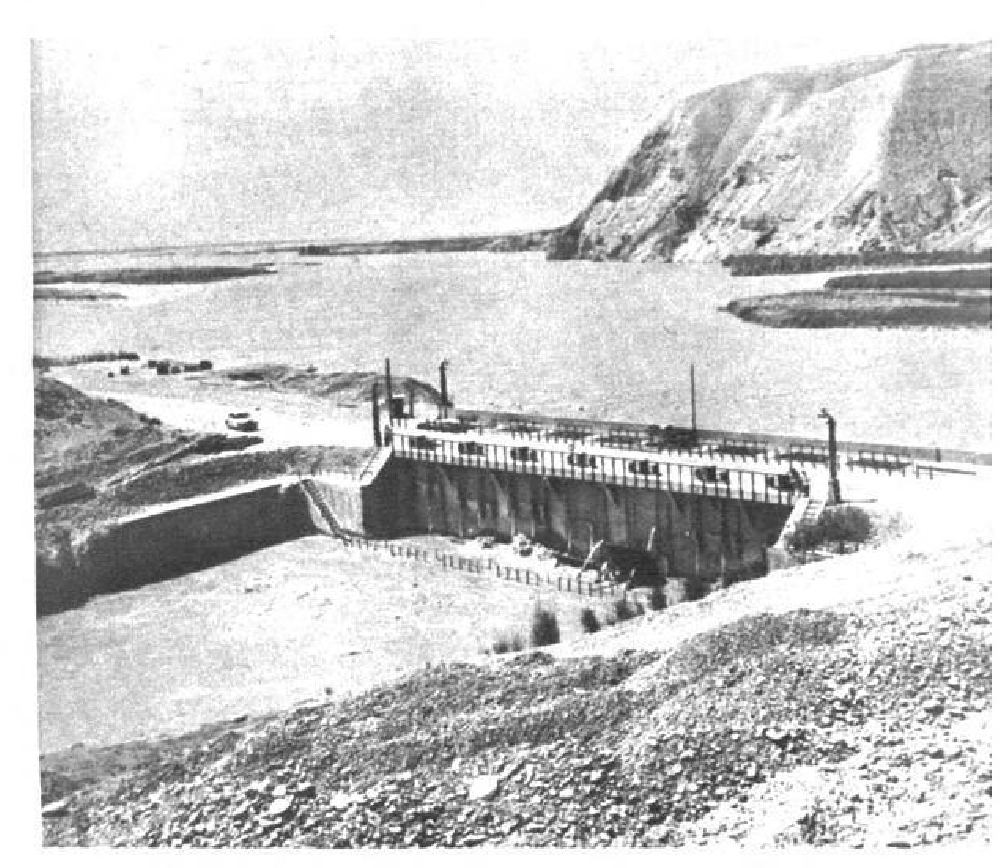
Научный центр Вахшской долины — Таджикская комплексная опытная станция по хлопку — старейшее учреждение на Вахше. Здесь могут рассказать, как никто не верил, что тонковолокнистый хлопок привьется в этих условиях, как он все же привился, а потом стал болеть, и сколько было треволнений с межвидовой гибридизацией, с выведением новых устойчивых сортов. Новые сорта вывели, а теперь совершенствуют их хозяйственные качества и, главное, приспосабливают к машинной уборке.

Еще одно научное учреждение на Вахше никак нельзя миновать — опытную станцию Всесоюзного института сухих субтропиков. Заместитель директора станции, бывший сухумец, Владимир Иванович Цулая, работающий с основания станции, проведет гостей по всему Кумсангирскому плато, превращенному из пустыни в чудо-сад, где ветви персиковых деревьев ломятся под тяжестью плодов. Плод граната весит до одного килограмма, зреет, казалось бы, чуждая Вахшу янтарная хурма, а лимонные деревья в траншеях дают по 300—400 плодов в сезон. Кстати, о сухих субтропиках. С появлением воды и растительности это название звучит условно. В свое время влажность воздуха здесь достигала лишь 10—12 процентов, а ныне она поднялась до 40.

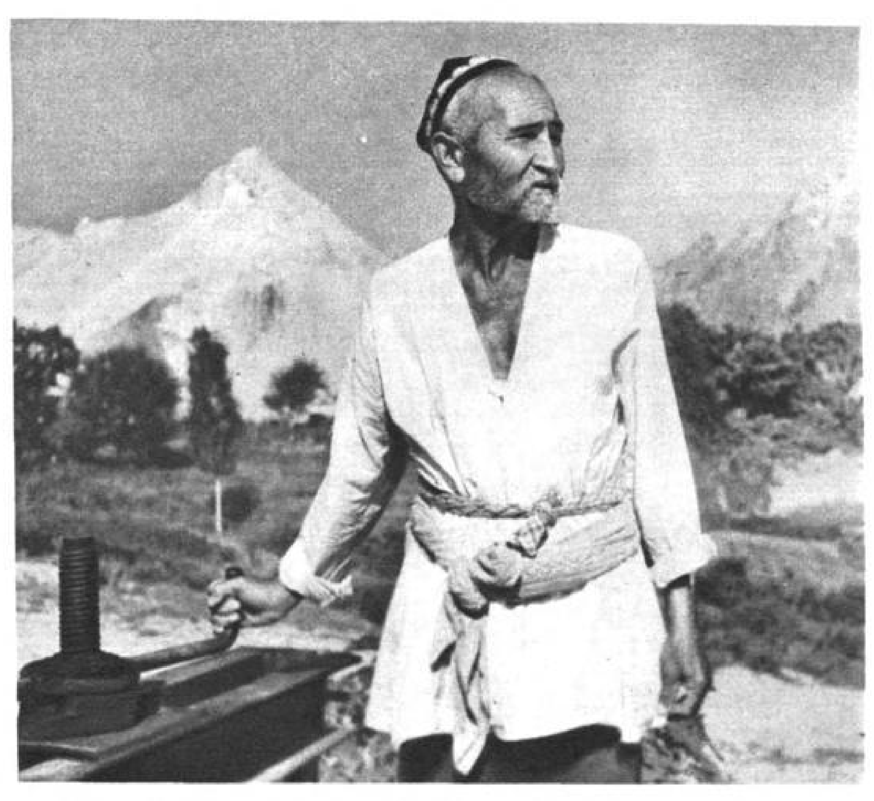
Отсюда рассылаются в колхозы Вахшской и Гиссарской долин черенки деревьев для колхозных лимонариев, для садов, скверов и парков. Отсюда распространилась и культура джута в Таджикистане. Многие колхозы Вахшской долины имеют обширные джутовые поля, и на самом юге республики выросли джутовые заводы, вырабатывающие волокно, из которого производят мешковину и веревки.

Так и приведет дорога к самому югу, к пойменным землям нижнего течения Вахша, в заповедник «Тигровая балка». Это двадцать тысяч гектаров тростниковых и камышовых зарослей, озер, рощ из серебристого дерева джидды. Здесь бродят на свободе бухарские бараны, камышовые коты, тигры. Это кусок сохранившейся для потомков девственной вахшской земли. Не столь давно вся эта огромная, теперь уже населенная и цветущая долина выглядела именно так.

Граница Таджикской республики с Афганистаном... На берегу — застава имени командира-героя Самохвалова, погибшего в боях с басмачами. На этой заставе, очень далекой, очень знойной, со всех сторон обдуваемой горячими ветрами, несколько лет бессменно служит офицер Алексей Ильич Евсеев. Здесь есть электричество. Веселый стук молотков возвещает о том, что скоро заработает и водопровод. А Алексей Ильич, когда он свободен от службы, выходит со своими дочками Наташей и Таней на берег реки подышать идущей от реки прохладой, поиграть с девочками, подумать на досуге, как же все-таки хорош мир!

Головное сооружение Вахшского оросительного канала.

Мираб Исфаринской оросительной системы Абдукадыр Алимов.

А. И. Евсеев в час досуга со своими дочками.

В ДНИ ГАСТРОЛЕЙ

В. ВЛАДИМИРОВ

Фото Е. ТИХАНОВА.

Недавно в Москве, в помещении Малого театра, проходили гастроли Государственного Польского театра. Перед началом гастролей гостей приветствовали ведущие московские артисты. В конце ответной речи, произнесенной на польском языке, директор и художественный руководитель театра Бронислав Домбровский спросил по-русски: «Нуждаются ли мои слова в переводе?»

Зрители единодушно ответили: «Нет».

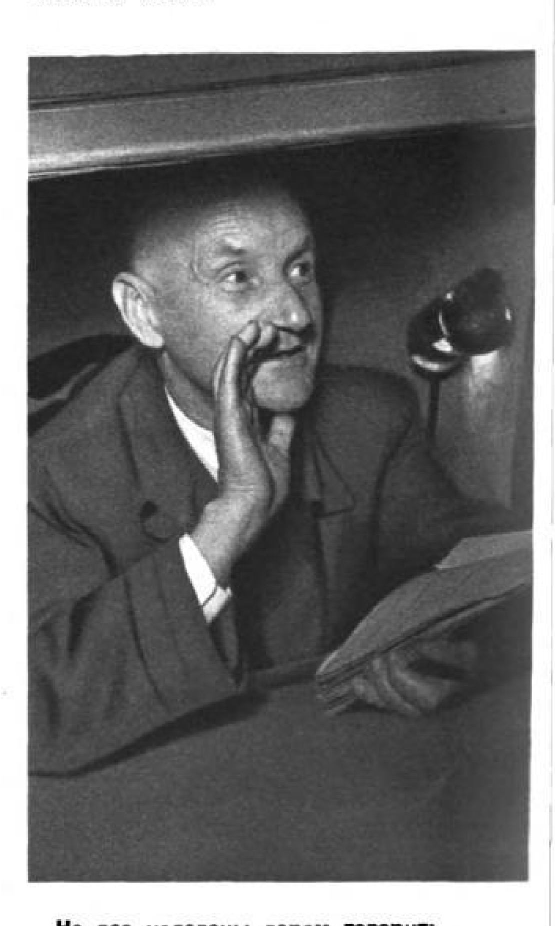
Семилетний Яцек Сильвин играет Роберта, младшего сына Розенбергов, в пьесе Леона Кручковского «Юлиус и Этель». В труппе он самый молодой актер.

— Пора на сцену, Яцек,— говорит ему «начальник тюрьмы» — артист Малишевский.

— Но ты посмотри только, дядя Юзеф, какая интересная картинка: столько людей одну репку вытащить не могут!

Многие зрители еще до спектакля «Кукла» были знакомы с одноименным произведением классика польской литературы Болеслава Пруса, и они особенно внимательно следили за игрой Нины Андрыч (Изабелла), Ежи Лещинского (граф Лэнцкий) и Леха Мадалинского (Вокульский).

Не все наделены даром говорить так, чтобы их слова были услышаны только теми, к кому они относятся. Генрих Филипович, который работает в театре суфлером со времени его основания — с 1913 года,— владеет этим искусством в совершенстве.

Copyright material

Гости побывали во многих столичных театрах. Ришарда Ханин, исполнительница роли Сони в пьесе «Дядя Ваня», увиделась со своей знакомой — Галиной Пашковой. Первая встреча актрис состоялась год назад в Варшаве, где гастролировал театр имени Вахтангова, а теперь они беседуют в Москве за кулисами театра имени Вахтангова. В этот вечер шла «Чайка», и Галина Пашкова играла Нину Заречную.

Польские артисты осмотрели многие достопримечательности столицы и, конечно, побывали на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.
— Неужели в Москве можно выращивать такие лимоны? — спросили они у агронома Северьяна Арсеньевича Мжаванадзе.
— Конечно,—ответил он.—Вы можете проделать то же самое и в Варшаве.

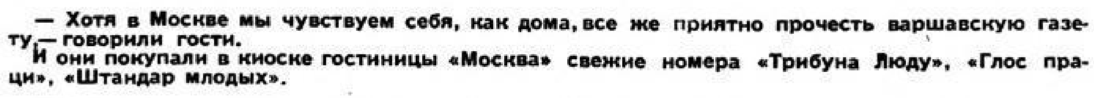
Ян Кречмар, исполнитель роли Сида в пьесе Корнеля, решил познакомиться с методом преподавания в Государственном институте театрального искусства имени Луначарского. Дело в том, что сам он ректор Высшей государственной театральной школы в Варшаве.
— Это интересно,—сказал Кречмар, просмотрев музыкальный этюд «Студенческая попутная», поставленный студентами 2-го курса. — Мы еще не делали таких работ.

Молодого актера Яна Братковского интересует история русского театра. Но никто из его коллег не знает ее лучше Кароля Адвентовича. Он охотно рассказывает, как 60 лет назад гастролировал в России и учился у великих русских актеров Ермоловой, Южина, Ленского.

Бронислава Домбровского мы застали за чтением новых пьес.
— Мы очень довольны нашей поездкой,— сказал он.— В ближайшее время думаем ставить новые пьесы советских драматургов, а из классики — «Грозу» Островского.

— Хотя в Москве мы чувствуем себя, как дома, все же приятно прочесть варшавскую газету,— говорили гости.
И они покупали в киоске гостиницы «Москва» свежие номера «Трибуна Люду», «Глос працы», «Штандар млодых».

Поэзия высоких чувств

Писатели и книги

Сборник «Стихотворения и поэмы» Степана Щипачева невелик. «Я широте учусь у фраз коротких» — таков художественный принцип поэта. Лирика С. Щипачева раскрывает перед нами идейный и моральный облик советского человека, нашего современника. Этот облик предстает в его конкретном воплощении: через жизненную биографию самого поэта, через круг его склонностей, интересов и дум. Черты личной биографии — биографии мальчика из крестьянской безлошадной семьи, пробужденного революцией к сознательной жизни и творчеству, воспитанного партией,— отчетливо проступают в книге:

Лил дождь осенний. Сад
грустил о лете.
За мной вода заравнивала след.
Мне подсказала дата
в партбилете:
Тогда мне было
девятнадцать лет.
На город шел Колчак.
У мыловарни
Чернел окоп.
В грязи была сирень.
А я сиял:
я стал партийным парнем
В осенний тот
благословенный день.

Емкость этих двух строф поразительна. Всего несколькими строками рисует поэт пейзаж, вызывая живое ощущение дождливого осеннего дня. Не менее четко проступает и другое, внутреннее содержание этих строк. «Вода заравнивала след» — это не только деталь пейзажа, но и словно прощание с прошлым, ныне оставшимся позади. «В грязи была сирень» — это как бы символ страшной угрозы, нависшей над жизнью и красотой. Резкий контраст между хмурым пейзажем и ликующим состоянием героя предельно эмоционален.

В стихотворении до мельчайшей подробности, до чернеющего окопа у городской мыловарни, запечатлено то, что окружало в тот день именно Щипачева, историческая обстановка, сопутствовавшая его вступлению в партию. Но ни с чем несравнимое ощущение благословенного дня, когда человек каплей слился с великим океаном, имя которому — Партия, стремление героя занять свое место в рядах передовых бойцов — эти чувства, вложенные в стихотворение, присущи миллионам советских людей.

«...Лирический поэт не может раскрыть духовный мир человека, не раскрывая себя», — справедливо пишет С. Щипачев в предпосланной сборнику статье «Путь к поэзии». К этому следует добавить, что в наши дни поэт находит признание духовного мира своего героя тогда, когда нераздельно сливает свои стремления со стремлениями народа, помогает советским людям силами своего искусства в выполнении великой исторической задачи — строительства коммунизма.

Советская поэзия неуклонно шла таким путем, в этом ее сила и причина ее влияния на общество. Творчество Степана Щипачева весьма наглядно подтверждает это. Перелистывая страницы сборника, снова переживаешь путь, пройденный народом в его поступательном движении вперед,— на одних стихах лежат отсветы юности, связанной с гражданской войной, другие озарены мирными огнями пятилеток, те полыхают заревом великих битв за социалистическую Родину, а эти полны высокой радости быть современниками великой эпохи.

В нашей богатой творческими индивидуальностями поэзии С. Щипачев занимает свое особое место. Оно определяется как характером поэтического дара, так и условиями времени, сопутствовавшего расцвету его таланта. Как явление большой литературы поэзия Щипачева сложилась в последнее двадцатилетие, хотя первое его стихотворение появилось еще 35 лет назад. Но ни опыты юношеских лет, ни абстрактные стихи периода увлечения «космической» поэзией не включены автором в сборник. Ибо как поэт, оригинальный и самобытный, он сформировался в середине тридцатых годов. Творческая зрелость Щипачева относится ко времени победы в стране социалистического строя, когда окончательно сложились новые, социалистические отношения, новая мораль и стало очевидным, какой яркой и многогранной становится человеческая личность в советском обществе.

Утверждению и пропаганде новой, коммунистической морали и посвящает поэт свое творчество. Впрочем, о предмете своей поэзии он исчерпывающе сказал сам, подводя итоги сделанному за последние двадцать лет: «Антинародная, читаемая только в узком кругу рафинированных ценителей, буржуазная декадентская поэзия давно потеряла всякие права на общечеловеческие темы. Вместо гуманизма и веры в человеческий разум она проповедует человеконенавистничество, внушает скептицизм и уныние, вместо чистых, возвышенных чувств любви она воспевает извращенные, эротические ощущения; ей стали чужды живые слова о материнстве, о дружбе, о человеческом горе и счастье. Все эти темы должны найти и находят новую жизнь в нашей поэзии, в поэзии высоких гражданских чувств и подлинной человечности.

Такие размышления прибавляли мне уверенности в работе, вносили ясность в мое понимание задач советской поэзии, в понимание своей скромной роли в ее многообразном, но едином оркестре».

Сейчас, когда наш народ готовится подвести итоги двадцатилетнего развития своей литературы после Первого съезда советских писателей, особенно ценен выход сборника, дающего представление о личном вкладе его автора в это развитие.

Привычный круг тем лирических стихов поэта — это так называемые общечеловеческие темы: любовь, дружба, труд. К их решению поэт подходит с позиций коммунистического мировоззрения. С необычайной простотой и душевностью умеет он передать мысли простого советского человека, самоотверженно вносящего в общее дело долю своего труда:

Пусть жизнь твоя не на виду, —
Какое счастье жить и знать,
Что не на ветер дни твои идут,
Что в жизни цель тебе ясна,
Что не напрасно
бьет дождями лето,
Зимою вьюги обжигают лоб,
Что есть в большой работе
пятилеток
Твоя работа, рук твоих тепло.

Пожалуй, наибольшую симпатию читателя поэт привлек к себе стихами о любви, где эта «вечная тема» поэзии освещена с точки зрения человека нового общества:

Мы строим коммунизм.
Что́ в мире краше,
Чем этот труд!
Где доблести предел?
Предела нет!
А кто сказал, что наша
Любовь должна быть
мельче наших дел?

Для лирического героя С. Щипачева «любовь — высоким помыслам сестра», целомудренное и чистое чувство, помогающее людям в труде, то большое человеческое счастье, которое тоже нужно строить и уметь беречь: «Любовь с хорошей песней схожа, а песню не легко сложить». От юности и до седин, через годы труда и войны проносит герой Щипачева неразмененным и нерастраченным, а, напротив, непрестанно усиливающимся свое верное и постоянное чувство «строителя и солдата». С какой силой звучит оно в стихах «Березка», «Пускай умру» или «Ты со мной, и каждый миг мне дорог...»!

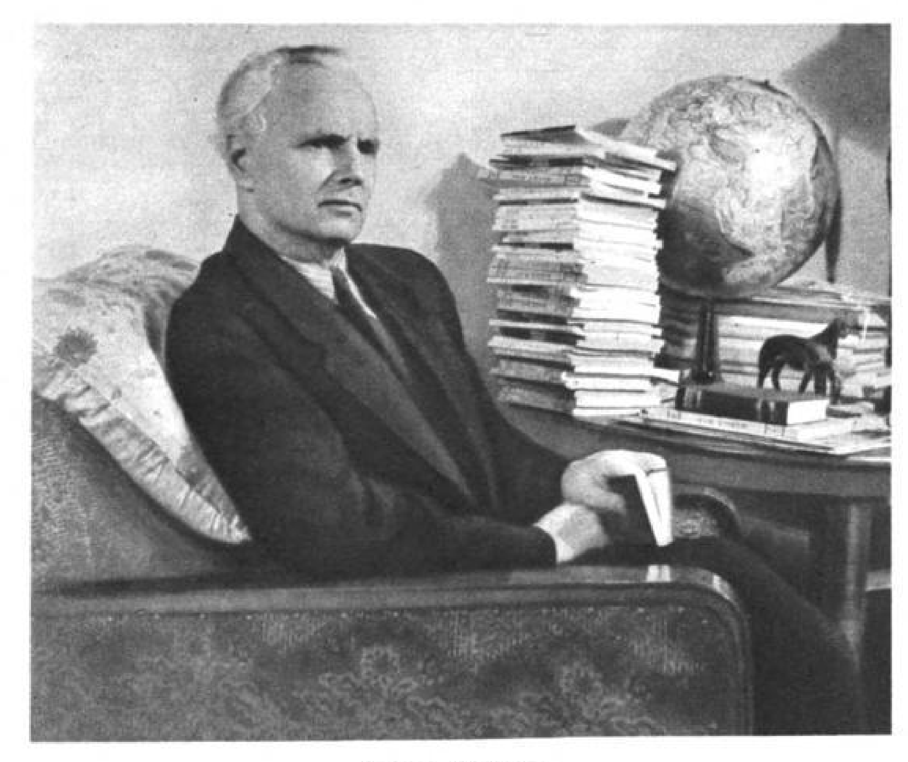
Поэзия С. Щипачева расцвела в годы, когда советская литература вооружилась теорией социалистического реализма, и это определило направленность творчества поэта на воспитание в читателе патриотической гордости и патриотического долга, сознания гражданской ответственности за чистоту и правдивость всех своих помыслов и чувств. «Мы за будущее в ответе», — говорит он в одном из стихотворений. Найти и воспеть прекрасное в сегодняшнем человеке, чтобы помочь ему, строителю коммунизма, утвердить и развить в себе это прекрасное,— такова цель гуманистической лирики Щипачева.

Это сознание цели своего поэтического труда, ясность ума и чувства нашли свое отражение и в художественной манере поэта, в доходчивости его стиха. В лучших стихах С. Щипачева, как видно хотя бы из приведенных выше, наблюдается завидное сочетание «высоких дум и простоты».

Поэмы «Домик в Шушенском» и «Павлик Морозов» настолько популярны, что вряд ли необходимо о них говорить особо. В «Домике в Шушенском» С. Щипачев полностью сохраняет свою манеру поэта-лирика и достигает большой силы поэтического воздействия. По силе и глубине чувства это — одно из лучших произведений советской поэзии, связанных с образом Ленина. В «Павлике Морозове» автор идет путем создания эпической поэмы и добивается многого в решении труднейшей поэтической задачи — нарисовать образ пионера-героя.

В целом книга С. Щипачева, хотя почти все в ней ранее читано и многое даже помнится наизусть, производит впечатление радостного открытия. Вероятно, такова особенность настоящей поэзии. Тем более такой, которая открывает человеку его повседневный мир как огромный, светлый «мир, где есть высота Эльбруса, упорство труда и полет мечты», и зовет к новым свершениям.

А. МАКАРОВ

Степан Щипачев.

Фото Е. Умнова.

Степан Щипачев. Стихотворения и поэмы. Гослитиздат. 1954. 302 стр.

Copyrighted material

ИГРА ДЛЯ ВСЕХ

Н. ХРАБРОВА

В самом центре Таллина, рядом с площадью Победы, у подножия древних крепостных стен разбиты теннисные корты, и около них всегда толпится народ.

Несколько пар сменилось на корте: хорошо сыграли две девушки с развевающимися от быстрых движений светлыми волосами, неожиданно для всех один весьма пожилой теннисист победил высокого юношу; и только когда на корт вышли два мальчика и стали для тренировки подбрасывать мячи, болельщики стали расходиться.

И тут мы подслушали разговор двух полнеющих мужчин.

— Красивая игра, — сказал один,— поиграть бы часок после работы.

— Красивая-то красивая, да уметь надо, учиться у кого-то надо, а где играть, у кого учиться? Кастовый какой-то вид спорта.

Но в Эстонии эти традиционные обвинения, часто обращенные к теннису, явно устарели. За последние годы теннис стал здесь поистине игрой для всех.

* * *

В старом Вышгородском замке, где находится Госплан Эстонской ССР, работает Юрий Ребане, немало сделавший для популяризации тенниса.

Еще в 1946 году теннисисты избрали Ребане председателем президиума республиканской теннисной секции. Он сказал им по окончании собрания: «Через четыре года в Эстонии должно быть более тысячи теннисистов». Скептики усмехнулись: «Это так просто не планируется. Ведь сейчас в Эстонии всего 40 игроков».

И тут же начался обычный разговор о «заколдованном круге»: нет теннисных площадок, нет и теннисистов, а нет теннисистов — и теннисные площадки строить некому.

Но с чего-то надо все-таки начинать?

Конечно же, со строительства кортов. Было решено, что во всех 39 районах республики должны быть площадки. Теннисисты обратились в райисполкомы: «Помогите сделать теннис игрой для всех! Помогите спортсменам района в строительстве теннисных площадок!»

Строительство теннисной площадки — трудоемкое и довольно дорогое дело: каждая площадка обходится в 20 тысяч рублей. В Эстонии теннисная площадка обходится значительно дешевле: теннисисты строят сами. От государства создатели площадок получают только оградительную сеть и дешевые строительные материалы.

Мы побывали на строительстве теннисных площадок в нескольких районах республики.

В шахтерском городе Йыхви уже закончены земляные работы, бульдозер разровнял площадку, подготовил ее для покрытия смесью щебня, гравия и песка. Каждый день после шести часов сюда собирается молодежь с лопатами. Каждый комсомолец города дал слово отработать на строительстве шесть часов.

В Пайде первыми построили себе площадку ученики ремесленного училища механизации сельского хозяйства. Сейчас они уже учатся держать ракетку и вести мяч. В свободное время ребята ходили помогать своим товарищам из других школ и предприятий достраивать две площадки.

Вокруг Равилаского техникума раскинулся прекрасный парк. Студенты техникума выбрали для площадки красивое место в тени деревьев.

Сейчас в Эстонии играет в теннис население 20 районов республики, а скоро будут играть и в остальных 19.

В президиуме теннисной секции есть карта Эстонии. Белыми кружками на ней отмечены действующие площадки в районах, розовыми — строящиеся. Цифры в кружках означают количество площадок. Действующих площадок в Эстонии — 76, строящихся — 101. (А ведь в 1946 году в республике было всего 6 кортов.)

Самые большие работы ведутся в Таллине: в городе строится крупнейший в Европе теннисный стадион, который будет состоять из 30 площадок. Первая очередь его — 15 площадок — будет готова летом будущего года.

Теперь в Эстонии около 3 тысяч теннисистов.

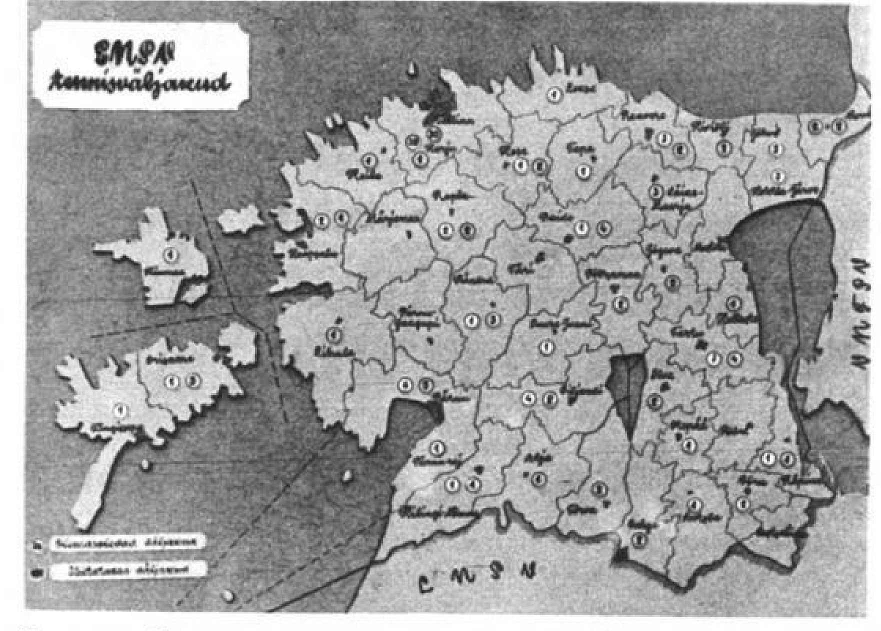
* * *

Кончился рабочий день. Закрылись двери учреждений и предприятий, люди проводят вечер в кино, в театрах, на стадионах. Многие отправились на теннисные площадки. На центральной площадке спортивного общества «Калев» мы встретили группу больших любителей тенниса: композитора Густава Эрнесакса, шахматиста Пауля Кереса, певца Тийта Куузика и токаря Энделя Сууресаара. После них играли школьники — победители всесоюзных соревнований Тальви Вяли и Тыну Пальм, 13-летний школьник Томас Лейус, а судьей в тот вечер был один из самых молодых теннисистов Таллина, 12-летний Мати Куум. С группой молодежи пришел на корт и Юрий Ребане, чтобы сыграть с ними несколько партий.

Таков был один только вечер на одной площадке. А сколько спортсменов побывало в эти часы на всех 76 кортах республики?!

В Эстонии издавна любят спорт. Славятся местные борцы, баскетболисты, яхтсмены. Теперь и теннис стал в республике игрой для всех.

Фото С. Розенфельда.

На карте Эстонии кружками отмечены строящиеся и действующие теннисные площадки.

Посмотреть на строительство двух теннисных площадок в Пайде приехал председатель президиума республиканской теннисной секции Юрий Ребане (первый слева).

На одной из теннисных площадок Таллина.

Copyrighted material

КАК МЕДВЕДЬ ТРУБКУ НАШЕЛ

(Сказка)

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунки А. Каневского.

Потерял Лесник в лесу свою трубку, кисет с табаком и самодельную зажигалку. А Медведь их нашел. С этого все и началось! Стал Медведь трубку курить! И так он к этой трубке привык, что когда лесников табак в кисете весь вышел, стал Медведь в лесу сухой лист собирать и вместо табака трубку им набивать.

Раньше, бывало, Медведь с солнышком проснется, в траве покувыркается, разомнется, на реку бежит купаться да рыбку ловить, а потом в малинник за малиной или по дуплам лазать — мед искать, а теперь чуть свет глаза продерет, сухим листом трубку набьет, сунет ее в пасть, чиркнет зажигалкой и лежит под кустом, кольцами дым пускает... Так целый день с трубкой в зубах и провалается...

И все бы ничего, да стал Миша прихварывать. Шел как-то опушкой, встретил Лису. Увидала Лиса Медведя, так и ахнула.

Лиса

Здравствуй, Миша! Ты ли это?
Не видались мы все лето.
Как ты, бедный, похудел,
Будто целый год не ел!
Что с тобою? Ты больной?

Медведь

Сам не знаю, что со мной!
Нездоровится мне что-то:
Лезет шерсть, в костях ломота,
Ничего не ем,
Аппетита нет совсем!
Стал я раньше спать ложиться,
Да не сплю! Никак не спится!

Кашель душит по утрам,
Дурнота по вечерам,
Колет в сердце, в лапах дрожь...

Лиса

Что ж ты к Дятлу не пойдешь?
К Дятлу надо обратиться!
Он у нас такая птица:
Сразу скажет, что к чему.
Не ленись, сходи к нему!

Медведь

Вот недельку обожду,
Станет хуже, и пойду!

Вот прошла неделька, прошла другая. Стало Медведю хуже. Шел он как-то оврагом, Волка встретил. Увидал Волк Медведя, так и присел на задние лапы.

Волк

Здравствуй, Миша-Михаил!
Что ты делал? Как ты жил?
Провалилися бока,
Шкура стала велика!
Ты хвораешь?

Медведь (грустным голосом)

Да. Хвораю.

Волк

Что с тобою?

Медведь

Сам не знаю...
Нездоровится мне что-то:
Лезет шерсть, в костях ломота,
Ничего почти не ем,
Аппетит пропал совсем!
Начал раньше спать ложиться,
Да не сплю! Никак не спится!
Душит кашель по утрам,
Дурнота по вечерам,
Сердце колет, в лапах дрожь...
Пропадаю!

Волк

Пропадешь...

Медведь (грустным голосом)

Пропадаю...

Волк

Пропадешь,
Если к Дятлу не пойдешь!
Надо к Дятлу обратиться!
Он у нас такая птица:
Разберется, даст совет.
Да, так да! А нет, так нет!

Медведь

Завтра я к нему пойду!

Волк

А найдешь его?

Медведь

Найду!

Разыскал Медведь Дятла в лесу. Тот на старой сосне дупло себе на зиму готовил. Подошел Медведь к сосне, голову кверху задрал.

Медведь

Дятел, Дятел! Старый друг!
Ты спустись на нижний сук!

Дятел

Ба! Топтыгину привет!
Ты здоров ли?

Медведь

Видно, нет!
Нездоровится мне что-то:
Лезет шерсть, в костях ломота,
Ничего-то я не ем,
Аппетит пропал совсем!
Начал раньше спать ложиться,
Да не сплю! Никак не спится!
Страшный кашель по утрам,
Дурнота по вечерам,
Сердце колет, в лапах дрожь...

Дятел

Верно, куришь, коль не пьешь?

Медведь

Да, курю. Откуда знаешь?

Дятел

Больно дымом ты воняешь!
Ну-ка, сядь под этот сук!..
Дай-ка спину!.. Тук-тук-тук!..
Да-с! Выстукивать непросто
Медведей такого роста!
Не дышать и не сопеть!
Ты больной, хоть и Медведь!
Ну-с... Мне все как будто ясно..

Медведь (испуганным голосом)

Не смертельно? Не опасно?

Дятел

Накопилась в легких копоть —
От куренья вся беда!
Ты, Топтыгин, хочешь топать?
Брось куренье навсегда!

Медведь (жалким голосом)

Бросить трубку? Зажигалку?
И с сухим листом кисет?
Не могу! Не брошу! Жалко!..

Дятел (строгим голосом)

Выполняй-ка мой совет!
А не то в своей берлоге
Ты, Медведь, протянешь ноги!

Поблагодарил Медведь Дятла за совет и поплелся домой. Приплелся, присел на пенек, достал трубку, набил ее сухим листом, хотел было закурить, да вспомнил,

Copyrighted material

что ему на прощанье Дятел сказал, и забросил трубку в овраг подальше. День не курит. Два не курит. На третий день не вытерпел, полез в овраг искать трубку. Искал, искал, насилу нашел. Нашел, о шкуру вытер, сухим листом набил, сунул в пасть, чиркнул зажигалкой, закурил. Только начал дым кольцами пускать, вдруг слышит: за оврагом Дятел сосну выстукивает: «Тук-тук-тук! Тук-туктук!» Тут опять вспомнил Медведь, что ему Дятел на прощанье сказал, вынул трубку из пасти и забросил в овраг дальше прежнего. День не курил. Два не курил. Три не курил. На четвертый день не вытерпел, полез в овраг за трубкой, искал ее, искал, искал, насилу нашел. Вылез из оврага весь в колючках и репьях, сел на пенек, вытер трубку о шкуру, сухим листом ее набил, закурил. Сидит, дым пускает, а сам прислушивается: нет ли где Дятла поблизости?

Всю осень, до самой зимы, бросал Медведь трубку курить, да так и не бросил!

Наступила зима. Поехал как-то Лесник в лес за дровами и собачонку с собой взял. Едет Лесник по дороге, а его Заливай по лесу бегает: заячьи следы разбирает. Вдруг слышит Лесник — Заливай голос подает: «Тяв-тяв! Тяв-тяв!» Не иначе нашел кого-то! Остановил Лесник лошадь, вылез из саней, встал на лыжи и пошел прямо на заливайкин лай. Продрался сквозь чащу, выбрался на полянку, видит: лежит большая ель, бурей поваленная, из земли с корневищами вывороченная, а у самого корневища снежный бугор — медвежья берлога, а из берлоги синий дымок вьется... И Заливай на него лает-заливается: «Тяв-тяв! Тяв-тяв!»

Удивился Лесник: из медвежьей берлоги дым валит!

Поднял Лесник Медведя в берлоге, а Медведь от куренья так ослаб, что его и вязать не надо — голыми руками бери! Стоит бедняга против Лесника, на своих четырех лапах качается. Глаза от дыма слезятся, шерсть клочьями, а в зубах трубка.

Узнал Лесник свою трубку, вынул ее у Медведя из пасти, заглянул в берлогу — еще кисет с зажигалкой нашел. Вот уж не ждал, не гадал!

Спрятал Лесник дорогую находку в карман тулупа, Медведя на сани навалил и поехал домой. Увидала Лесничиха, что муж из лесу приехал, выбежала на крыльцо.

Лесничиха

Что привез из леса, Федя?

Лесник

Посмотри! Привез Медведя!

Лесничиха (смотрит)

Настоящий!

Лесник

Настоящий!
Да к тому ж еще курящий!

Лесничиха

Что ж теперь нам делать с ним?

Лесник

В зоопарк его сдадим!
Как лежит он на возу,
Так его и отвезу!

И отвез Лесник Медведя в город, в зоопарк...

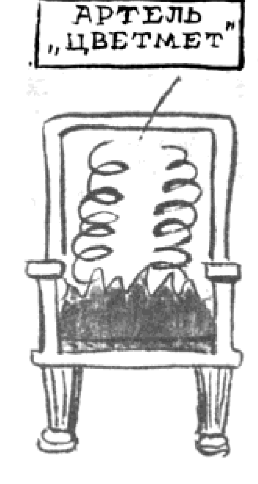
В зоопарке есть Медведь.
Можно зверя посмотреть.
Сыт и весел Мишка бурый —
Зверь лесной с мохнатой
шкурой.
Слух идет среди горилл,
Что когда-то он курил.
Если кто проходит мимо
С папиросою во рту
Или с трубкой,— запах дыма
Мишка чует за версту,
И, топчась на задних лапах,
Начинает вдруг реветь,
Потому что этот запах
Не выносит наш Медведь!

Карьера Антошина

Рисунки Е. Ведерникова.

Никита Антошин
Был важной персоной
В артели «Цветмет»,
Выпускавшей бидоны.
Была очень тяжкой там
Участь бидонья:
Вовсю протекали
Бидоньевы донья.
В них было
Такое количество дыр,
Как будто швейцарский
Разрезали сыр.

За эти за дырки
Никита Антошин
Был снят
И в другую артель
переброшен.
А там выпускали
Дуршлаги из жести.
И вот, все ошибки
Учтя честь по чести,
Боясь,
Чтоб с работы не сняли
опять,
Дуршлаги
Без дырок
Он стал выпускать.

И снова
Начальство его вызывало,
И снова
Антошину крепко попало:
«Без дырок дуршлаг —
Просто-напросто брак:
Вода ведь должна
Проходить сквозь дуршлаг».

Теперь переброшен он был
На калоши...
Учел
Указанья начальства
Антошин,
Исправил ошибку
(Чтоб снова не сняли),
И воду
Калоши его
Пропускали.

Его вызывают
К начальству опять:
«Калоши
Никак не должны
промокать!
О вас мы писали
Сто пять резолюций,
Над вашей продукцией
Люди смеются!»

И вот горсоветом
Никита Антошин
В театр музкомедии
Был переброшен,
И там он добился того,
Что, признаться,
Все люди
Совсем перестали смеяться.

Ругали Антошина
Наперебой:
«Где в ваших спектаклях
Задор молодой,
Чтоб смех и веселье
Царили бы в зале,
Чтоб старые
Юность свою вспоминали?»

Короче,
Начальством Никита
Антошин
На швейную фабрику
Был переброшен.

Стараясь
Ошибки исправить на деле,
Он платья
Таких устаревших моделей
Там стал выпускать,
Что старушки вздыхали
И давнюю
Юность свою вспоминали.

Начальство ему
Указало резонно:
«Вы б не допустили
Подобных фасонов,
Когда бы все время
Следили за модой...»

Ходил без работы
Антошин полгода,
Успев на носу у себя
Зарубить,
Что нужно за модой
Следить и следить.

Теперь рецензентом он стал,
И всерьез!
Он держит по ветру
С зарубкою нос.
Не слишком умен
И не слишком начитан,
И денно и нощно
За модой следит он:
Кого поднимают —
Того поднимает;
Кого разругают —
Совсем добивает.
Антошин,
Которого крыли так часто,
Теперь наконец
Не ругаем начальством.

И грустно нам думать:
Что, если Антошин
Не будет уже
Никуда переброшен?

В. БАХНОВ,
Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Copyrighted material

Интересный фотоснимок

С борта китобойца заметили в море косаток. Они резвились, гоняясь друг за другом, и даже выскакивали порой из воды на манер летучих рыб.

Косатка — зубастый прожорливый зверь с высоким спинным плавником. Отдельные экземпляры хищника достигают в длину девяти метров. Косатки гонят косяки рыб, хватают тюленей, нападают на китов, нанося им тяжкие раны, и нередко даже одолевают этих морских гигантов.

Там, где появились косатки, нечего делать китобойцам. Они уходят вслед за китами, спешно покидающими район, облюбованный ненасытными хищниками.

Моряк-дальневосточник Р. А. Ардешвили увидел с борта судна в воде двух косаток. Он улучил момент их выброса из воды и успел заснять зверей в полете.

Макс ЗИНГЕР

Хор попугаев

Пароход «Колхозник» шел из Аргентины к берегам европейского континента.

С того дня, как судно вышло из Буэнос-Айреса, численность экипажа словно увеличилась. Почти из каждой каюты раздавались незнакомые голоса:

— Алло! Кто там? Войдите!

— Хозяин, вставай на вахту!

Возвращаясь на родину, редко кто из моряков не приобрел себе попугая. В каютах, где обучением аргентинских попугаев занимались с меньшей настойчивостью, иногда еще слышались испанские слова, вроде «синьора», «синьорита». Но Лора и Разбойник, попугаи, которых приобрели старший помощник капитана Г. А. Яровенко и второй помощник капитана Ю. П. Соловьев, быстро свыклись с корабельной обстановкой и стали выкрикивать на русском языке:

— Доброе утро! Урр-а, ребята!

Разбойник, взобравшись на жердочку, выставленную из иллюминатора штурманской каюты, просиживал там целыми днями, слушая слова команды. Однажды, когда капитан «Колхозника» Н. М. Чебуров прохаживался по мостику, он услышал:

— Лево руля!

Перегнувшись через борт, Чебуров увидел озорника-попугая, высунувшегося из иллюминатора.

Урок пения.

Фото А. Бродского.

...Подходили к островам Зеленого Мыса. Все короче становился путь до родной Балтики, до Ленинграда, куда следовал «Колхозник». Шутка сказать, около полутора лет моряки не были дома! Моряки дружно, без уговора запели свою любимую песню — о Стеньке Разине.

Видно, мелодия пришлась по вкусу попугаям.

И вот, когда умолкли моряки, над океаном снова раздалась песня. Теперь уже пели попугаи. Особенно выделялись сильные гортанные голоса Лоры, Разбойника и Чилиты — любимцев экипажа, которые отличались особой общительностью.

К сожалению, это было единственное выступление корабельного хора попугаев.

Начались дожди и штормы, моряки занялись тяжелыми судовыми работами. А когда пришли в Ленинград, то было уже совсем не до попугаев. «Хор» распался.

М. НИКИТИН

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

Почтенный возраст

Илье Ивановичу Гриневу 112 лет, но он еще бодр, трудолюбив, полон энергии и в шутку обижается, когда его называют дедушкой. Большую трудовую жизнь прожил Илья Иванович и, несмотря на преклонный возраст, держится прямо, темные волосы на голове еще не тронуты сединой, молодо смотрят серые глаза под густыми бровями, только коротко подстриженные усы и борода лопаточкой уже побелели от времени.

До прошлого года Илья Иванович работал на плотбище Сымского лесопункта Туруханского леспромхоза: колол дрова, топил печи в заезжей, ходил за лошадьми, рубил проруби на реке. Сейчас он живет с сыном в поселке Кривляк, Ярцевского района, Красноярского края, где расположен передовой лесопункт. Сын Ильи Ивановича — Иван Гринев — мастер высокой производительности труда, знатный сибирский лесоруб, удостоенный правительственной награды и звания «Почетного мастера лесозаготовок и лесосплава СССР».

— У меня отец еще орел! Сколько раз уговаривал его переехать сюда с плотбища. Говорю: «Наработался, батя, отдохнуть пора!» Нет, не идет ни в какую. Насилу наконец уговорил. Да и сейчас он без дела не сидит, помогает по хозяйству. Весной картофель сажал, летом дома не удержишь. Давеча вот в лес ходил, ведра три ягод собрал. Всю жизнь работал, скучает теперь старик без дела...

С. БУРДЯНСКИЙ

Полезные советы

Очистка от накипи

Читатель «Огонька» Г. Никифоров из Воронежа интересуется, как очистить чайник от накипи.

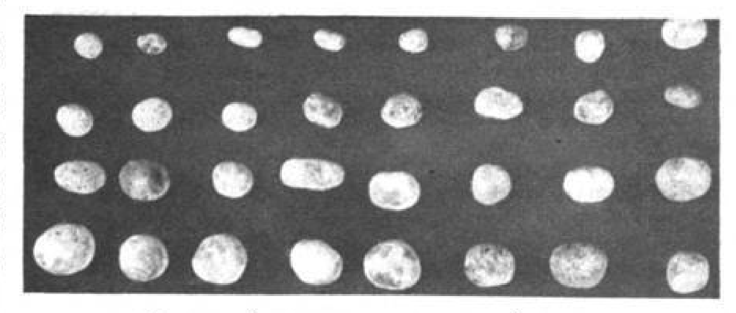
Для этого употребляют обыкновенную соляную кислоту. Ее можно приобрести в магазинах хозяйственных и технических товаров. В стакане или другой, большей посуде, смотря по объему чайника, кислоту разводят водой так, чтобы на одну ее часть приходилось четыре части воды. Разведенной кислотой, растворяющей накипь, тщательно прополаскивают чайник.

Если накипи много и она вся сразу не растворится, вновь разводят кислоту и повторяют прополаскивание. Очищенный таким образом чайник, прежде чем им пользоваться, хорошенько моют и кипятят.

Способ этот применим также и для другой посуды.

В этом номере на вкладках четыре страницы репродукций картин из новой экспозиции Третьяковской галереи и четыре страницы цветных фотографий.

«Пещерный жемчуг»

«Пещерный жемчуг» из уральской пещеры.

Фото С. Лебедева.

В пещерах иногда находят белые или желтоватые шарообразные или яйцевидные образования, имеющие от 1 до 25 миллиметров в поперечнике. Их часто называют «пещерным жемчугом». Состоят они из тончайших концентрических слоев почти чистой извести, числом до шестидесяти, постепенно наросших вокруг маленькой песчинки.

На Земле известно свыше десяти тысяч пещер, но «пещерный жемчуг» был найден только в десяти. Это пещеры Западной Европы, Азии (Япония), Австралии и Северной Америки. Недавно в одной из уральских пещер экспедиция Молотовского университета впервые в СССР открыла эти редкие образования.

Профессор Г. МАКСИМОВИЧ

г. Молотов.

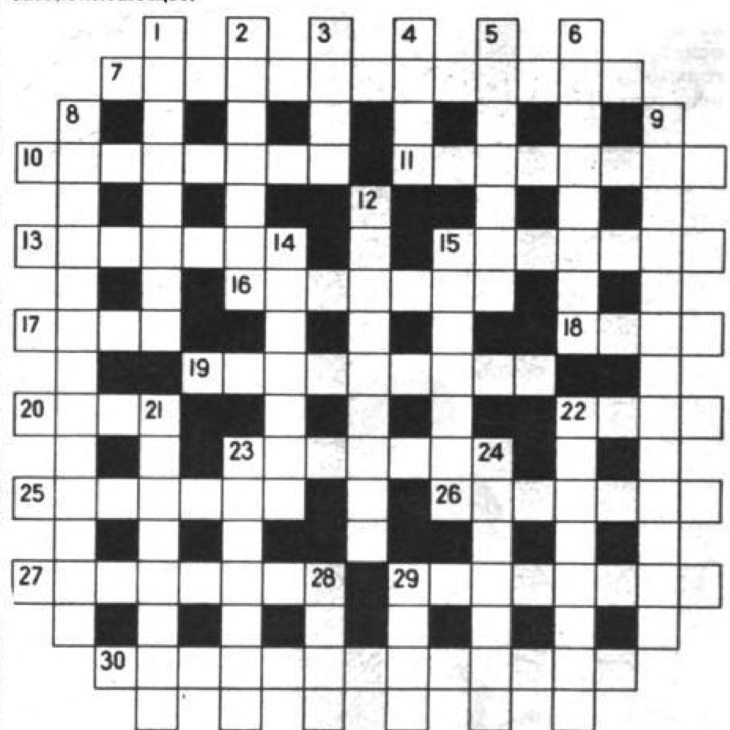
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Учение о невидимых лучах. 10. Стихотворение Н. А. Некрасова. 11. Сатирический журнал. 13. Приспособление для контакта с проводом у некоторых видов транспорта. 15. Род кирпича. 16. Чертежный инструмент. 17. Картина И. Левитана. 18. Морской рак. 19. Бабочка. 20. Кормовое травянистое растение. 22. Одно из пяти внешних чувств. 23. Ансамбль музыкантов. 25. Счет. 26. Русская сказка. 27. Мера длины. 29. Город в Тернопольской области. 30. Разговор, общая беседа.

По вертикали:

1. Летательный аппарат. 2. Вертикальный ряд цифр, строк. 3. Приток реки Десны. 4. Глянец, блеск. 5. Молодой лес, побеги растений. 6. Дикая роза. 8. Преобразование, перестройка. 9. Специальность ученого. 12. Прибор для расщепления атомного ядра. 14. Областной центр в Чехословакии. 15. Музыкальный духовой инструмент. 21. Русский живописец-портретист XVIII века. 22. Вступительная часть. 23. Специалист по изучению отдельной местности страны. 24. Роман Г. Севунца. 28. Город в Калининской области. 29. Насекомоядное млекопитающее.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали:

3. Экипаж. 5. Мрамор. 9. Гдов. 12. Этна. 13. Последователь. 14. Фольклор. 16. Краковяк. 17. Ниагара. 18. Остров. 19. Бостон. 22. Перекоп. 25. Целостат. 26. Тарханов. 27. Гидроизоляция. 29. Алей. 30. Клен. 31. Оберон. 32. Килька.

По вертикали:

1. Павильон. 2. Арматура. 4. «Клоп». 6. Ость. 7. Уговор. 8. Гаолян. 10. Воскресенский. 11. «Дороги». 12. Электротехник. 15. Рикошет. 16. Креозот. 20. Береза. 21. «Челкаш». 22. Патрубок. 23. Памятник. 24. Ворона. 27. Герб. 28. Ялик.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление В. Епанешникова.

А 06955 Подп. к печ. 5/X 1954 г. Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 804. Заказ 2876. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24

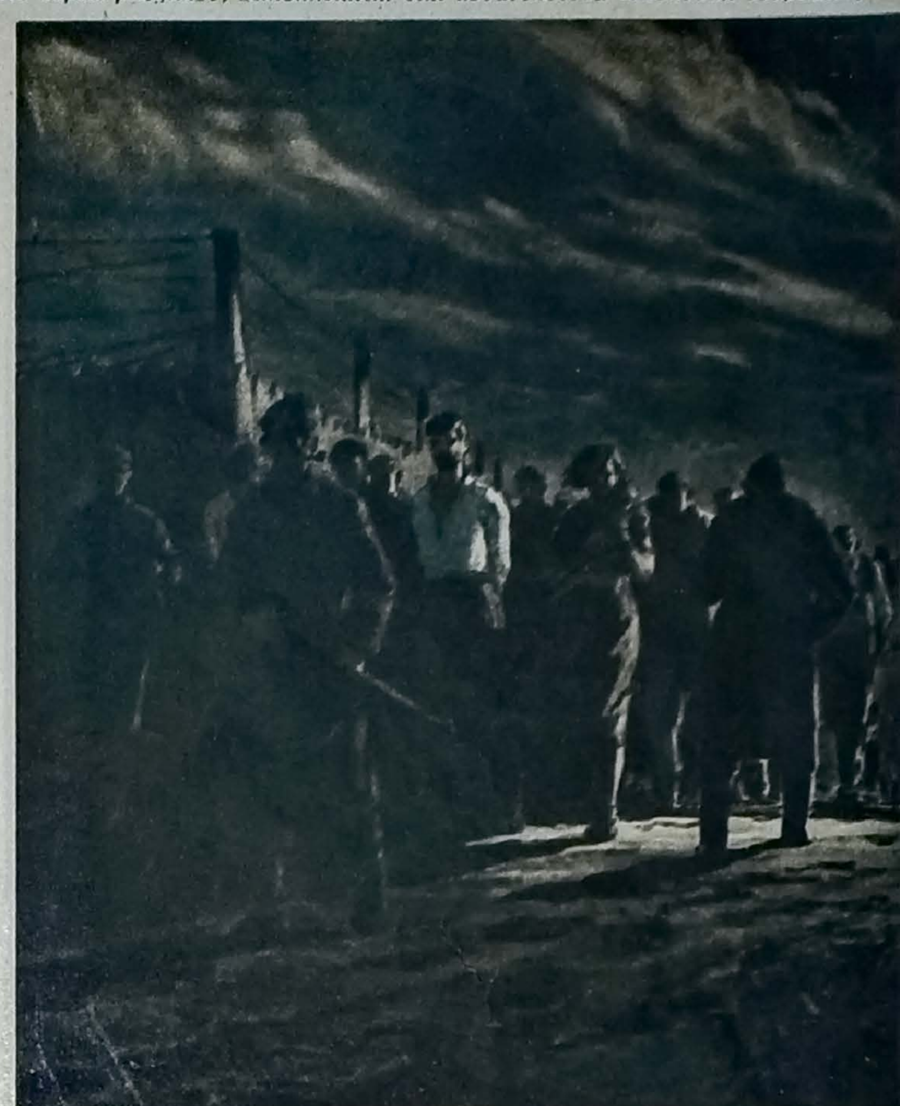
Copyrighted material

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА Ф. П. ГЛЕБОВА К РОМАНУ А. ФАДЕЕВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

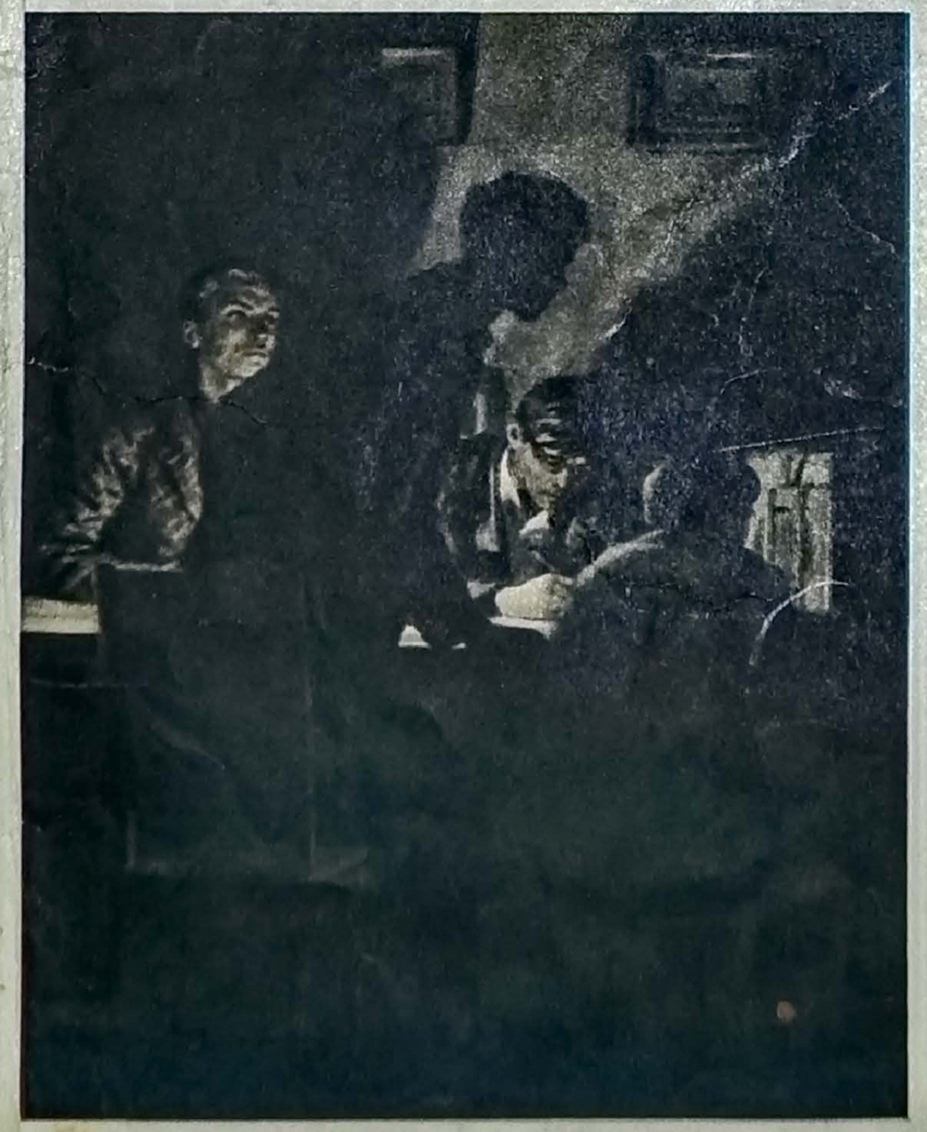
(Из серии рисунков, выполненных для издательства «Молодая гвардия»).

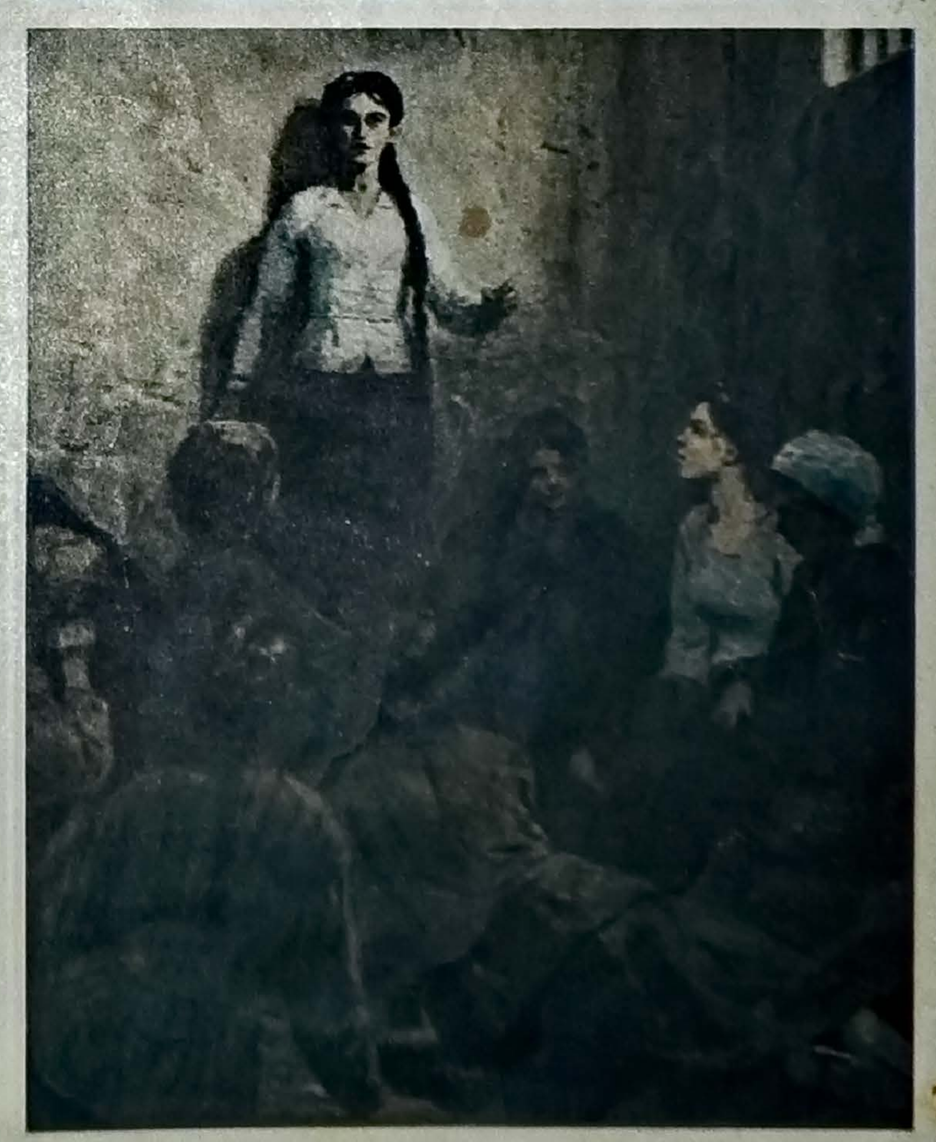
— ...Я не могу ехать сейчас... А кроме того, я не один,— избегая взгляда Клавы, с вдруг побелевшими губами сказал Ваня.

Их построили в колонну по четыре, оцепили, вывели за ворота и, освещая путь и самую колонну электрическими фонариками, вспыхивавшими то спереди, то сзади, то с боков, повели по улице в гору.

Дыхание огромного мира, окружающего их маленький городок, затоптанный в грязи сапогами вражеских солдат, мощное содрогание родной земли, биение ночной Москвы врывались в комнату...

— Нет! — сказала Уля все еще с тем стремительным выражением в глазах, с каким она читала. — Нет!..

Цена номера 3 руб.

Copyrighted material